

484(0.411.2)6
3-86

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

ЗОРИ
выпуск 15
САМОТЮРА

НИЖНЕВАРТОВСК

2019

КОНТРОЛЬНЫЙ ЛИСТОК
СРОКОВ ВОЗВРАТА

КНИГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ВОЗВРАЩЕНА НЕ ПОЗЖЕ
УКАЗАННОГО ЗДЕСЬ СРОКА

Коллич. пред. выдач. _____

<u>2022</u>	<u>2024</u>
13.01-51010	11/05-327
2023	
02.02 -27914	17.05-10355
9.03-22186	14.05-53638
13/05-944	13.06-2222
	22.12-27914

Алексенко

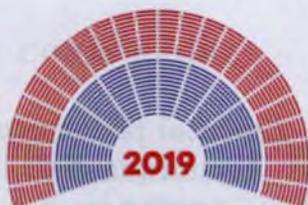
к.84(2-411,2)6
3-86

ЗОРИ САМОТЛОРА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

№ 15
2019

1

ГОД ТЕАТРА
В РОССИИ

20 лет
ЗНАНИЮ
РОДНОСТИ
КРИСТОФИ

2019 | МЕЖДУНАРОДНЫЙ ГОД
ЯЗЫКОВ КОРЕННЫХ НАРОДОВ

Литературному
объединению
Замысел

НИЖНЕВАРТОВСКОЕ
МБУ «БИС»
ИНВ. № 219052/1 - 1-10

ББК 84 (2Рос-Рус)6
3-87

*СВ добрый путь!
Анна Кузьмина
11.2021г.*

Главный редактор
Кузьмина А.С.

Редакционная коллегия:

Плюхин П.С.
Зуева Т.Т.
Кошкарева А.М.
Курач Н.Г.

ISBN 978-5-9288-0289-9

© Кузьмина А.С., составление,
редактура, 2019
© Курач Н.Г., иллюстрации, 2019
© ИП Халилова Е.П., 2020

ЗОРИ САМОТЛОРА

№ 15
2019

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ
ГОРОДСКОЕ ЛИТЕРАТУРНОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ «ЗАМЫСЕЛ»

СОДЕРЖАНИЕ

Альбина КУЗЬМИНА

Слово главного редактора.....	8
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС. Василий ТИХОНОВ, Максим КЛЕЦ.....	9
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС. Сергей ШЕВЧЕНКО.....	10
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС. Дмитрий МИЗГУЛИН.....	11
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС. Леонид ИВАНОВ.....	13
ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС. Ирина ИВЛЕВА.....	14

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Лейла АБАСОВА

Обними.....	15
Качели.....	15
Братство.....	16

Валентин АВДЕЕВ

Всевышний помог отстоять.....	17
Крымский мост.....	17
Весну сорок пятого помним.....	18

Валерий АКИМОВ

9 мая.....	19
Мой Нижневартовск.....	19
Жизнь.....	20

Марина АЛЕКСАНДРОВА

Нижневартовску.....	21
Догонялки.....	21
Липовый чай.....	22

Татьяна БУТНИК

Цена жемчужины.....	23
---------------------	----

Денис БУРДА

«Погас фонарь — последний страж ночи...».....	26
«В твои глаза смотрю так нежно...».....	26
Путник.....	27

Александр ГОЛОЗУБОВ

Весенний ручей.....	28
Осенний лес.....	28
Моя Отчина.....	29

Лидия ЖУРАВЛЁВА

«Месяц, серпик тоненький...».....	30
-----------------------------------	----

Старые фильмы.....	30
Комсомольцам Нижневартовска.....	31
Про дожди.....	31
Про комнатные цветы.....	32
Про светлячков.....	32
Василий ЗОЗУЛЯ	
Камни для Лизы.....	33
Ирина ЗМАНОВСКАЯ	
Одуванчик.....	35
Шарик-смешарик.....	36
Тамара ЗУЕВА	
«Зори Самотлора».....	37
Баллада о Самотлоре.....	37
Я письма посылаю Богу.....	38
И живет в душе любовь.....	39
Оружие в жизненной борьбе.....	39
Сирота.....	40
Светлана КОТОВИЧ	
«Мы с тобою вместе...».....	41
Альбина КОШКАРЕВА	
Мое отечество Сибирь.....	42
В Пасхальный день.....	42
Забытая деревня.....	43
Альбина КУЗЬМИНА	
Замолвлю слово о моём народе, или Сага о Югорской земле.....	44
Олег КУЗИН	
О Нижневартовске.....	69
Гитара.....	70
Михаил КУЛТЫШЕВ	
Космонавту нашего города.....	71
Весеннее.....	71
Счастливого полета, Яша!.....	72
Нина ЛЕКСИНА	
Мне бы два крыла.....	75
Поэту.....	75
Миру – Победа нужна!.....	76
Намоленное место.....	77
Галина ЛОСКУТОВА	
Счастье.....	80
Россия-мать.....	80
Светлана МАЙОРОВА	
Северный апрель.....	81
«Я в тебе люблю себя...».....	81
«Я по маю грустила, по маю...».....	81
Что останется.....	82
Марьям МАМЕДОВА	
«Иван-чай».....	83
Виктория МИРОШНИЧЕНКО	
Анне Ахматовой.....	85

«Пусть жизнь меня наотмашь bila...»	85
Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ	
Обыкновенная новелла	86
Михаил НИКОЛАЕВ	
Налетела буря	95
Мой Нижневартовск	96
На даче	96
Галина ОГОРЕЛКОВА	
Прикипела к Югре	97
Будь себе верна	97
Оксана ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА	
О лучшем стихе	98
Светлана РАМАЗАНОВА	
Говорить, как дышать	99
Свиристели	99
Уходите вовремя	100
Роза САЛАХ	
Шорунджа	101
Роза САРЬЯНОВА	
Сорок лет вместе	104
Сергей ТРОХИМЕНКО	
Жизнь как сказка	108
Кокетка осень	108
Надеяться, верить	109
Татьяна ТРУШИК	
Пробуждение	110
Май в Сибири	110
Земля Югры	111
 В ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОСТИНОЙ	
Евдокия МАКСИМОВА	
Приезжайте к родителям в гости	113
Брошенная деревня	113
Валентин КИРЕЕВ	
Моя мечта	114
Встречая зарю	115
Сергей СМЕТАНИН	
Привет с берегов Невы	116
«Эта осень, как взрыв, как пожар...»	117
Облака Севера	118
«От Сургута к Нижневартовску»	118
Леонид ИВАНОВ	
Последний хранитель из Перекатной	119
Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ	
Никто не узнает	125
Преступная любовь	126
Приём	127

Екатерина ВОЛОДИНА	
«Солнечно, сладостно у весны в объятьях...»	129
«Серебряный голос России...»	130
«В октябре к белоснежью летят пожелтевшие листья...»	130
Павел ПЛЮХИН	
«Хочу успеть!...»	132
Мой друг!.....	132
Виктору Ивановичу Муравленко.....	132
Сергею Ивановичу Денисову	133
Буровому мастеру Анатолию Шакшину.....	133
Григорию Кравчуку!.....	133
Игорь КИРИЛЛОВ	
Театр.....	135
НОВЫЕ ИМЕНА	
Альбина АБДУЛЛИНА	
Вишня в ликёре.....	136
Обнимало меня море	136
Над книгой.....	137
Сергей ДИДЕНКО	
Столица счастья.....	137
Аган.....	138
Новооганск.....	138
Александр ЗУЕВ	
Фушима.....	139
Алевтина ПУШКИНА	
«Бьёт в лицо мне ветер северный...»	143
Дарья ЕЛИСОВА	
Поля.....	143
Зажгите свечу на 9 мая.....	144
Кипарис.....	144
Родион ГАРИПОВ	
«Твои слова мне душу греют...»	145
«Ты — нимфа чувств, а может, фея...»	145
Карина МУХАМАДУЛЛИНА	
Подари мне лучик света.....	145
Вадим ШЕМЯК	
«Каково быть лицемером!...»	148
Николай ПОЛЯКОВ	
День оленя.....	148
Про бурильщика.....	149
Вера ФОКИНА	
Ветер.....	150
С Днём Победы	150
Непогода.....	151
Валентина ТАНЦЫНОВА	
«Ах, как хочется нарядиться...»	151
«Спи, мой маленький сынишка...»	152

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Кирилл ИВАНОВ	
Сидишь на парах.....	153
Старая деревня и юность.....	154
Александр КОЗЫРИН	
Говорят о море.....	155
Эльвира ЛАТЫПОВА	
Незнакомка.....	155
Константин КИКТЕНКО	
Через век.....	156
Татьяна ЕРМИШКИНА	
«Откружили зимние метели...».....	156
Эвелина РЯБОВА	
Про Леню.....	157
Иван ЛЕВЧЕНКО	
«Пенье птиц и аромат сирени...».....	158
Камила БАГУМАНОВА	
Мальчик-гений.....	158
Денис КАФКИАНСКИЙ	
«Сердце бешено бьётся разорвавшейся дробью...».....	159
«Вгрызаясь...».....	159

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Богдан ХАРИСОВ	
Коренные народы Севера.....	160

В НАШЕЙ ПАМЯТИ

Лидия ТАСКАЕВА	
Солдатам войны — дедам и отцам.....	162
О любви.....	162
Лариса ТЕЛЕГИНА	
Ностальгия по весенним лужицам.....	164
О, свято-Данилов монастырь, ты сердцу моему дорог.....	166

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ. ДРАМАТУРГИЯ

Татьяна ТЕТЕРЕВКОВА	
Князь светлейший.....	169

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ.....	181
---------------------------	-----

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

Николай КУРАЧ	
«Югорский сувенир» — 20 лет творчества.....	185

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Дорогие мои коллеги, друзья!

Событие грандиозной важности произошло для литературной общественности города и его жителей в декабрьские дни 2019 года — Торжественное открытие мемориальной доски югорской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой на доме по пр. Победы 3, там, где долгие годы проживала и создавала свои замечательные произведения во благо России.

Среди знаменательных дат 2019 года: — 25-летний юбилей городского Литературного объединения «Замысел», важная ступенька, по которой поднимаются писатели и поэты, привнося свой труд для жителей нашего Нижневартовска, Югры и России в целом. Насколько была бы рада и счастлива этому событию наша спасительница и защитница. Ждала его Маргарита Кузьминична, сердцем болея за каждого из нас... Не без Божией благодати случились и другие юбилейные даты: 20 лет со дня Великого освящения Храма Рождества Христова и 20-лет Православной гимназии в честь Казанской иконы Божией Матери. Это и юбилейные мероприятия открытия и освоения Самотлорского месторождения, 25-летний юбилей Думы города... Большое торжество в последующем — 90-летний юбилей Ханты-Мансийского автономного округа — Югры; 75-летний юбилей Победы советского народа в Великой Отечественной войне 1941-1945 годов. Наши дорогие читатели обязательно найдут для себя близкую тему в произведениях поэтов на страницах альманаха. Поскольку именно писатели несут гуманную миссию воспитания любви к своему Отечеству, к истории и традициям нашей страны, формируя гражданско-патриотические чувства к Родине.

Особая благодарность — друзьям, кто беззаветно помогал нам и продолжает оказывать помощь: в издании альманаха, в изготовлении мемориальной доски, в выявлении творческих сил молодых литераторов, оказывает посильную материальную поддержку в издании книг писателям города. Спасибо всем, кто рядом в это трудное и непростое время, кто понимает изначально прижизненное Слово Благодарности и Меценатства...

Удачи всем, кто прикоснется к страницам нашего альманаха!

С уважением, Альбина Кузьмина

Альб. Кузьмина

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

25 лет литературному объединению «Замысел»

Уважаемые друзья!

От всей души поздравляем литературное объединение «Замысел» с 25-летием!

На протяжении всего этого времени вы задаете и поддерживаете уровень развития литературного творчества в Нижневартовске, сохраняете знания, непреходящую ценность которых еще предстоит осознать. В вашем объединении создана доброжелательная атмосфера, позволяющая преобразовать потенциал человека в реальность, возможности в свершения, замыслы в произведения.

Пробуждение творчества и повышение уровня мастерства, открытие новых горизонтов, обмен опытом, получение рецензии на свои произведения — вот только самый скромный перечень возможностей «Замысла».

Казалось бы, 25 лет — небольшой срок, но эти годы, наполненные событиями, вписали яркие страницы в литературную жизнь и города, и округа. И это только начало!

Глава города
Василий Тихонов

Председатель Думы города
Максим Клец

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Сергий ШЕВЧЕНКО

Благочинный Нижневартовского городского Благочиния, настоятель Прихода храма Рождества Христова, протоиерей

История жизни храма Рождества Христова берёт своё начало с 1990 года с установки Креста, а в 1999 году состоялось Великое освящение храма. За годы становления храма при Приходе появились православная гимназия, Воскресная школа для детей, Воскресная школа для взрослых. Благодаря сотрудничеству с Нижневартовским государственным университетом выпускается журнал «Православие. Наука. Образование». Действует Большой хор и Детский церковный хор, Сестричество в честь святых Космы и Дамиана, молодежное движение «Югра Молодая Православная». Совместно с благотворительной организацией «Надежда» осуществляется социальная реабилитация, работает столовая для малоимущих. Благодаря тесному сотрудничеству Прихода с общественными организациями, в том числе и с городским Литературным объединением «Замысел», возрождаются и укрепляются православные традиции, осуществляется духовно-нравственное воспитание и просвещение молодёжи. Нередко писатели — гости у детей в Воскресной школе и в православной гимназии, читают ребятишкам собственные произведения, рассказывают, какова дорога к Храму. 2019 год для православных верующих ознаменовал себя юбилейными датами: 20 лет со дня Великого освящения храма Рождества Христова, 20 лет ЧОУ «Православной гимназии в честь Казанской иконы Божией Матери», 25-лет Литературному объединению «Замысел»... Именно литераторы в доступной прозе и в стихотворной форме воспитывают любовь к истории и традициям нашей страны, формируют гражданско-патриотическое отношение к Родине.

Желаем литературному объединению «Замысел» и его бессменному руководителю, — крепости сил, творческих успехов и неоскудевающей помощи Божией в деле просвещения, в благих трудах и начинаниях. Пусть Божие Благословение неизменно пребывает со всеми вами!

протоиерей Сергий Шевченко

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Дмитрий МИЗГУЛИН

С-Петербург

Председатель Правления Ханты-Мансийской окружной общественной организации Союза писателей России. Академик Петровской академии наук и искусств, академик Российской академии естественных наук. Президент литературного благотворительного фонда «Дорога жизни». Заслуженный экономист Российской Федерации, кандидат экономических наук. Почётный житель г. Ханты-Мансийска

Дорогие друзья!

Поздравляю вас с 25-летием Литературного объединения «Замысел».

На ваших глазах вершилась история — рядом с Самотлором, — крупнейшим в мире месторождением нефти стремительно росли городские кварталы Нижневартовска. О великих событиях напишут историки, хроникеры, журналисты — они с точностью до часа сохраняют события минувших дней. Но творят историю люди творческие — своим трудом, — и их жизнь, радости и горести, любовь и разлука, счастье и беда — душевные переживания и чувства останутся на страницах художественных произведений — стихов и поэмы... Ведь именно литература позволяет нам правильно понять и оценить прошедшую эпоху, сегодняшние дни и задуматься о будущем. Литература Югры давно получила в кругах отечественных литературоведов и критиков самые высокие оценки. И «Замысел» — на высокой ступеньке. Вашими стараниями издается альманах «Зори Самотлора» — издание, которому удаётся реализовать принятую в стране комплексную государственную программу, направленную на развитие интереса к русской и мировой литературе, пропаганду чтения. Замечательно, что у писателей Самотлора имеется возможность представить на страницах своё захватывающее творчество для широкой аудитории нашей страны. Литературное творчество — дело особо индивидуальное и писатель одинок по сути своей, и тем важнее для нас общение в тесном кругу единомышленников поддержка товарищей по перу. Дай Бог Вашему творческому союзу и дальше процветать на благо Югры и русской литературы, а всем вам, — новых, замечательных произведений!

РОЖДЕСТВО

В церкви тихо. За окнами синими
Хлопья снега, неспешно летящего,
В серебристо-березовом инее
Очертания города спящего.
Снегири, как шары новогодние,
Украшают столетние ели,
И сомненья тревожат — сегодня ли,
Вдруг отступятся злые метели.
И рассеется вьюга вселенская,
И застынет, притихнув, природа,
И зажжется звезда Вифлеемская,
Озарив полумрак небосвода.

Дрожащие тени ложатся
На светлые воды реки,
Опавшие листья кружатся,
Красивы, изящны, легки.
И пахнет так резко и странно
От свежей, промерзшей земли,
И в небе прозрачном, стеклянном
Чуть слышно звенят журавли.
И есть еще время до срока,
Когда загудят провода,
Когда поседеет осока,
Когда потемнеет вода.

Застыли великие реки,
Притихли нагие леса.
От сумрачной хмари навеки
Очистил Господь небеса.
Прозрачны промерзшие дали,
И видится так далеко,
И осени хмурой печали
Развеялись утром легко.
Не так ли, в сомненьях запутан,
Нисходишь во мрак не спеша,
Но вдруг в роковые минуты
Становится зрячей душа.

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

Леонид ИВАНОВ

Тюмень

Ответственный секретарь Тюменского регионального отделения Союза писателей России, редактор литературно-художественного и историко-краеведческого альманаха «Врата Сибири»

СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ РОССИИ
Тюменское региональное отделение

=====

265031, Тюмень, ул. Шишкова, 6

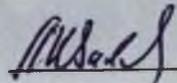
Литературному объединению «Замысел»

Вы отмечаете уже четверть вековой юбилей, это говорит о том, что 25 лет назад замыслили вы действительно, доброе дело. Оно сплотило литераторов города, одним помогло сделать первые, пусть даже очень робкие шаги в большую литературу, другим — стать профессиональными писателями. Но и авторы изданных большими тиражами книг, и пишущие для себя и близких, благодаря литературному объединению, обрели свой круг общения — общения людей с искренним и большим уважением к Слову.

Желаю вам всем в следующую четверть века крепкого здоровья и отличного настроения, как залог новых успехов в творчестве. Когда душа поёт, сердце бьётся ровно, не скрипят простуженные Севером суставы, и не колет ни в каком боку, — то и произведения будут получаться добрыми, пронизанными любовью к людям и Родине.

С надеждой на развитие нашей дружбы и сотрудничества, —

Леонид Иванов

ПРИВЕТСТВЕННЫЙ АДРЕС

С Юбилеем!

*Уважаемая Альбина Семёновна!
От души поздравляем
литературное объединение
«Замысел» с 25-летием!*

*Ваше творчество – как лучик
света, радует почитателей
таланта местных авторов. Желаем
верной дружбы и взаимной
поддержки, крепкого здоровья и
личного благополучия, а также
нескончаемого потока энтузиазма,
чудесных идей, интересных
произведений, стихов и громких
аплодисментов, переходящих в
овации!*

*Коллектив и
Директор МБУ «БИС»
г. Нижневартовска И.Е. Иванова*

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Лейла АБАСОВА

Обними

Мне руки твои — словно гавань в море —
Спасение заблудших кораблей.
В них столько нежности и столько воли,
Так, обними меня покрепче, поскорей!

Твоих ладоней жизни паутину
Сплела судьбы загадочная нить,
Всё крепче нас она соединила,
Никто не сможет это объяснить!

Их доброе в движеньях очертание,
Как-будто два могучие крыла
У самого достойного создания, —
У мудрого и сильного орла...

Пусть пощадят их жгучие морозы,
Лишь их тепло мою волнует кровь.
Смахнут с щеки росинки — мои слёзы,
Которые рассыпала любовь.

Твоя ладонь мою укроет смело,
В мир для двоих поманит за собой,
Я каждой моей клеточкою тела
Тянусь к тебе, и знаю, что ты мой!

Качели

Кто-то там, высоко,
Раскачал не спеша
На качелях меня,
Я сижу, чуть дыша...
Кто-то там, высоко,
Неуклюжий такой
Раскачал до небес
Меня сильной рукой,

То ли ждёт, что сорвусь,
То ли к солнцу зовёт,
Я разбиться боюсь,
Тот, кто падал, поймёт.
Сумасшедшие, пусть
Унесут меня вдаль,
Бесконечен разбег
И меня им не жаль.
Ветер жжёт мне глаза,
Ветер с ним заодно,
Но не дрогнет слеза,
Удержусь всё равно!

Братство

Не сжимай свою руку в кулак,
Не скрипи, дерзко стиснув, зубами,
Он тебе и не друг, и не враг,
Для чего ты разжжёг это пламя?!

Он чужой для тебя, что же в этом?
Что так душу твою тревожит —
Не со вкусом и странно одет он,
Говорит тоже странно и что же?

Опусти наземь камень, не бойся,
Ты за пазухой лучше держи
Добрых слов разноцветную россыпь,
И дари их без фальши и лжи.

Ты украдкой, поведай чужому,
О культуре своей и о быте,
Он вдали от родных и от дома,
Среди новых людей и событий.

Ведь от дома вдали, на чужбине
Вдруг, чужим можешь ты оказаться,
Как в печи закаляется глина,
Так рождается крепкое братство!

Валентин АВДЕЕВ

Всевышний помог отстоять...

Ревело здесь всё,
что могло зареветь.
Стонало здесь всё,
что могло застонать.
И глотки закрыть лишь
могла только смерть.
За Родину! Сталина! За Ленинград!

Их много осталось...
победный взяв старт,
И с верой в живых
всех смертельных атак
Собой проложили дорогу в Рейхстаг.

Фашизм разгромили...
Пришли чтить ребят;
Кровавую бойню,
убийственный ад...
Всевышний помог —
отстоять Сталинград!
И городу имени Он не менял.
Героям — Героя
навечно отдал!
Мамаев Курган —
Сто два высота.
Мать — Родина Минина помнит слова,
Пророчество вечно
живёт со страной.
С ним Сталин взрастил Победы зерно!

Крымский мост

Связь России с Тавридой не прервана:
Вся страна претворяла мечту
И доверила руль только Первому —
Он по Крымскому ехал мосту.

Президент вёл машину уверенно:
Мост, как воздух в Российскую жизнь,
Он надёжной аортой два берега
Свёл навеки в один организм.

Тут и вера его, Победителя,
От святого Божественный дар,
Чья дорога вела в храм Святителя,
Где Владимир Христа воспевал.

И ведёт нас дорога воителя,
И не гаснет в душе героизм,
И ликуют победа Строителя,
Русский дух и его оптимизм!

И помчались авто в обе стороны,
Поднимая сиренами день,
Что от Родины был оторванный,
Убирая разлуки тень...

Весну сорок пятого помним

На плитах гранитных пылает огонь,
Он помнит военное время.
Хранит позолота бессмертных имен
Героев победное племя.
Мы ими гордимся, и память жива,
Всех песен о них не допели,
Цветет в наших душах Победы весна,
И бури презрев, и метели.
Под флагом Победы хлеба на полях,
И счастьем победного мая
Россия родная крепчает в делах
И мир во всем мире верстает.

С юбилеем!

Валерий АКИМОВ

9 мая

Не бодрит, а только студит.
Да какой с погоды спрос?
Неприятие в нас будит
Не морозец, а мороз:
Над людьми эксперименты!
Да ничто — такая «власть»,
От георгиевской ленты
Стойкость нам передалась,
Прямоту дала осанке,
Стужа майская — не новь:
Марш Прощание славянки
Разогнал по жилам кровь.

Мой Нижневартовск

Не за калым, не на калым
Я не поеду в Когалым,
 Ни за какие калачи
 Меня не сманят Покачи.
И у судьбы излишен пас,
Что предлагает Лангепас,
 И не по нраву даже он —
 Такой уютный Мегион.
Давно забыт молящий гуд,
Как зазывал к себе Сургут.
 И пусть не предъявляют иск
 Нефтеюганск, Ханты-Мансийск,
Не зрят следы моих сапог
Излучинск, Радужный и Повх,
 Ноябрьск, и Нягань, и Пыть-ях:
 Моей души нет в тех краях...
Здесь для неё нашёл покой,
Что подтверждаю и строкой,
 Не затеваю с вами спор:
 Его взлелеял Самотлор,

Лишь Нижневартовск — по нутру!
Я тут когда-нибудь умру,
 В нём все мечты мои сбылись...
 Обь до Упы — такая близь,
Где Тула — родина моя,
Любовь свою, к ней не тая,
 На сердце сразу тает лёд,
 Когда сажусь на самолёт,
И сможет он меня умчать
О Нижневартовске скучать!

Жизнь

Как же надоело ожиданье!
Мне гораздо лучше догонять.
Бремя до заветного свиданья
Невозможно разумом принять.

В мурый вечер и на солнцепёке,
Не под снегопадом, так дождём
Сероглазы или синеоки
Не живём, а всё чего-то ждём.

Марина АЛЕКСАНДРОВА

Нижевартовску

Мой город, улицами светлыми,
Средь круговерти новых дней
Своими мыслями заветными,
Судьбой ты делишься своей.

Твой ритм, твой пульс, твоё дыхание —
Мой день, старание моё,
И в час ночной, и в утро раннее
Моё счастливое житьё.

Когда в спокойствие вечернее
Концертом фестиваль поёт,
Прольётся общее влечение
В салюта праздничный полёт.

И снова — будней нетерпение:
Твой пульс, работа, чёткий ход,
И трезвый день, и взлёты гения —
До фестиваля целый год!

Догонялки

Извините, не читаю
Всё своё я наизусть.
Столько вариантов знаю —
Увлекусь и не вернусь.

Посмотрите — стих, как птица,
Что к свободе рвётся ввысь.
Удержу — строка ложится...
В стаю птицы собрались.

А потом листочек — посох,
Я держусь его в пути:
Повторить творенья способ,
А не новое найти...

Липовый чай

Душистые цветущие деревья,
Жужжанье пчёл и шорохи листвы...
У летних дней есть время для цветенья,
У поколенья — время для любви.

А после и покой, и увяданье...
Вязание, а как же без него!?
Присмотришься — продлится узнаванье,
Нет равнодушных после — никого!

Из липы чай, когда заваришь цвет,
Даст аромат и умиротворенье.
Да славит жизнь июльское цветенье:
Для поколений многих вечный свет...

Татьяна БУТНИК

Цена жемчужины

Сказка

Все девушки рано или поздно обзаводятся семьями. Однако, героиня моей истории никак не могла найти для себя достойного. Сама же была чересчур строптива. Доброго слова никому не скажет. Глядя на чужие свадьбы, усмехалась, выискивала недостатки у жениха и невесты. Сравнивала невесту с собой, сама себе нравилась. Только недоумевала, почему же в нее никто не влюбляется. Приданое готово. Возраст подходящий. Внешность — любого осчастливит. Но проходили дни и месяцы, а ей по-прежнему приходилось смотреть на чужое счастье. Жила девушка со своей матушкой и младшей сестрой в небольшом деревенском домике. Всю домашнюю работу она со временем перевалила на них. Прихорашивалась, бродила по саду, по дому, поглядывала в окна, сердилась да покрикивала на всех... Чем дальше, тем сильнее одолевала ее злость от мысли, что никто не возьмет ее замуж.

Однажды матушка сказала ей:

— Перестань же, наконец, сердиться и ворчать, а лучше спроси у себя, чего ты хочешь в жизни.

— Как это, сама у себя спроси? — подумала дочь. Однако же, призадумалась и побрела к пруду.

Там на темной воде светились кувшинки, словно белые водяные розы. Она любила бывать здесь, любила эти удивительные цветы. Ей казалось, что они похожи на нее. Такие же прекрасные, гордые и холодные. Девушка потянулась за ближайшим цветком, наклонилась над водой и вдруг увидела в воде отражение. Это было ее собственное отражение и в то же время совсем не похожее на нее. Темные глаза на прекрасном лице смотрели приветливо и немного грустно. Девушка в испуге отпрянула, а отражение вдруг заговорило с нею:

— Не бойся. Я — это ты. Такая ты, какой можешь стать. Послушай, что я тебе скажу. Ты выйдешь замуж, если отыщешь столько жемчужин, чтобы их хватило на ожерелье.

Не дослушав, девушка бегом припустилась домой. Там она перевернула все в поисках жемчужин, но не нашла ни одной. Тогда она побежала в сад, обыскала все закоулки, осмотрела все тропинки и клумбы. Но так ничего и не нашла. Огорченная, чувствуя себя обманутой, девушка рассказала обо всем матушке.

— Дорогая моя доченька, ты хочешь выйти замуж, хочешь жить с другим человеком под одной крышей, но у тебя совсем нет терпения выслушать даже саму себя. Ступай же снова к пруду.

Среди белых цветов отражалось уже знакомое лицо. Девушка услышала слова, обращенные к ней с заметной грустью:

— Так просто жемчужин ты не отыщешь. Каждая будет дарована тебе судьбой за доброе дело или правильный поступок, за сердечные слова и сострадание к людям.

В полной растерянности побрела девушка домой. Она никогда не задумывалась над своими поступками. Правильные они или нет, об этом она и понятия не имела, да и думать не хотела. А добрые дела? Так ведь совершать их, наверно, нелегко...

Однако, этим же вечером вымыла тарелки после ужина, чем очень удивила сестренку и обрадовала матушку. И тотчас побежала искать жемчужину в своей комнате, но ее там не было. В слезах улеглась она в постель и заснула.

На следующее утро девушка задумчиво подошла к окну своей комнаты и заметила, что герань в горшке совсем завяла, потому что ее давно не поливали. Погруженная в свои невеселые мысли, она принесла воды и полила цветок. И только собралась уходить, как заметила, что в глиняном поддонце что-то блеснуло. В ее руке оказалась прохладная, таинственно мерцающая жемчужина.

В следующий раз жемчужина оказалась в середине красного яблока, которым старушка-соседка угостила ее за то, что она принесла ей воды из дальнего колодца. Как-то зимой драгоценная находка неожиданно обнаружилась в птичьей кормушке среди хлебных крошек и пшена, и на прутике березовой метлы, которой девушка разметала снег у крыльца после метели.

Нельзя сказать, что жемчужины сыпались, как капли росы утренней порой. Иногда находилось сразу несколько штук, если мысли девушки были бескорыстны, и она бывала счастлива просто потому, что в садике расцвели ее любимые белые левкой.

В иные дни девушка словно торопила время. Сама искала для себя добрые дела с мыслью найти очередную жемчужину и присоединить ее к ожерелью. В этом случае жемчужины долго не появлялись. Однажды ей пришлось просидеть всю ночь у постели заболевшей сестры, не смыкая глаз, подавая лекарства, поправляя подушки. Этой ночью она ни разу не подумала ни о замужестве, ни об ожерелье. Сердце ее сжималось от сострадания и любви к больной. На рассвете с белой подушки сестры крупною слезой скатилась яркая жемчужина.

— Так вот какова цена жемчужин... — тихо прошептала девушка. Так постепенно она училась заботиться о других.

Прошло еще немало дней. Ожерелье было почти собрано. Однажды, поливая в садике белые левкой, девушка увидела сестренку, которая играла среди травы, и, как обычной ленточкой, разма-

хивала ее жемчужной ниткой. Сердце старшей сестры похолодело от мысли, что нитка может порваться, драгоценные бусинки разлетятся крупным дождем по густой траве. Так и случилось. Бусинки рассыпались, раскатились все до единой!

Ни одной жемчужины не отыскивали сестры в траве. Этой ночью они спали вместе. Их парчовые подушечки поблескивали в свете ночника, постепенно темнея от пролитых слез.

А на утро они принялись за привычные дела. Старшая сестра немного грустила, но глаза ее были добры и приветливы. Ведь к этому времени она из ленивой, эгоистичной и грубой превратилась в трудолюбивую, добросердечную и милую девушку.

Покончив с делами, она решила пойти к пруду искупаться. Девушка плавала, плескалась в прохладной воде. На нее смотрели холодные белоснежные кувшинки, словно водяные розы, но ей уже не казалось, что они похожи на нее. Бросив взгляд вдоль берега, она заметила молодого рыбака, который приветливо махнул ей рукой. Вы спросите меня, неужели девушка так и не нашла свое жемчужное ожерелье? А разве дело в жемчугах?!

Денис БУРДА

Погас фонарь — последний страж ночи,
Зевают звёзды — сонные тетери,
И белых окон яркие огни
Прощаются уже со сновидением.

Усталый дворник песнь свою завёл.
Проснулись спящие давно автомобили.
Как будто не было задумчивой зимы,
Как будто и метели нам не выли.

Скрипит снежок под мёрзлым каблуком,
И чистый воздух холодом разряжен.
Неся в наш мир свой утренний поклон,
Рассвет нам сказки добрые расскажет.

В твои глаза смотрю так нежно.
Там живет звезда, надежда.
Там тепло любви и утра,
Там цветы растут как-будто.
Сладость губ, увы, незрима,
Рук тепло мне не познать.
Ты мечтой далекою гонима
И готова брать, и отдавать.
Но тебя понять совсем не трудно.
Русло жизни у тебя одно.
Днем — семья, обыденное утро,
Ночь, чуть приоткрытое окно,
Подоконник, кофе, вдохновение...
Ты стихи читаешь и поешь,
И твое минутное прозрение
Утром смоеет монотонный дождь.
Твой полет бесшумен, но прекрасен,
Взмах крыла под россыпью волос.
Только для меня, увы, опасен
Омут этих бесконечных снов.
Я — лишь ветер, что в окно ворвался,
Со стихами разметав листы.
Покружился и в руке остался
Строчкою несбывшейся мечты.

Путник

Серпантином жизни дорога.
Я, как путник по ней иду,
Обессилев в пути немного,
Но свой крест на спине несу.

И немеют под тяжестью плечи,
Тянет тело к сырой земле.
Грусть мою алкоголем не лечат,
Эта грусть не утонет в вине.

И босою ногою ступаю
На осколки прожитых лет.
Не всегда я и сам понимаю,
Для чего оставляю след.

Никого не ищу, не тревожу
Монотонной своею ходьбой,
Просто дождь, — одинокий прохожий,
Позабывтый своею судьбой...

Александр ГОЛОЗУБОВ

Весенний ручей

Весь день звенел ручей весенний,
Упрямо мчался вдаль к реке,
И талых вод поток последний
Резвился бурно в тростнике.

Ломал подгнившие корни
Вдоль берегов у камыша,
И грозно мутное течение
Его несло листвою шурша.

А за оттаявшим пригорком
Пробилась первая трава,
Плескала солнцем по задворкам
Весна, вступившая в права.

Грачи расселись на осине,
На ветках радуясь весне,
И в светлой тонкой паутине
Пробился лучик в вышине.

Осенний лес

Затих осенний поредевший лес.
Луна из тучек сонно выплывает,
А с высоты темнеющих небес
Звезда в ночи полярная сияет.

Не слышно звука в сумраке ночном,
А только шелест, как спадают листья.
Они шуршат в кустарнике лесном,
Цепляясь за рябиновые кисти.

Скользит луна по заводи речной,
И с двойником своим в реке играет,
И сквозь туманность жёлтой полосой
Седые дали нежно освещает.

Блестит на травах светлая роса,
Рассыпавшись вдоль берега крутого.
И куликов последних голоса
Уже не слышны у ручья лесного...

Моя Отчина

Под окошком дома расцвела сирень,
Бледная ложится у калитки тень,
Кисти засверкали лунным серебром,
Звёздочки мерцают ночью над селом.

Мило и спокойно на душе моей.
За рекой притихшей слышен соловей.
Песня эхом льётся из лесной глуши,
Громко раздаётся в сумрачной тиши.

Славит он Россию — Родину мою!
Я о ней всем сердцем трепетным пою!
Здесь моя Отчина и родимый дом,
Где когда-то жили матушка с отцом...

Там за сельской баней по тропе степной,
Бегал я на речку через луг родной,
Солнце золотилось на листве берёз,
А за ними чистый простирался плёс.

Не забыть до смерти мне раздольный край,
Травы медовые и цветущий май,
Где хлеба густые зреют на полях,
И грачи вьют гнёзда в старых тополях.

С юбилеем!

Лидия ЖУРАВЛЁВА

Месяц, серпик тоненький,
Как на волоске.
Свет несёт, оброненный
Где-то вдалеке.
Скоро — новолуние,
Будет ночь темна,
Станется ненужною
Штора у окна..
Буду чётки звёздные
Я перебирать,
Ноченькой морозною
Так охота спать!
Но хитра бессонница,
С ней уснуть нельзя,
Ночь к рассвету клонится,
По небу скользя.

Старые фильмы

Старые фильмы. И странное чувство..
Смертны актёры, но вечно искусство.
Трепетен отсвет ушедших вселенных,
Явно бегущих от призраков тлена.

Мысли, эмоции живы, как прежде.
И, повинуюсь всеильной надежде,
Новые фильмы и новые роли,
Будут источником страсти и боли.

Мы проживём непрожитые жизни,
Вновь возрождаясь. И без укоризны
Всё же отметим, что старые ленты
Вовсе не старятся, спрятаны где-то...

Комсомольцам Нижневартговска
к 100-летию юбилею

Не за длинным рублём мы погнались когда-то, поверьте.
Что мороз, что пурга — было всё нам с тобой нипочём.
Помню только одно: мы пахали в то время, как черти,
Чтобы город построить, в котором сегодня живём.

Для кого-то пускай комсомол был тогда не в почёте,
Только жаром горячих своих комсомольских сердец
Мерзлоту согревали мы. В нашей тяжёлой работе
И тогда каждый был, как на линии фронта, боец.

Всё осилит любовь. Как мы дерзко и сильно любили!
Это молодость пела, как птица на ветках души.
Наши дети и внуки пусть знают: мы счастливы были
И проститься мы с юностью нашей совсем не спешим.

Вспоминая друзей, что до срока ушли молодыми,
Мы их память почтим и представим, что рядом они,
Мы в едином строю. Хоть и видим друг друга седыми,
Орденами на сердце лежат комсомольские дни.

Про дождики
рассказки для Толика

Жили-были дождики. Они целый день катались на тучках, болтали ногами и смотрели — что делается на Земле. Когда тучи бегут по небу, внимательно присмотришься, — и ты увидишь их, дождики. А если посмотришь ещё внимательнее, то в руках у них, дождиков, ты увидишь... лейки! Эти лейки не простые, а волшебные. И у каждого дождика своя лейка. Когда дождик льёт воду из лейки на Землю, то люди говорят: вот и дождик пошёл. Так что без леек дождикам никак нельзя, иначе они ходить не смогут. А еще, дождики бывают разные. Если пойдёт грибной дождик, — то будут расти грибы. Если клубничный или земляничный, — будут расти ягоды. А если пойдёт самый маленький дождик, то будут расти дети. Вот почему все дети так любят гулять под дождём, — им хочется скорее вырасти.

Скоро наступят весна и лето, и мы с тобой будем обязательно гулять под дождём. Хочешь?! А про звездный дождь я тебе расскажу после. Договорились?! Теперь пора спать. Спокойной ночи!

Про комнатные цветы

Ты видел, как растут цветы в поле и на лугу? Видел, какие они красивые? А знаешь, почему они такие? Дождик напоит их водой, солнце пощекочет тёплыми лучами, ветерок погладит по головкам и шепнёт ласковые слова, — вот цветы и вырастают в любви на радость себе и людям. У тебя в комнате тоже растут цветы, но ведь дома нет ни солнышка, ни дождика, ни ветра. Кто подарит им свою любовь? Только ты. А поэтому цветам, чтобы расти и цвести, нужны будут твои внимание, забота и ласка, моё Солнышко.

Хочешь, я научу тебя волшебным словам, от которых твои цветы вырастут самыми красивыми? Когда ты будешь поливать их, говори каждому цветку: «Пей, цветочек, вырастай!». Когда будешь рыхлить землю, говори: «Ты дыши, мой цветочек, хорошо!». А, если увидишь, что у цветка выросло с одной стороны больше листочков, то разверни горшок другой стороной к солнцу и скажи: «Грейся, грейся, мой цветочек!». Обязательно убери все больные листики и скажи: «Ты, цветочек, не болей!». Тогда ты очень скоро увидишь, что твои цветы вырастут всем на загляденье и ответят тебе любовью на любовь. Так все всегда делают. И цветы для тебя — тоже. А теперь пора спать!

Про светлячков

Ответь мне по-честному: ты боишься темноты? Тогда я расскажу тебе про светлячков.

Когда наступает ночь, и солнышко уходит спать, всем становится темно, страшно и грустно. Для того чтобы так не было, и живут светлячки.

Ты был летом в деревне? Помнишь, как ночью в траве сверкали маленькие веселые огоньки? Это были светлячки — жучки, которых днём ты даже и не замечал. А ночью они светятся, и тебе уже не страшно, а весело. Если ты посмотришь в ночное небо, когда на нём нет облаков, ты и там увидишь много светлячков. Они называются звёздами. Звёзды большие, но они очень далеко, и потому кажутся не больше светлячков. Ты смотришь на них, и тебе не так страшно, потому что ты знаешь, что в этой темноте ты не один.

Ты спрашиваешь меня: а как быть, если не видно ни звёзд, ни светлячков? Очень просто: ты ведь теперь знаешь, что они есть и они светят. Повторяй про себя «Ты со мной, светлячок!»! Тогда смело можешь идти в темноту и ничего не бояться. А когда вырастешь, то сам догадаешься о том, что на свете бывают и люди-светлячки. А, может быть, и сам станешь таким. Спи, мой Светлячок!

С юбилеем!

Василий ЗОЗУЛЯ

Камни для Лизы

Рассказ

На улице нашей, где-то в самом её конце, у железной дороги, помню, жила высокая и худая, редко улыбающаяся женщина без определённого возраста, звали её Лиза, а фамилия её была Макарова. Помню это потому, что ходила она всегда одной и той же дорогой в центр станицы, мимо нашего дома. И вся история, которую хочу рассказать, связана с нашим нечаянным знакомством. Лиза не работала, жила на пенсию по инвалидности. На вид, она не имела увечий, но инвалидом была всё же самым настоящим: от рождения, Лиза была не в себе. Не раз, в магазине, расплачиваясь за хлеб на кассе, она оставляла сдачу с рубля, или трёх, а когда ей пытались вернуть лишнее — отказывалась, видимо, забывшись, говоря: «Мне чужого не надо. Спасибо. За хлебушек я отдала сколько надо. Дороже будет». Спорить с ней было невозможно. Никто и не спорил. Деньги ей, конечно, возвращали, но уже с окаязией, незаметно для неё передавая через соседей. Другой такой Лизы в станице не было. Она подолгу могла стоять, любуясь стеклянной витриной, или рассматривать детские товары. Шить в ателье себе платье никогда не пыталась, может, даже и не знала, как это делается, покупала готовое, а детей у неё по известной причине не было. И продавцы универсама, видя, что она вполне безобидна, позволяли ей перебирать в отделе игрушек — куклы, а в отделе одежды — распашонки.

В дождь, она могла идти, не открывая зонта. И когда её спрашивали:

— Лиза, у тебя зонт сломался? Возьми мой. Она отвечала:

— Нет, он у меня хороший. Новый. Спасибо. Мне чужого не надо.

Могло показаться, что людей она сторонится, отказываясь от их помощи. Напротив же, Лиза тянулась к людям, но лишь к тем, кого хорошо знала, и кто её любил, а таких находилось немного.

Родня у неё была сплошь дальняя и жила, где-то в другом месте. Поэтому в станице Лиза была одна и доверяла только соседям. Люди ей попались на удивление чуткие, способные вникнуть в её детские заботы. У такого человека, как Лиза, и врагов-то не должно быть, точнее, недругов, но они были, и первые из всех, после дворовых собак, мы, мальчишки. Лиза терпела наши шуточки и обидные прозвища, кажется, она их и не замечала, не принимала

на свой счёт; видимо, думая, что это говорится не о ней. Дразня её, мы не понимали, что наши детские беды множатся от этого. И другой, кто был сильнее и умнее нас, так же, отыгрывался на нас за свои просчёты, в которых мы не были повинны. Множа свою глупость, мы ничего не придумали лучше, как незаметно, прячась в кустах малины, бросать в Лизу камешки. Поначалу, она не понимала причину, которая выводила её из состояния вечной задумчивости. Глядя на Лизу можно было видеть, что она бьётся над беспокоящей её мыслью всё время и, сколько бы она не думала, решение не приходило к ней, оно ускользало, как имя, которое никак не может вспомниться. Но мы были увлечены своей забавой, и безнаказанность только добавляла азарта. Камешек попадал Лизе в спину, и тогда она останавливалась посреди улицы, смотрела по сторонам не с обидой, а с удивлением, потом бормотала что-то неразборчивое и шла дальше. Смех душил нас, и мы, зажимая рты ладонями, снова бросали в неё камешки. Лицо Лизы менялось от сосредоточенного на рассеянное: она даже смотрела на небо, предположив, что камни падают сверху. Небо же было безоблачным, а улица безлюдной. Так продолжалось не раз и не два.

В один из летних дней, Лиза стала подбирать с земли, брошенные в неё камни и с удивлением, как бы видя впервые, — рассматривать, держа их на ладони. Это была обычная галька, которую привозили с песком для стройки. Почти во всех дворах можно было найти эти песчаные кучи с речной галькой. Лизе камни понравились, она сжала их в ладони и прижала к груди. С этого момента, шалить нам больше не хотелось. Нас она видеть не могла, никто и ни что не мешало нам продолжать безобразничать, а куража больше не было, и желания его искать. Каждый из нас чувствовал себя так, будто бы поставил чернильную кляксу на рубашке с утра, ходил с нею весь день на людях, и только вечером заметил это.

Мы подождали, пока она ушла, потом, не прощаясь и, почти не глядя друг друга, разошлись по домам, дав слово не трогать её.

Лиза больше нам не встречалась, говорили, что она лежала в больнице, потом её забрала к себе родственница. Так это или нет, сказать не могу: через месяц, я переехал с родителями в далёкий северный город. За неделю до отъезда, в нашем почтовом ящике, я нашёл горсть камней. Все камни я не взял, а только один, с отверстием посередине, называемый «куриный бог», похожий на тот, что я бросил в Лизу, — хранил его долго, пока он не затерялся в очередной наш переезд.

Дебют

Ирина ЗМАНОВСКАЯ

Одуванчик

Коля приехал отдыхать к бабушке. Под окном дома в начале лета расцвёл маленький жёлтый цветок — одуванчик. Своими жёлтыми ресничками в соцветии, зелёными листиками на хрупкой тоненькой ножке, он тянулся к безоблачному небу и ясному солнышку, что согревало землю с каждым днём всё сильнее. Цветочек не был слабым, хотя казался одиноким, потому что рос чуть вдалеке от своих собратьев. Семечко, из которого он вырос, ветер отнёс в сторону от других. Множество жёлтых ресничек сплелись друг с другом и не давали ветру их раздуть. Цветочек подрастал и мечтал о большой дружбе с другими цветами. По утрам Одуванчик умывался росинками и наслаждался пением птиц, проснувшихся с зарёй или раньше её.

Одуванчик был счастлив, когда к нему прилетали пчёлка Жужжа и бабочка Беляночка. Между ними завязалась настоящая дружба. Они приносили Одуванчику свои радости, новости из мира цветов. Беляночка с интересом рассказывала о том, как наслаждается ароматами красивых цветов, играет с другими бабочками, устраивая настоящий праздник. Пчёлка поделилась с Одуванчиком, что собирает нектар и несёт его в улей. Там семья пчёл делает из него мёд. Этот мёд полезен. Он будет иметь ещё и вкус одуванчика. Одуванчик несёт свою часть добра и пользы в мир цветов и мир пчёл. Цветочек наслаждался жизнью, и цвет его становился под солнцем всё ярче.

Коля любовался из окна радостным общением Одуванчика с бабочкой и пчёлкой. Цветочек был для него маленьким солнышком, дарил дружеское тепло и свет. Коля радовался, когда к нему прилетали друзья. Мальчик приносил с собой вкусную конфету и оставлял специально, чтобы они наслаждались ею. Бабочка весело кружилась над полянкой, а пчёлка лакомилась конфеткой. Как-то утром Коля увидел, что жёлтый глазок Одуванчика с множеством ресничек превратился в пушистый шарик. Коля залюбовался лёгкими звёздочками, переливающимися под солнцем всеми цветами радуги. Звёздочки соединились в созвездие, и перед Колей открылась целая Галактика Одуванчика. От увиденного чуда у него захватило дух!

Стебелёк и листочки цветочка питали чистотой и нектарами родной земли, и он рос. Друзья: Коля, бабочка Беляночка и пчёлка Жужжа были рады такой красоте своего друга. Но Одуванчик, как и все растения, подчинён закону природы. Посмотрев однажды уг-

ром в окно, Коля не увидел красоты его созвездия. Стебелёк и листочки съжились от прохлады — их некому было согреть, защитить от ветра, парашютики унесло ветром в высокое небо. Жизнь Одуванчика пролетела быстро.

Бабочка и пчёлка ещё не раз прилетали, чтобы радоваться дальше, получать нектар от Одуванчика. А его уже не было. Всем так не хватало цветочка! На следующее лето Коля снова приехал в гости к бабушке и приоткрыл окно в своей комнате. О чудо! Огромная поляна одуванчиков открылась перед Колей. На полянку прилетели и пчёлка Жужжа, и бабочка Беляночка со своими братиками и сестричками собирать пыльцу, и все радовались каждому тёплому дню.

Дружба продолжалась и дарила всем нашим сказочным героям весёлое тёплое настроение.

Шарик-смешарик

В городском парке в солнечный выходной день гуляла семья — папа, мама и девочка. Ясная погода радовала своим теплом. Девочка качалась на качелях, на различных аттракционах, каталась на роликовых коньках. Настроение у неё было хорошее, она любовалась замечательным видом города с высоты колеса обозрения.

Мама купила дочке воздушный Шарик-смешарик. Он ей очень понравился — на нём было нарисовано лицо клоуна. Семья гуляла по парку. Все были довольны такой прогулкой. Девочка села в аттракцион-самолётик, и когда он поднялся вверх, закружился, у неё из рук ускользнула нитка воздушного шарика, и он улетел высоко в небо. Девочка расстроилась, но мама успокоила её и купила новый воздушный шарик.

А Шарик-смешарик летел по небу. На воздушном пути ему не было преград, так как облака, плывущие ему навстречу, улыбались, увидев его широкую улыбку и ласковые глаза, и уступали путь. Смешарик был очень чувствителен, и если где-то с земли он слышал детский плач, то спешил туда, чтобы помочь малышу, успокоить его. Малыш, поиграв с ним, спокойно ложился спать. А добрый воздушный шарик продолжал свой путь по небу. Он стремился быстрее оказаться рядом с тем малышом, который нуждался в ласке. Смешарик имел большое терпение и спокойно ждал, когда малыши перестанут плакать, станут спокойными и радостными от общения с ним, и только потом летел дальше. Хорошее настроение передавалось Шариком-смешариком от одного к другому. Прощаясь, он желал малышам всего-всего хорошего, ведь детский смех «заряжал» энергией радости.

Тамара ЗУЕВА

«Зори Самотлора»

Озеро звонкое мира урманного,
Обского Севера литературного
Дружбой поэтов зовёт неустанною
Наш альманах сказкой города юного!

Голос, уверенный силой народною,
Нива духовная блещет талантами.
Зори рассветные — песнь самотлорная,
Озеро словом и делом богатое.

Края Югорского, славного округа.
Россыпью яркой поэтов, писателей,
Мудрых прозаиков, критика строгого,
Вечных трудяг и словесных старателей,

Славит нефтяников, славит строителей
Наш альманах Самотлорскими зорями,
Лирики, буден простых вдохновители,
Любят свой город с волшебной историей!

Баллада о Самотлоре

Жемчужина века — наш Самотлор,
Легендою стал нефтяною.
На всех парусах сибирский задор
Летел по морозу и зною...

Российское чудо, клад — Самотлор
Раскинул в урманах дороги,
Объятия смелым он распростёр.
Встречают рассветами Боги!

Глубинною нефтью звал Самотлор.
На озеро шли магистрали...
Приезжим гостям обрадует взор
«Алёша» огнём в белой дали!

Гордится героями Самотлор,
Он в сильных руках и надёжных.
Воспели ветра Югорский простор,
Плутая средь дебрей таёжных!

Богатствами недр кипит Самогтор
В холодном краю за туманом.
Наш город, вступив с болотами в спор,
Над Обью стоит великаном!

Расти Нижневартовск, пой, Самогтор,
Живи, дух легенды старинной,
Пусть полнит сердца горячий восторг
В обжитом краю комарином!

Я письма посылаю Богу

Я письма посылаю Богу,
Пишу открыто всё, как есть,
Лететь наверх им в путь-дорогу,
Чтоб благодарности унести!

Уходят мысли вереницей,
Спешат умчаться в небеса,
Мои слова, как в осень, птицы,
Уйдут к Всевышним чудесам.

Я шлю послания покорно,
«Спасибо» Господу скажу,
За край родимый и просторный,
Любовью близких дорожу,

И нежность нахожу Христа я
В рассветах ярко-золотых,
Где мир, Божественно блистая,
Святой не прячет красоты!

Хранима Ангелом крылатым
Всегда: и летом, и зимой,
Весной и осенью богатой
Иду за ним, к себе домой...

Благодарю за ту дорогу,
Что верно к Господу ведёт...
...Я письма посылаю Богу
И верю, каждое дойдёт.....

И живет в душе любовь...

Заалеют облака,
Приближая ноченьку,
Полетит к душе строка,
Спорит с ветром-склочником!

И поэт с пером в руке
В яркий мир влюбляется,
Смотрит, солнце на реке
Весело катается

С горки неба и в волну,
Прыгая над клёнами,
Не нарушив тишину,
Шепчется с зелёными!

Мой любимый отчий кров —
Родина заветная,
В душу — "падает" любовь
Светлая-пресветлая!

Миниатюры

Оружие в жизненной борьбе

«Бранчуков, к доске»!

Сорок восемь глаз сочувственно провожали героя дня. Карл Маркс, украшавший стенку над доской, снисходительно улыбнулся Вовке, а перед глазами несчастного издевательски плыли слова немецкого философа, автора великого «Капитала»: «Eine fremde Sprache ist eine Waffe im Kampfe des Lebens».

Вовка, понутив голову, безнадежно нырнул в глубокое море неизвестных глаголов, безжалостно тянувших его на самое дно. Как водолазные пригрузки, не отпускали намертво вцепившиеся в него, претэриты и кондиционэли. Зверски топили Вовку ужасные инфинитивы, пугая своими страшными тремя формами. Подняв глаза к потолку, нахмутив лоб, переминаясь с ноги на ногу, вспотевший узник невыученных форм смиренно принимал заслуженную казнь от немецкой грамматики.

Всплыть утопающему помог залиvistый звонок будильника и радостный голос мамы: «Поднимайся скорее! Тебе надо повторить три формы сильных глаголов! Запомни, ещё Карл Маркс сказал: «Иностраный язык есть оружие в жизненной борьбе!».

Сирота

Он пел так задушевно, что его бесконечно просили спеть что-нибудь ещё, этакое. С ним неразлучна всегда была его гармонь. Как и сам инструмент, гармонист раскрывался во всю ширь своей незаурядной натуры. Когда меха, соединяясь в один сплошной ряд, заставляли виртуоза падать на гармошку, он откидывал в сторону красивую «цыганскую» голову, будто замирал вместе с трёхрядкой. Оживая, он растягивал гармонь вновь и с бешеной скоростью отправлял свои тонкие пальцы по рядам белых кнопочек, а те издавали рыдающие звуки удалой русской песни. Давно это было...

Поседела гармошка от пыли. Истомилась в ожидании трёхрядочка.

Много пролетело тоскливых лет. Забывать уже стала гармошка собственный голос, но всё равно ждёт его, в чьих руках превращалась в бойкую веселушку с раззадоривающими наигрышами и забавными частушками... Скособочившись, она печально выглядывала из-за старого, такого же древнего, как и она сама, самодельного шкафа... Изредка ею интересовалась Луна. Но, не увидев ничего нового, вечная небесная стражница, накрывшись пухлым облаком, отправлялась досматривать свои лунные сны...

Светлана КОТОВИЧ

Мы с тобою вместе:
Ты и я — одно.
Нам с тобой две жизни
На двоих дано.
Это так немного —
Столько дел у нас,
Нам с тобою дорог
Каждый день и час.
В сторону условности,
Руку протяни,
Коль уходишь вскорости,
Вдаль с собой возьми.
Нет, я не устану,
Не сойду с пути.
Знаю, нужно вместе
До конца дойти.
Трудности, заботы,
Беды не страшны—
Нам с тобой две жизни
На двоих даны.

Альбина КОШКАРЕВА

Мое отечество Сибирь

Моё отечество — Сибирь,
Иртыш и Обь — мои истоки.
Урманов глушь и долов ширь —
Стихов написанные строки.

Трепещет сердце от любви,
Её не выразить словами.
Прекрасны Севера мои
Со сменой года, временами.

Весной, как им и должно быть,
Звенят ручьи водою талой,
Баталий птичьих не избыть,
Вставать пораньше солнце стало.

А летом травы и цветы,
Всё зелено, светло и ярко.
С югорским климатом на ты,
Здесь мне не холодно, не жарко.

Осенний красочный наряд,
Грибная тихая охота,
Брусникой, клюквой наградят,
Одарят мшистые болота.

Зимы царящей круговерть —
Бураны и метели злые,
Снега по пояс, одолеть б
Тиски морозов ледяные...

Легко мечтать, легко творить,
Когда Отечество с тобою,
И о Сибири говорить
С душевной нежностью, с любовью.

В Пасхальный день

В весеннем грае улицы,
Голуби целуются,
Вороны полоумные,
Ребят ватаги шумные,

Платки девчат цветастые,
Парней чубы вихрастые,
Снежинки серебристые
И вербочки пушистые...
Справляют Пасху славную
В неделю Православную,
Под звоны колокольные,
Картинкою застойною:
Куличики превкусные,
И Писанки искусные,
Варёное, печёное, —
Всё в церкви освящённое.

Забывтая деревня

Случилось мне увидеть деревеньку,
Безвестную в лесной глуши,
Врастающую в землю помаленьку.
И на сто вёрст ни тропки, ни души.

Густой травой заросшие полянки,
Укор в глазницах изб, давно пустых,
И вьётся лента речки Безымянки
В кустарниковых зарослях густых.

Истлевший чёлн на берегу печальном
Грустит о тёплой, ласковой волне,
Когда весло разбитое качало
Его в страстях рыбачьих по весне.

Когда-то дым из этих труб струился,
И ранью громко пели петухи,
А бабий люд в подворье суетился —
На выгон гнали стадо пастухи.

Звенело утро босоногим детством,
Лениво тьякали собаки во дворе...
И мне теперь нет-нет да и приснится
Игрушка детская в некошеной траве.

Как много сёл заброшенных, забытых
В таёжной, заболоченной стране,
Ещё хранящих след бывшего быта,
Как память о далёкой старине.

Альбина КУЗЬМИНА

**Замолвлю слово о моём народе,
или Сага о Югорской земле**

Стало известно: Югре 900 лет со времени первой достоверно известной фиксации упоминания в русской летописи. К юбилею приурочен научно-просветительский проект «Многовековая Югра», старт которому дан губернатором ХМАО-Югры Натальей Комаровой. Мне представилась возможность вынести на обозрение читателей те чаяния и мысли, которые много лет роились в моей голове. Многовековая Югра — как исторический центр России, где гармонично проживают многонациональные народы, и я Замолвлю Слово...

Путь непроходим: но диво чудное нашли...

Когда бы, кто, в какие годы и века ни бывал в Сибирском крае, не исходил его дорог, не искал с ним встреч, и не желал бы знать его историю, — тот не знает ценности своей родине. На волнах памяти окунаюсь в глубь веков, проникаясь в сокровенные строки. Это книга «На священных берегах Ваха», написанная о нашем крае еще в 90-х годах, совместно с замечательной югорской писательницей М.К. Анисимковой, которой нынче земной мир отметил 90 лет. Она благословила меня на писательскую стезю. И вновь толкает меня обратиться к истории: 900-летию Югры со времени первой фиксации упоминания в русской летописи. С удовольствием открываю неизведанные мною, из глубины веков, заповедные представления — картины древней жизни наших сородичей. За давностью лет и веков, отсутствием главных древних архивов, свежих археологических раскопок, разрозненностью мнений учёных, — в этом вопросе я могу и ошибаться, да простит меня читатель, — всё же видится мне далекое прошлое так.

Тысячи лет назад пришли сюда и покорили суровый север наши собратья, прародичи современных ханты и манси, обжились на берегах Оби, укоренились, породнились. Примерно в IX веке н.э. при переселении народов часть племён двинулась на запад и поселилась на Дунае, где и обосновались предки венгров, другая часть нашла пристанище на свободных территориях, где также произошло заселение. Так вышло, что венгры, ханты, манси, коми и финны — родственные по происхождению народы, четыре тысячи лет говорили на едином языке, их общее этническое имя — угры. Конечно, можно найти множество версий, как шло переселение народов Сибири, но у нас другая задача. «Повесть временных лет», сохранившаяся в Российском государственном архиве древних актов,

имеет упоминание о земле Югорской, датированное 1096 годом. Безусловно одно: как и Шёлковый путь, поход новгородцев за данью преследовал не только поиск новых земель, развитие торговых путей, но и жажду наживы. **«Югра же есть люди, а язык их непонятен, и соседят они с самоедью в полунощных странах.** Дивное мы нашли чудо, о котором не слышали раньше... есть горы, заходят они к заливу морскому, высота у них как до неба, и в горах тех стоит клик великий и говор... Путь же до тех гор непроходим из-за пропастей, снега и леса, потому и не всегда доходим до них». Русские познакомились с коренным аборигенным населением в глубокой древности, когда **о самоедах-ненцах летописи поведали в 1114 году, о вогулах — манси — в 1136-м.** Издавна на Руси были объединения хантыйских и мансийских племён, их называли княжествами. «Новгородская первая летопись младшего извода» в 1193 году уже повествует о полновесных югорских княжествах. Археологические памятники более ранних культур Югры говорят, что расселение людей проходило девять тысяч лет назад. Анализ обско-угорских легенд позволяет определить примерное время появления югорских княжеств — XII—XIII века. И главное, знаменитая рукопись «Повесть временных лет», датированная 1096 годом, содержит факт первого упоминания о Югре.

Имя твоё...

Как писал С.В. Бахрушин: «Первоначально имя «Югра» присваивалось только народу: **«Югра же людье есть...».** Позже оно было приурочено к определённой географической территории, а именно к бассейну притока реки Оби — Сосьвы с Сыгвой. Наиболее точное положение Югорской земли зафиксировала **«Книга большого чертежа»**, основываясь на источниках XVI века: «От устья Оби идут вверх Обдорские грады, а выше Обдорских градов Югорские, а выше Югорских градов Сибирь». После крещения коми-зырян Стефаном Пермским в конце XIV века и включения Перми Вычегодской в сферу влияния Московского великого княжества московские власти устремились к освоению Урала и Сибири, предпринимая ряд походов на Югру.

Первый поход состоялся в 1465 году: великий князь Иван III послал в Югорскую землю воевать. В Москву прежде были привезены пленные югорские князья Калпак и Терчик, которых Иван III отпустил править своими княжествами, наложив на них ежегодную «дань соболиную». В 1481 году Перми Великой уже пришлось обороняться от вогуличей, которых возглавлял князь Асыка. При помощи устюжан Перми в 1483 году удалось совершить поход в Югру на непокорных вогуличей. Экспедицию организовали с размахом: под командованием великокняжеских воевод князя Фёдора Курбского Чёрного и Ивана Салтыка-Травина были собраны силы со всех северных земель страны. В результате ус-

пешного похода властям Московского государства подчинились князья обширного района, населённого преимущественно татарами, вогуличами и остяками. С помощью пермского епископа Фолофея проведены переговоры в Усть-Выми и Москве, и в 1485 году заключен мирный договор с обязательством югорских князей **платить дань**.

Поход русских войск на Югру в 1499–1500 годах считается **присоединением Югры к Москве**. По завещанию великого князя Ивана III 1504 года Югра предназначается его старшему сыну Василию (то есть входит в основную территорию великого княжества). Югра также упоминается в завещании царя Ивана Грозного 1572 года наследнику престола и государства царевичу Ивану Ивановичу. Так, в введённой в научный оборот летописной записи в Псалтыри, переписанной на нижней Вычегде на погосте Лена в 1517 году, содержится известие о походе на Югру известных московских великокняжеских воевод князей И.Т. Оболенского и А.Ф. Пестрикова.

Так, **название Югорской земли было включено в царский титул**, составлен специальный герб, вошедший в герб Российского царства, а затем Российской империи. Впервые в 1577 году на государственной печати появилась отдельная эмблема с изображением хищного зверя, стоящего на задних лапах, с текстом «**Печать Югорская**». В наиболее известном источнике русских земельных гербов — Титулярнике 1672 года герб Югорский представлен в виде выходящих из облаков двух рук, держащих перекрещивающиеся копья. Далее исторические события Югорской земли, введённой в состав России, развивались по спирали уже своим чередом. **Вхождение Сибири в состав России** считалось большим историческим значением для судеб коренных народов.

Князцы и княжества

Во главе объединений коренных жителей, как ни удивительно, имелись княжества, где так называемые князьки, князцы передавали власть по наследству от отца к сыну, от старшего сына к младшему. Князцы имели постоянные военные дружины, могли собирать военное ополчение. Центром княжества считались городки, которые были укреплены бревенчатым частоколом, валом или рвом. Князцы вели частые войны друг с другом, получая с побеждённых дань, захватывая имущество, людей, воруя невест.

Наиболее крупное княжество манси — Пелымское, расположенное в бассейне рек Пелыма, Конды, Тавды, с центром княжества у места слияния Пелыма и Конды. Ляпинское мансийское объединение находилось в бассейне реки Ляпин, низовье Северной Сосьвы, низовьях реки Сыни, столица княжества городок Куноват князца Гугуя. В Сибири множество угорских княжеств объединялось под властью сильнейших, первым из которых была Кода.

Кодское хантыйское княжество — самое большое, во главе с династией Алачёвых объединила 13 городков. Центр княжества — Кодский городок, Кода, бывший Кондинск, ныне — Октябрьское, где воссоздан великолепный нынче бывший когда-то Кодский монастырь....

Именно на Кодское княжество сделала ставку Россия. Известные княжеские городки Обдорское в Полновате, Казымское в Казыме, князца Демьяна на реке Демьянке, княжество Бардака в Сургуте. По указу царскому велено было ставить город в местечке Сургут, где княжил хантыйский князь Бардак, чья власть распространялась на всех живущих в Сургутском уезде. **В 1594** году на его территории поставлен **город Сургут**. Какова была древняя жизнь северных народов? Сохранившиеся до нашего времени крупницы документов говорят о том, что часты были войны. Остяцкие и вогульские князцы нападали друг на друга. В книге «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII веках» С.В. Бахрушин говорит о том, что в 1594 году вогульское Кондинское княжество ликвидировано русскими при содействии кодских остяков. Князец Игичей Алачёв совершил набег на владения князца Большой Конды Агая, и князь Агай со всем семейством, братом, дочерью и сыном Азыпкой взяты в плен. Люди постоянно жаловались на князца, что он разорял их имущество, жён и детей уводил к себе. Такие набеги часто случались в древние времена. Зато **царь Фёдор I добавил себе титул: «Великий князь Югорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель»**. Все предначертанное судьбой коренным народам в Остяко-Вогульской стороне заставляло ханты и манси ещё больше сплотиться, передавать знания, традиции, сохранять языки, помнить сказы, легенды, мифы.

Отыскиваем ранние даты

Удивительно: чем больше обращаешься к истории родины, тем дальше она уводит тебя во времени, тем неизведаннее страницы являют тебе не то сказку, не то миф о прежней жизни на земле предков. Попробуем разобраться и отыскать более ранние даты.

Если «Повесть временных лет», сохранившаяся в Российском государственном архиве древних актов, имеет упоминание о земле Югорской, датированное 1096 годом, по рассказу записанного монахом Киево-Печерской лавры летописцем Нестором, то об юграх упомянуто также у Татищева, а в различных летописных списках есть указание о несчастном походе новгородцев к железным воротам — Уральским горам — **ещё в 1032 году**. Это одна из ранних дат того времени, когда новгородцы под предводительством Улеба предприняли поход к железным воротам, окончившийся неудачно, так как они были побеждены юграми, «...и вспять мало их возвратишася, но многи там погибоша». Также было сказано, что «в не-

давнее время в горах появился народ, языка которого они не понимали, но объяснялись с ними мимикой. Неведомый этот народ, как видно, нуждался в металлических изделиях, но изобиловал рухлядью. По мнению Н.М. Карамзина, важным для нашей истории является то, что **россияне уже в XI веке** бывали за хребтом гор Уральских и что сибирские народы **выменивали в Югре железные орудия на шкуры**.

Завоевательные походы в Югру случались в древние времена довольно часто, и поэтому оружие для остяков было необходимо не только в охоте на живность, но и по защите территории. Так, если первые несколько упоминаний об уграх у Татищева указаны под **1032-м**, занесены в Несторовой летописи под **1096-м**, то уже в Ипатьевском списке летописи под **1114 годом** следует, что новгородцы издавна имели сведения о богатстве Сибири разными пушными зверями, вследствие чего у них, как и у многих об этом знающих, естественно, явилось желание утвердить свою власть в этой местности и собрать с туземцев дань.

Так, в XII столетии предпринят ещё ряд походов на Югру, которые также не всегда оканчивались удачно для них, причём и дань, собиравшаяся ими с югров, называемая в летописях Югорщиною, поступала в казну тоже неаккуратно. Неоднократно новгородские сборщики дани «избиты были» как в Югории, так и в Печёре и Заволочи, причём около **1187 года** «пали головы у ста доброименитых». Но слухи о несметных пушных богатствах «полуночных стран» вновь побуждали предприимчивых новгородских купцов к проникновению за Урал.

Не губите рабов своих...

«От какого же события отталкивается разработанный в Югре проект «Многовековая Югра»? — спросит дотошный читатель. Наталья Владимировна Комарова, губернатор Югры, в одном из выступлений отметила, что в 2018 году исполняется 825 лет со времени возникновения первых югорских княжеств. Следовательно, **от 1193 года**. Именно в этом году предпринятый поход на Урал новгородцев под предводительством воеводы Ядрея, с тем, чтобы (по догадке Лерберга) наказать Югру за участие, принятое в возмущении против притеснений, и принудить югров к уплате дани, оказался трагичным. Отряд завладел укрепленной местностью югорского князя и приступил к осаде, которая продолжалась пять недель.

Князь прислал к ним гонца с тем, чтобы сказать: «Мы собираем серебро, собольи меха и «узорочье», не губите рабов своих, а с нами своей дани». В то же время князь набирал войско, и изготовясь, пригласил в город воеводу с 12 знатнейшими особами, которые пришли и были побиты. Затем югорский князь пригласил ещё 30 человек из знатных новгородцев, вновь 50, и все они подверглись той же участи. В декабре 1193 года осаждённые напали на

обессилевших новгородцев и почти всех их перебили. По крайней мере с середины XIII века, как видно из договорных грамот с князьями (если нельзя установить времени более раннего), Югория уже была в числе Новгородских волостей почти до XIV века. С конца XIV века в борьбу с Великим Новгородом за обладание землями Югры вступает Великое княжество Московское.

Известно из Архангелогородской летописи: «Князь великий Иван III Васильевич посылает рать на вогульского князя Асыку, да в Югру, на Обь реку великую, а воеводы великого князя Фёдор Курбский Чёрной да Иван Иванович Салтыков-Травин, а с ними устюжане, вологжане, вычегжане, вымичи, сысоличи, пермяки великой с вогуличами на устье реки Пелыни, впадающей в Тобол. Вогуличей пало много, а князь вогульский Юмшан убежал, а воеводы великого князя оттоле пошли вниз мимо Тюмени в Сибирскую землю, воевали, идучи, добра и полону взяли много, да от Сибири по Иртышу вниз на Обь реку великую в Югорскую землю, и князей горских воевали и в полон вели».

В 1484 году побеждённые вогульские князья Юмшан и Калиа, сибирский князь Лятик, югорский князь Пыткей и знатнейший Югорский князь Молдан предстали перед великим князем, присягнули ему в верности, и он принял их в число своих подданных, наложил на них дань и, одарив, отпустил домой. Кстати, как замечает по этому поводу Лерберг, — знатнейший князь государем всея Сибирской земли, наверное, не был, и также не принадлежал к роду монголо-татарских князей, владевших тогда сей страной, вероятно, был только старшиною обских остяков, да зависел до сего от татар, а теперь принял русское подданство, в надежде, что отдалённое правительство не слишком строго будет взыскивать дань. Впервые название Сибирской земли встречается в русских летописях — временниках ещё под 1407 годом: это Тохтамыш, в княжение Дмитрия Донского разоривший Москву, был убит ханом Шадибекком в Сибирской земле. Возможно, что убит близ Тюмени, которую татары именовали Чинги-Турой.

Жалованные грамоты

К концу XVI века хантыйские и мансийские княжества были уничтожены, Югру постепенно завоевала Москва. Окончательное покорение всей Югорской земли свершилось после большого похода в 1499 году за Урал под предводительством князя Семёна Фёдоровича Курбского, князя Петра Фёдоровича Ушатого и Василия Ивановича Заболоцкого-Бражника. При великом князе Василии Ивановиче для управления обширными территориями из Югоории были выделены значительные части: Обдорья с местностями по обеим сторонам нижней Оби, Кондия с землями по реке Конде, впадающей с левой стороны в Иртыш. Названия этих областей внесены в титул великого князя.

Древнейшая из жалованных грамот с титулом князя Кондинского и Обдорского относится к 1514 году (упомянутая в 1597 году царём Фёдором Ивановичем). Тогда под именем просто Югории стали разумеать места по Сысьве, Сосьве и около Берёзова.

Сургутская область считалась за особенную часть древней Югорской или Закамской земли, а южная Югория, простиравшаяся от Уральских гор до пределов прежней Перми и Вятки, названа теперь Тюменскою или Сибирскою областью, так как была некоторое время под властью тюменских и сибирских ханов.

С целью открыть новые торговые отношения с Китаем посредством Северного морского пути из Англии в 1553 году отправляются суда, которые должны достигнуть Новой Земли. Одно из них спаслось, высадившись на берег в устье Северной Двины, после чего капитан Ченслер, отправившись в Москву, явился к Ивану Грозному, чтобы он даровал английской компании право торговли с Россией. Это было время, когда русские уже плавали для промыслов на мурманский берег, остров Шпицберген, Новую Землю, вели морскую торговлю с устьем Оби и Енисея, огибали полуостров Ямал, перетаскивали свои суда через волок между Карским морем и Обскою губою.

По свидетельству Карамзина, царь Иван IV Грозный в 1554 году именуется повелителем Сибири в грамоте к английскому королю Эдуарду VI.

Следуя Никоновской летописи, в Москву также являлись послы сибирского князя Едигера из рода Тайбуги, поздравляли царя с взятием царства Казанского и Астраханского и били челом князю всей Сибирской земли, чтобы он защищал от всех неприятелей. Царь наложил дань на чёрных людей, которых 30 700 человек в Сибирской земле насчитано, с тем чтобы дань платить в год по 1000 соболей, да посланнику царскому, который приедет, — 1000 белок. Отправил с послами Димитрия Непейцына, веля ему привести к присяге всю землю Сибирскую, переписать чёрных людей и взять с них всю дань сполна.

Начинается период, когда «...учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю наложил впредь ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать...»

Начало новых открытий

Вот и случилось: ранние даты, указанные нами, обозначились. «Учёные Российской академии наук нашли в летописях более раннее упоминание о Югре. Таким образом, в 2018 году мы отметили не только 825, но и 900 лет Югре».

Уточним. Итак, изучив исторические летописи, академики РАН установили, что **первое упоминание о земле Югорской** в Несторовой летописи, сохранившееся в Российском государственном архиве древних актов, как и **первое упоминание о юграх**, датирует-

ся 1096 годом, (хотя знаем и раннюю дату, указанную под 1032 годом).

Из Летописного свода, куда вносились все исторические события и даты, где упоминаются имена реальных людей, следует, что он был создан лишь в 1118 году. Исходя от этой даты получаем — (2018-1118) — 900-лет.

Мы не сбрасываем со счетов 1193-й и знаем, что эта дата — 825 лет со времени возникновения **первых югорских княжеств**.

Теперь, когда всё расставлено по местам, учёные примутся за исследование новгородских берестяных грамот, изучение археологических раскопок в более глубоких слоях древнего Югорского края, чтобы найти точное подтверждение историческим данным и доказать **существование Югры** со времени упоминания — 900 лет назад! Если еще не найдутся источники более ранних сведений...

Беру под сомнение Утверждение о том, что с завоеванием Югры, а вернее, с покорением Москвой Югорской земли были уничтожены хантыйские и мансийские княжества. Так ли всё просто, и были ли они вообще уничтожены? Начинается этот период, когда знатнейший югорский князь Молдан присягнул великому князю в верности: «...учинил князь в холопстве, и дань на всю свою землю наложил впредь ежегод беспереводно царю и великому князю со всей Сибирской земли давать»... «Поскольку зависел до сего от татар, а теперь принял русское подданство, в надежде, что отдаленное правительство не слишком строго будет взыскивать дань». Из Югории для управления её обширными территориями — Обдории с местностями по обеим сторонам нижней Оби и Кондия с землями по реке Конде, впадающей с левой стороны в Иртыш, **было введено правление**: внести названия этих областей в титул великого князя. С этой поры в жалованной грамоте царя Федора Иоанновича указывается с 1514 года титул **князя Кондинского и Обдорского**. Иван IV Грозный в 1554 году уже именуется **повелителем Сибири**.

Народ, не похожий на татар...

Сибирь — старое название столицы Сибирского ханства, упоминаемое в русских источниках. Кашлык, Искер, Чимги-Тура — так называли завоеванную Тюмень сами татары. Кстати, процесс генезиса сибирских татар за 300-летний период является сложным и до сих пор мало изученным, а этническую народность сибирских татар составляют тюркские племена, среди них аялы, курдаки, туралы, и даже смешение с местными жителями и угорскими народами.

Неспокойно было в Сибирском ханстве, его также раздирали междоусобные войны, за власть боролись выходцы местной знати тайбугины и чингисиды — потомки Чингисхана из династии Шейбанидов. Те и другие грабили соседей, захватывали пленников, продавали в рабство, взимали дань с покоренных угорских племен.

Сибирское ханство не раз подчинялось силе Золотой Орды и имело границы по Оби с Пегой Ордой. Так русские называли объединение нарымских селькупов, поддерживавших сибирских ханов в их борьбе с русским влиянием.

Название Пегая Орда произошло из-из пёстрых звериных шкур, — одежды, которую они носили. В 1555 году Сибирское ханство с великой, но разорённой Тюменью все же признало вассальную зависимость от Руси и впоследствии все эти народы вошли в состав России. В трагедии «Борис Годунов» А.С. Пушкин говорит словами французского офицера, завербованного на службу в Москву: «Большая провинция... которую они называют империей или королевством Сибирским, полна лесов, чащ и болот, она ещё не полностью открыта; считают, что примыкает одной стороной к реке Оби... Там построили четыре города, в которых имеются гарнизоны, чтобы держать в повиновении народ, который весьма прост, маленького роста, внешне похож на татар...они носят длинные волосы...одеты в соболя мехом наружу».

Вхождение Сибири в состав России имело большое историческое значение для судеб всех коренных народов Сибири. Прежде всего, это обмен культурными ценностями и экономическими достижениями. Русские принесли в Сибирь хлебопашество, которое до сих пор было незнакомо Сибири, поскольку хлеб в Сибири был на вес золота.

Вместе с тем, когда царь Иван Грозный даровал право англичанам торговать с Россией, английские компании активно снаряжают экспедиции для открытия Северного морского пути. Однако дойдя до острова Вайгач, они встречают много судов и понимают, что морской путь уже открыт русскими. Вскоре англичане решаются определить возможность сухопутной торговли между Московским государством и Китаем. И это первоначальное непосредственное знакомство русских с Китаем, хотя пока и безрезультатное: к неизвестным властителям в Пекин «проведывать государства» посланы были атаманы Иван Петров и Бурнаш Ялычев.

Пришло время Строгановых...

В 1558 году Аника Строганов послал в Москву своего сына Григория бить челом царю Грозному. Сказывали ему: «...ниже Великой Перми по реке Каме, по обе стороны до реки Чусовой лежат места пустынные... и эти земли не писаны ни у кого». Григорий Строганов просил дозволения **поставить на этом месте городок**, снабдив его пушками и пищальями для бережения от ногайских и других орд. На что был пожалован царём землями и правами со льготами от уплаты всякой дани на 20 лет. Также права и льготы были пожалованы на 10 лет брату его Якову на земли от устья Чусовой вниз по Каме до Лозьвинского бору. Построили братья **городок Канкор, во имя Преображения монастырь**. При-

вилегии, пожалованные на 20 лет, налагали на Строгановых обязанность — **оберегать инородцев и русских всельников** от нападения со стороны ратных людей Кучума не только на Тоболе, но и на Иртыше, Оби и иных реках.

С марта 1569 года случаются **первые сношения московского царя с сибирским ханом**. Кучум твёрдо укрепился в Сибири, подчинив себе угров, остяков и вогуличей, данников московских, и запретил им платить дань русским, кроме, как только в казну татарского правителя.

В Соликамском летописце имеется известие, что беспокойно в землях Кучума. Царевич Маметкул, сын Кучума, побил плативших царю дань остяков, полонил их жён и детей, побил царского посланника и ехавших с ним служилых татар. Но узнав от русских пленных о том, что русские ратные люди собрались в Чусовские городки, остановился за 5 верст до них и возвратился обратно.

В 1572 году «ходил воевать царя Кучума князь Афанасий Лыченицын, только без удачи; потерял много народу, все пушки и зелье». Вследствие усилившихся жалоб на разбой Строгановым дозволено было на Тахчее и Тоболе строить крепости, а всельники на этих землях освобождались от всякой службы и повинностей.

Походы Ермака

Шли слухи, что происходят частые нападения на торговые суда, на служивых людей вольными людьми, называемыми себя казаками. Царь Грозный выслал против разбойников большое число ратных людей. Некоторые казаки были изловлены и казнены, большая их часть разбежалась в разные стороны.

Ермак, прибыв во владения Строгановых, заручился их готовностью содействовать походу на Сибирь. Ермак начал готовиться и двинулся в первый свой поход в Сибирь речным путем, поплыв вверх по Чусовой, но не имея грамотного проводника, сбился с пути и ввиду наступивших морозов решил зимовать на реке Сылве. Кстати, местность, где пристал к берегу Ермак, до сих пор сохранила название Ермакова городища.

Весной он построил на месте стоянки часовню во имя святителя Николая. Оставив часть казаков, желавших поселиться тут, он возвратился к Строгановым, чтобы приготовиться более тщательно к походу в Сибирь. По Строгановской летописи значится, что Ермак с пяти тысячной дружиной вступил во второй поход. Они спустились плотами по реке до Тагила и, пересев на струги, вышли в реку Туру. Тут, в Сибирской стране и встретились с сибиряками татарского князьца Епанчюю, имели первое удачное столкновение, и обратив их в бегство, овладели местностью Туринского округа и городищем Епанчиным (ныне Туринск).

Через несколько месяцев Ермак без особого сопротивления достиг татарского города Чинги-Туры (Тюмени). Перезимовав, дру-

жина отправляется вниз. Двигаясь по Тоболу, каждый день имели столкновения то с Маметкулом и его воинством, который был разбит и бежал, то с остяками разбитого воинства его, а возле Долгоярского (Тобольского округа) после жаркой битвы знатного мурзы и думного советника Кучума ермаковцы остановились на 40-дневный пост.

Это послужило тому, что казаки при выходе из устья Тобола в битве с татарами, подкараулившими их, были все переранены. Ими всё же был занят городок Аттик-мурзы. В это время пелымский князец со множеством вогуличей, не согласный с владением русских, разорил строгановские поселения по Каме, сжёг несколько деревень, увёл в плен множество людей и держал в осаде один из строгановских городков. Это обстоятельство дало повод прислать на помощь войска.

Ермак же через несколько дней вынужден был продолжать поход. Решительная битва под Чувашской горою в Тоболе дружины Ермака с войсками царя Кучума окончательно решила господство русских за Уралом. Когда «остяки от Кучумова повеления отступивши, и вогуличи тайно от Кучумова убогша», Кучум, захватив с собой богатства, родных и родственников, ушёл из городов, а именно Сибири (ныне городище в 16 верстах от Тобольска), Бицик-Туры (жёнин город, где ныне Панин бугор в Тобольске), Сузге-Туры (ныне Сузгунские юрты), Абалака и других, и — бежал в Ишимскую степь.

«Прииде Ермак со товарищи во град Сибирь...»

26 октября 1581 года — знаменательный в истории день, когда Ермак свободно вступил в столицу Сибирского царства — Искер, или Сибирь как «полный господин его». Летопись Саввы Есипова вещает: «Воистине же люди на Бога уповаша и поидоша ко граду. Прииде же и Ермак со товарищи во град Сибирь в лето 7089 (1581) октября день 26, на память святого великомученика Димитрия Солунского, прославиша Бога, давшего им таковую победу на окаянных агарян...»

Явился к Ермаку через четыре дня первым остяцкий князь Бояр с дружиною, принеся с собою ясак и съестные припасы для казаков, которые стали вместе с тем дружитья с ними, с остяцкими жёнами и девушками. Мало-помалу стали являться скрывавшиеся в окрестностях татары с семействами и размещаться в прежних своих юртах.

Приняли новое подданство и два вогульских князца: Ишбердей из Ескальбинских болот да Суклем с речки Суклема, впадающей в Тобол. Завоевательные походы в Югру часто случались и в древние времена. Помимо того что остяки воевали с неугомонными соседями — ненцами, в 1594 году вогульское Кондинское княжество попало под влияние при содействии самих же предателей остяков.

Даже когда совершались походы новгородских дружин в Югорскую землю, были безуспешны попытки создания прочной вассальной зависимости Югры от Новгорода.

Здесь отдельный разговор — о многочисленных деятельных походах Ермака Тимофеевича, которого ныне почитают в Сибири, а памятник ему поставлен в Тобольске на высокой горе. Карамзин извещает, что царь принял посланцев, даровал полное прощение Ермаку и его товарищам, пожаловал казаков, покорителей Сибири, великим своим жалованьем. В числе царских подарков Ермаку назначены были дорогая шуба, серебряный под золотом ковш, два дорогих панциря да 100 рублей денег.

В Москве по поводу этого события звонили в колокола и пели благодарственные молебны.

Кстати, интересно, что отправленный в Москву пленный Маметкул сохранил титул сибирского царевича и состоял в русской службе полковым воеводой, а в 1590 году участвовал в шведском походе, в 1598-м находился в Серпухове с царём Борисом в ожидании нападения крымцев. Но это уже другая история...

Нарекли его богом...

Дальнейшая судьба Ермака известна. В мае 1583 года он отправляется в поход вниз по реке Оби, где покоряет Кодское княжество, городок Казым (село Кондинское и Казымский остяцкий улус) и отправляется вверх по реке для покорения вогулов. Им взят Лабутинский городок (деревня Лабута в Тюменском округе). Летом 1584 года Ермак совершает последний перед смертью поход — вверх по Иртышу, для преследования Карачи и покорения тех татарских племен, которые ещё не признавали русской власти. В этом походе он покорил многие городки, но не встретив Карачи, решил возвратиться в Искер...

В ночь с 5 на 6 августа — кончина покорителя Сибири Ермака ввиду ложного известия, что по Иртышу идёт бухарский торговый караван, который задерживается Кучумом. Ермак с 50 казаками поплыл навстречу, но не встретившись, по возвращении обратно в бурную дождливую ночь с товарищами решил переночевать на безопасном островке неподалёку от устья Вагая. На Иртыше, там, где река, разделяясь надвое, течёт в одну сторону кривой излучиной, а в другую прямым когда-то выкопанным каналом, носящим название Ермаковой перекопи, он и почил.

По Строгановской летописи, он «убиен бысть, по другим — утопе, стараясь вплавь достигнуть лодки, но вместо того исчезнув в волнах Иртыша от тяжести надетого на него панциря — подарка Грозного-царя».

После, когда в Епанчинских юртах был обнаружен труп Ермака, начались издевательства врагов, продолжавшиеся, по словам летописца, шесть недель, но вместе с тем появились рассказы о чудо-

видениях и болезни-исцелениях. Истреблённое тело покорителя Сибири татары зарыли сначала на Бегишевом кладбище, но чудеса не прекращались, и Ермака похоронили вторично, уже в неизвестном месте, — «нарекоши его богом», как повествует об этом Ремезов.

От устья Иртыша — по Оби, или Как остяки с верховьев Ваха проникали для промыслов на Таз...

Да, остяки, соглашаясь с Ермаком, подчинились и платили дань Москве. Кодскому остяцкому князю Алачу поручено было управление всем краем, владения которого раскинулись от верховьев Оби до устья Иртыша, от Самарова до Сумгу-Вош (ныне Берёзово), и частично с заимкой в Ишимских землях, — с этим вступил он в союзнический договор. Правитель же Пегой Орды, племенного объединения селькупов в Среднем Приобье Воня ещё в 1596 году вступил в переговорный союз с Кучумом, не склонным идти навстречу предложениям царских воевод о переходе в русское подданство. Против Вони выступил тогда целый отряд. Построенный близ устья Иртыша Обский городок, ставший на время опорным пунктом русских казаков, был обложен данью, как называли остяки — ясаком, который тоже со всех городков по Оби и Иртышу шёл в государеву казну.

Известно, что в мае 1582 года, когда казаки отправились в «ясачный поход» по Оби и Иртышу, сопротивление оказал князь местных остяков Самар. Небольшой отряд под предводительством сподвижника Ермака Богдана Брызги подошёл на лодках к Белогородскому городку. Между русскими и ханты произошло сражение, во время которого князь Самар погиб. Много позже и эта территория Сибири стала частью российского государства.

Необходимо сказать, что от устья Иртыша вверх по Оби остяки населяли весь Сургутский уезд, в состав его входили также волости: Ларьяхская по реке Ларьяхе, впадающей в Вах; Ваховская на Ваху, большая часть населения которой до 1644 года была в подданстве у князей кодских; Лунпуколская по правому берегу Оби, состоявшая собственно из трех волостей; Аслыпекая; Вась-Юганская на левом притоке Оби — Вась-Югане, который является границей распространения остяков на восток; дальше идут остяко-самоеды и кеты. Имеются сведения, что в XVII веке остяки с верховьев Ваха проникали для промыслов на Таз, где нередко у них происходили столкновения с мангазейскими самоедами; в конце столетия стало известно, что несколько человек сургутских остяков даже числились плательщиками ясака в Мангазейском уезде. Интересный вопрос: каким же путем они добирались на промыслы, — ответ позднее.

В архивах Тобольска имеются сведения, что берега Ваха были заселены аборигенным населением ханты, и у ваховских ханты не было таких крупных влиятельных князьков, как Бардак у сур-

гутских остяков. Однако с постройкой в 1594 году казаками крепости Сургута русские подчинили управление Ваховской волостью и ваховским народом ханты.

Независимость Бардаковской волости, как было им обещано Ермаком, кстати, продолжалась недолго. После разгрома нарымских остяков, в борьбе с которыми русская власть нуждалась в помощи «бардаковых людей», роль Бардака была сыграна. После восстания 1619 года уже ни о какой независимости не могло быть речи, и «поминки» первоначально, может быть, до известной степени добровольные, приняли форму обязательного ясака.

Почти все угорские княжества: Обдорское, Ляпинское, Кодское, Казымское, Белогорское, Пелымское, Кондинское, княжества Нимьяна, Бояра, Бардака — жили надеждой на самостоятельность, однако Югра полностью попала под московскую зависимость. Имеются свидетельства о мирных отношениях с прославленным казачьим атаманом: «Ермак и вождь остяков поменялись ружьём и луком из рук в руки», что говорит о присяге царю. **Царь Фёдор I** добавил теперь себе титул: «**Великий князь Югорский, Обдорский, Кондинский и всея Сибирские земли и Северные страны повелитель**».

Много в нашем крае территорий и мест, связанных с названием Ермака. В Нижневартовске имеется речной причал Ермаковская переправа, юрты или позднее село Ермаково на реке Меге, что близ Мегиона. К сожалению, о том, проходила ли тут дружина Ермака, останавливался ли на привал атаман или его дружина, история умалчивает, хотя всё возможно.

Учёные утверждают, что происходило перемещение народа ханты с Егана и Тыма на Вах, с Казыма на Аган, рассказывается о вытеснении ими с Ваха в борьбе с ненцами и зырянами. Когда о русских и «белом царе» ещё никто не ведал, но первоисточниковая информация в мифах и легендах говорит, что народу ханты удалось одолеть ненцев. Хотя и примитивно, но «с помощью панцирей, изготовленных из рыбного клея, от которого отскакивали стрелы», и также «горящими лодками-обласами с горючей серой, которыми они забрасывали врагов». И всё же ранние торговые отношения в Сибирском царстве велись. Как писал арабский путешественник Ибн-Батута (он называет Сибирь «страною мраков», а торговлю ведут купцы, не видя человека): «Торговлю же ведут немую: приехавши к стране мраков, оставляют свои товары на границе и сами уходят на некоторое расстояние; на другой день, придя к оставленному товару, они находят вместо него, если товар понравился покупателям, меха соболей, белок, горностаев».

Имеются сведения, что по Ваху **границ иностранных государств достигали через самую крайнюю точку нынешнего села Корлики** местные князьки, купцы, торговали пушниной, приобретая взамен железные изделия.

Да не оскудеет память...

Обского городка, основанного Иваном Мансуровым в 1585 году, сейчас нет. Но именно с него началась история русских городов Сибири.

Не унесло течение реки память о Ермаке. Много в Сибири мест названо в честь славного первого атамана Сибири с его дружиною, который победно вступил в столицу Сибирского царства. Погиб Ермак в 1585 году. На высокой горе Тобольска возвышается памятник. Фамилии Ермаковы встречаются и ныне. Протоки и села его именем кличут. Много книг и стихов написано, народных песен поется во славу его.

Николай Михайлович Ядринцев посвятил атаману стихотворение «Стрела», взяв за основу легенду из сибирской летописи. В конце XVIII века в Тобольске с успехом прошла пьеса «Ермак» местного священника Флоринского. В XIX веке П.П. Ершов написал поэму «Сузге». В тюменском театре была поставлена пьеса профессора М. Бударина. С обращения самого Ермака к дружине: «Милая братия моя, аще нам Господь Бог поможет, то уж и по смерти нашей память не скудеет веки», — будут помнить люди имя вожака, покорителя Сибири.

На традиционных днях памяти в Тобольске в августе 2017 года был поднят вопрос о канонизации атамана казаков Ермака Тимофеевича в лике святых.

После смерти Ермака его делу угрожала окончательная гибель. Кучумовы татары с уверенностью в успехе восстали против русских ратников, истомлённых лишениями и борьбой. Иван Глухов с оставшимися 150 людьми, боясь преследования, не осмелился возвращаться в Россию тем же путем, что шёл некогда покоритель Сибири, а спустился по рекам Иртышу и Оби и, переваливши через Уральский хребет, достиг нынешней Архангельской губернии, лишь затем направился в Москву. Сибирское же царство на время вернулось к владению, вначале им правил сын Кучума Алей, затем сын сверженного Кучумом Бекбулата вместе с племянником Едигера Сейдяком.

Надо сказать, что первые сношения московского царя с сибирским ханом случились еще в 1569 году. Соглашение на унижение? — взвыли люди. Да, монголо-татарское иго имеет многовековую историю...

Однако не так много книг написано о Кучуме. Тобольский писатель Вячеслав Софронов отважился, провёл исследования, и появился его двухтомный труд «Кучум», изданный в 1993 году. Софронов отмечает, что в Сибирь, которую открыли русские первопроходцы, сразу же устремляются и завоеватели из Средней Азии. Они считают её подвластной Золотой Орде и поэтому диктуют здесь условия вассального ханства. Молодая династия Тайбугинов, вышедшая из местной знати, не желала признавать своей

зависимости от Бухарского царства, отчего происходили постоянные стычки между пришельцами из степей и сибирскими воинами.

В 1555 году сибирские ханы Едигер и Бек Булат признают себя данниками Москвы и просят помощи в войне со степняками. Хотя помощи не последовало, но через несколько лет в Сибирском ханстве уже правила династия Шейбанитов, берущих начало от хана Шейбана, брата Батыя, возглавлял которую на сибирском престоле хан Кучум. Им же, потомком Чингисхана, в Сибири распространялся ислам. Судьба хана трагична и загадочна, но это события, происходившие на берегах Иртыша, Тобола и Оби.

Реален народ, который жил на этих землях, давший новому правителю прозвище Кучум. Ведь в переводе с татарского это «пришелец», «переселенец», «кочевник». Событиям, предшествующим походу Ермака, и посвящена книга В. Софронова о прошлом нашего народа.

Наказав, пожалеть и помиловать...

И всё же сыновья Кучума, впоследствии перешедшие на службу России, получили титул сибирских царевичей. Хотя ранее титулы переходили только по наследству, Кучумовичей же произвели после того, как один из сибирских царевичей оказался замешанным в дело сына Петра царевича Алексея Петровича. С тех пор потомков Кучума стали называть сибирскими князьями.

Интереснейше об этом написала Любовь Александровна Пиманова в книге «Земля открытий». Из Москвы в Ялуторовск в 1800 году был сослан князь Василий Фёдорович Сибирский, генерал и кригс-комиссар. О нём было сказано: «Его прадед был правителем Сибири... В царствование Павла этот князь пытался спасти от изгнания некоторых своих друзей, за это преступление был схвачен и препровождён в Сибирь. Закованный в кандалы, босиком, князь отправился на родину своих предков, точно злодей. Через год он был освобожден, но с тех пор лицо его носит печать постоянной грусти».

Знаменитый немецкий драматург Август Коцебу в своей книге о Сибири написал: «В Ялуторовске был в ссылке князь С(ибирский) — бывший генерал от инфантерии, его невинность была после доказана, и ему возвращены чины и дворянство. Скованного тяжёлыми цепями тащил его проводник. Сюда к нему приехала семья, вслед за ним отправившаяся, — жена и дети. Князь С(ибирский) был болен, но в кругу своих».

История основания сибирских городов

Александр Герцен умиляется: «Горсть казаков и несколько сот мужиков перешли на свой страх океаны льда и снега, и везде, где оседали усталые кучки, в мёрзлых степях закипала жизнь, поля

покрывались нивами, стадами». Царь Фёдор Иванович, уже долго не имевший известий о последних событиях во вновь завоёванном крае, отправил в Сибирь нового воеводу Ивана Мансурова с сотнею казаков и пушкой.

Высадившись на зимовку при впадении Иртыша в Обь у Белых гор близ нынешнего села Самаровского на правом берегу Оби против устья Иртыша, Мансуров устроил укрепление, названное в Книге большого чертежа городком Обским Большим. Остяки называли его Рушват, то есть русский городок. В одной из грамот 1610 года упоминается стоявший здесь Муалымский городок, который по Миллеру тождествен городку Мансурова. Осада остяков была безуспешной после первого же выстрела пушки, с которой сибиряки познакомились впервые, и изъявлением дальнейшей покорности.

Обского городка, основанного Иваном Мансуровым в 1585 году, сейчас нет. Но именно с него началась история русских городов Сибири. Когда стало известным печальное положение дел в Сибири, царь отправляет рать из 300 человек, стрельцов и казаков под начальством двух воевод Василия Сукина и Даниила Чулкова.

Воевода Сукин прибыл к реке Туре, выбрал место на берегу и построил город Тюмень — на месте прежнего татарского города Чинги-Туры. Отрывок из сибирской летописи: «Лета 7093 посланы воеводы с Москвы В. Сукин да И. Мясной, да письменный голова Даниил Чулков с тремя сты человек, поставиша град Тюмень. Июля в 29 день еже Чинги слых». Дата 7093 год по старому летоисчислению от сотворения мира, принятому на Руси до Петровских реформ.

В 1700 году Пётр I ввёл новое летоисчисление от Рождества Христова, по новому календарю Тюмень основана в 1586 году. Весной прибыло из Москвы новое войско из 500 человек, с коими велено было Даниилу Чулкову при слиянии Иртыша с Тоболом основать главный административный центр края — город Тобольск.

Тобольск, основанный в 1587 году воеводой Д. Чулковым, когда-то был самым главным городом в Сибири. Через него ехали и купцы, и послы, и путешественники, и землепроходцы. Славится первым в Сибири белокаменным кремлём.

Он, упомянутый Чулков, и был первым воеводою Тобольским в 1587—1589 годах. Вскоре, впрочем, город был перенесён на мыс нагорного берега Иртыша, срублена церковь. К этому же году относят основание первого в Сибири монастыря Тобольского Знаменского. Ныне считают его дату даже ближе к 1586 году, так как первоначально он находился не в самом Тобольске, а за Иртышом, и только в 1610 году монастырь перенесён в Тобольск на нагорную его часть.

С этого времени Сибирь уже доставляла в казну 200 тысяч соболей, 10 тысяч лисиц чёрных, 500 тысяч белок, кроме бобров и

горностаев, как повествует об этом Карамзин. «Ясак положил государь на Сибирское царство и на Конду большую, и на Конду меньшую, и на Пелымское государство, и на Туру реку, и на Иртыш, и на Иргизское государство, и на Пегие Колмаки, и на Обь Великую, и на все городки обские, на девяносто на четыре года, с году на год иметь по пяти тысяч сороков соболей...».

История города Сургута начиналась так: «Лета 7102-го февраля в 19-й день памяти князю Фёдору Петровичу Борятинскому да Володимиру Оничкову. По государеву, царёву да великого князя Фёдора Ивановича всея Руси указу велено им быти на государеве службе, город ставити в Сургуте... А обский город велел разломать и сжечь, и впредь ему не быть... А пришед князю Фёдору и Володимиру в Сургут, в котором вместе пригоже, высмотря место крепкое под город и поставить город всеми людьми».

Сургут на Оби построили русские казаки на месте хантыйского селения Сумгут-вош в 1593 году. Сургут помогали строить местные обские остяки. Их князёк Бардак принял русское подданство. Место для Сургута выбрали красивое на берегу Оби. Его крепостные стены и управа в дальнейшем стали также местом ссылки для многих.

История основания первых русских городов Сибири на месте известных хантыйских и мансийских княжеств — сложнейший этап становления по мере утверждения в Сибири российского государственного правопорядка и самоуправления в будущем.

Не могу не повторить, что Бардаково княжество, хантыйское территориально-родовое объединение, возникшее ранее в пределах современного Сургутского района, основано князьцом Бардаком, а центром княжества был Бардаков городок (около современного Сургута). После царёва указа Бардаков городок был осаждён русскими, к стенам крепости подвезена пушка, которая после нескольких выстрелов уничтожила хантыйское селение Сумгут-вош.

Княжество Бардака сохранило известную независимость только на условиях участия в русском завоевании правобережного Приобья, да и то на некоторое время. Князь Бардак сдался, ему предложили право сбора ясака с селькупских земель. После него ещё правили сыновья Кинема и Суета, но в 1616 году они «пустили стрелу»: учинили восстание, захватили казну, а Сургут охватила паника. Однако восстание было подавлено, а княжество утратило свою независимость.

Подведём итог. С основанием и строительством первых русских городов Сибири, если битва дружины Ермака с войсками хана Кучума окончательно решила господство русских за Уралом, произошло покорение Сибири Ермаком, присоединение её к России, то наступивший **1590 год дал начало колонизации Сибири царским правлением.**

Не зря Сибирь называют Богоспасаемой землей

Шли в этот древний край и по своей воле, и не по своей: проповедники, миссионеры, священники-подвижники. Позже заблестят купола в тихих обителях, в церквах, в златоглавых храмах, а пока вместе со служилыми людьми, воеводами и казаками начиналось освоение Сибирской земли. Церковная жизнь в Сибири создавалась великими трудами подвижников веры, среди которых числится имя святителя Филофея Лецинского, которому создан уникальный памятник от югорских народов. Сюда был призван к архиерейскому служению и участвовал в миссионерских экспедициях епископ Тобольский и Сибирский Агафангел Преображенский, снискавший общенародную любовь, собором 2000 года он причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских. Этого патриарха знает Югра, и она имеет право гордиться своей историей.

До присоединения Сибири на обширных югорских землях не хранили заповедей Господних, не носили нательных крестов, не имели икон, не знали о крещении. Стук топора — вот что возвещало о том, что человек, поселившись в таёжном уголке, срубив себе жильё, будь то бревенчатая изба, земляная избушка или берестяной чум, возрождал жизнь.

Позже заблестят купола в тихих обителях, в церквах, в златоглавых храмах, а пока вместе со служилыми людьми, воеводами и казаками шли в этот древний край проповедники, миссионеры, священники-подвижники.

Скорейшее освоение Сибирской земли неизбежно приводило к созданию единой Российской империи, вот к чему стремилось правительство Петра Великого. Основной опорой для государства в этом деле была православная церковь. Именно с присоединения Сибири к русскому государству начнётся превращение Руси в Великую Россию. Правительство царя Михаила Фёдоровича и его отца, патриарха Филарета, понимало, насколько необходимо кардинально что-то менять, признавало значимость распространения православия среди коренных народов и для исправления «нравов» стремилось привести людей к поучению.

В 1620 году учреждается Сибирская епархия, кафедральным городом которой избирается Тобольск. Первый архипастырь, архиепископ Тобольский и Сибирский Киприан (Старорусенков) пробыл в епархии до 1624 года. Ему принадлежит начало летописания в нашем крае. Он повелел записать сведения о походе Ермака.

Архиепископу Нектарию приписывается в 1636 году явление чудотворной Абалакской иконы Божией Матери «Знамение». Её написал протодиакон Софийского собора Матвей и сразу по завершении работы ее заказчик исцелился от паралича. В 1783 году на Абалакском погосте был учреждён мужской монастырь, действующий и поныне. Святая чудотворная икона ежегодно с крестным ходом и молебным пением торжественно приносится из монастыря в Тобольск.

В середине XVII века основаны Иоанно-Предтеченский под Тобольском и северный Кондинский Троицкий монастыри. В 1667 году Сибирская архиепископия возведена в степень митрополии, и тогдашний архиепископ Корнилий стал первым митрополитом Сибирским.

При митрополите Павле I в 1686 году в Тобольске возведены впервые за Уралом каменные сооружения — кремль и Софийско-Успенский собор. В селе Абалак по указу царя Фёдора Алексеевича построили каменный Знаменский собор в честь чудотворной иконы Божией Матери.

Царские особы жаловали в Сибирскую епархию и тобольские церкви богатые вклады. Однако привлечение в Сибирь духовенства проходило с трудностями, назначение в эти края духовные лица считали незаслуженной ссылкой.

Вскоре образовалась тобольская кафедра. В Сибирь прибыл святитель Филофей Лещинский, ревностный ценитель православия. Его надолго запомнили местные народности, он бывал почти в каждом таёжном уголке, там, куда не ступала нога человека. Верою служил России, силой крестил и приводил к крещению народ, давал новые православные имена, вступал в схватки с местными аборигенами, чудом остался жив.

Во исполнение царского указа Филофеем (Лещинским) была развёрнута широкая миссионерская деятельность. В 1703 году при архиерейском доме открыта первая в Сибири школа. В России говорили о неотложных вопросах христианизации северных народов. Предпринимая поездки в самые отдалённые места обширной епархии, Филофей Лещинский творил чудеса крещения сибиряков-инородцев. За свою жизнь святитель Филофей, исходив всю Сибирь от края и до края, выстроил 288 церквей, крестил около 40 тысяч человек из местных племён.

Во всё время пребывания на кафедре, а потом и на покое в тюменском Троицком монастыре, где им была принята схима с именем Феодор, он не оставлял миссионерских трудов. Отошел от дел по блаженной кончине, последовавшей в 1727 году, и согласно завещанию, захоронен у порога Троицкого собора, «дабы и по смерти не оставить подвига смирения».

Югре известно имя Агафангела

Земля Сибирская — Тюменская, Тобольская, а теперь и Югорская имеет право гордиться тем, что на её территориях был призван к архиерейскому служению и участвовал в миссионерских экспедициях епископ Тобольский и Сибирский Агафангел Преображенский. Человек, который снискал общенародную любовь, ставшую следствием высоких достоинств его значимой личности и правления. Зачем нам знать об Агафангеле и при чём он здесь, спросит, возможно, дотошный читатель. Отвечу: святитель митро-

полит Агафангел имеет непосредственное отношение к Нижневартовскому району. Недавно в селе Ларьяк состоялось освящение и установка куполов на церкви в честь иконы Божией Матери «Знамение». Возродилась церковь, которая появилась не без особых трудов и усердных молитв тогдашнего владыки Агафангела о ларьякской Знаменской церкви, существовавшей в Ваховской волости чуть ли не с 1751 года, если и того не раньше...

Это ещё раз заставляет меня обратиться к авторской книге «На священных берегах Ваха», написанной мною совместно с М.К. Анисимковой по следам этнографической экспедиции 1997 года и благодаря работе с документами в архивах Тобольска. Агафангел — авторитетный иерарх русской церкви. Замечу, что его архипастырская деятельность многократно удостоена благодарностей и наград. Владыка был почитаем великим князем Сергеем Александровичем и его супругой преподобномученицей великой княгиней Елисаветой Феодоровной, сотрудничал с ними в попечении о Палестинском обществе. Юбилейным Архиерейским собором 2000 года он причислен к лику святых новомучеников и исповедников российских. И этого патриарха знает Югра.

Крупницы древних рукописей

Святая Русь со стародавних времен наделена величественными силами. Посланные всей Русской земле испытания и страдания каким-то чудом спасают нашу Родину в години самых страшных лихолетий. Не исключение в этом отношении земля Югорская. Превращение Руси в Великую Россию начиналось с присоединения Сибири к русскому государству.

Православие как духовный стержень русской культуры нельзя вырвать из контекста всеобщей истории. В истории православных церквей Ваховской волости Сургутского уезда много неизученных страниц. Поиски в архивах Тобольского хранилища позволили обрести документы, относящиеся к истории нашего края.

В Тобольской духовной консистории, в Сургутском благочинии имеются документы, фонды которых содержат единицы хранения дел, объединяющих распоряжения, копии указов, уведомлений, различных предписаний канцелярии Тобольской духовной консистории. Интерес представляют церковные ведомости, церковные описи, доношения, отчёты и рапорты в приходы Ваховской волости Сургутского уезда от настоятелей церквей. Знакомясь с ними, ощущаешь необычный трепет от прикосновения к драгоценным крупницам древних рукописей. От них получаешь информацию о жизни православия в нашем крае, о храмах, причтах и прихожанах, о священнической пастве, что несла службу в Сибири. С особым содроганием вчитываешься в каждую строчку искусно-вычурного почерка.

Ваховская волость

Сургутский уезд, а правильнее — уездный город Сургут, являлся, как и некоторые другие, административной единицей Тобольской губернии Российской империи. Он образован в 1594 году в составе Тобольского разряда. Как мы заметили, Сургутский уезд, и в его составе на то давнее время уже присутствовала, жила, существовала Ваховская волость, населённая остяками.

Кстати сказать, большинство жителей волости было передано в вотчину кодскому князю Игичею Алачеву, воины которого воевали тогда не только с селькупам, но и с обдорскими остяками, также сооружали Берёзов и Сургут. Ханты заселяли преимущественно берега Оби, по Ваху с устья до Корликов осваивали Колек-еган, Сабун, Кулынигол, Кыс-еган, Большую Ларьякскую протоку. Часть их жила на протоке реки Таза-Тольке.

Вытеснение ханты ненцев и зырян шло постепенно с Тыма на Вах и с Казыма на Аган. В верховьях Ваха, там, где тайга переходит в лесотундру, кочевали эвенки, жили кеты. Существует мнение, что раньше предки восточных ханты, частично населяющие верховья Васюгана с одной стороны, продвигались вниз по его течению, затем освоили Васюгано-Ваховское Приобье и район Ваха, и пришли они со стороны Уральских гор. Территория расселения ханты включала бассейны Конды, Демьянки и районы южнее современного Тобольска вниз по реке Оби.

Очевидно, под давлением манси и предков сибирских татар ханты постепенно перемещались на восток, отесняя в свою очередь селькупов, территория которых доходила, по некоторым сведениям, до современного Сургута. Таким образом, к XVII веку ханты продвинулись в бассейн рек Вах и Васюган. Жившие здесь селькупы отошли на север, в бассейн среднего Таза, положив начало новой этнической общности, уже тазовско-туруханских селькупов, отделённых от южных — нарымских селькупов хантыйским клином.

Ваховская волость включала большие территории и земли по нижнему течению Ваха, где значатся Ларьякская волость в верховьях реки Вах, далее Лумпокольская — от юрт Полиных до Охтеурских. Оказавшись на Вахе, ханты поселились вначале в Большом Ларьяке, эта территория оказалась тогда наиболее заселённой, и до сих пор там имеется несколько домов, а местные жители находят различные предметы давнего времени.

По преданиям следует, что прежде чем ханты появились на Вахе, народ с заливных лугов, соров — Лар-ях, обитал по берегам реки Ас, то есть Оби, близ городка-крепостцы Ват, на обширных просторах, ссорах. Понятно, что слово «Лар-ях» означает местность Ларьяк. Однако до сих пор не удалось узнать, что же это за город Ват существовал: Сургут, или Вах, или какой другой, ведь перевод слова происходит как «народ из города», то есть выходцы из городка. От слов «ват» и «ях» — народ, люди — образовано название Ваха.

Где ты, Ваховская волость?

И всё же где находилась, что из себя представляла Ваховская волость, в которую входили земли других ее волостей? Исходим из краткой архивной справки: село Ваховское находилось в 150 верстах от юрт Вартовских.

И теперь: документ от 1748 года, найденный мною в архивах Тобольска, напечатанный в Московской типографии, был направлен в Ваховскую волость, где в то время существовала церковь в честь Богоявления Господня. Это форма для чтения в первых ектиньях, на вечерни и утрени «о благочестивейшей, самодержавнейшей великой государыне нашей императрице Екатерине Алексеевне, всея России, наследнице ея благоверном государе, цесаревиче и великом князе Павле Петровиче и о супруге его благоверной государыне великой княгине Марии Фёдоровне, и о благоверных государях великих князьях Александре Павловиче и Константине Павловиче, и о благоверных государынях княжнах Александре Павловне, Елене Павловне, Марии Павловне, Екатерине Павловне и Ольге Павловне, о всея палате, и воинству их, где помолимся».

Далее представляю документ: ведомость именная, сочинённая сургутского заказа на 1751 год, и полное число в оной имеется: церквей и при них священно-церковнослужителей и их детей, грамоте обученных, обучающихся, необученных и подлинных лет, о том показано ниже: в Ваховской волости при церкви Богоявленской число церквей: 3. При тех церквах имеется попов: 1, дьячков: 1, пономарей: 1.

Следовательно, в это время Ваховская волость уже существовала. Позволю предположить, что в Ваховской при Богоявленской указанные 3 церкви относятся к Ларьякской стороне, Лумпокольской и/или даже к Охтеурской, поскольку здесь была часовня.

Итак, Ваховская волость — где её следы, точное расположение? Мало кто знает до сих пор, где же Ваховская волость Сургутского уезда. Протекает извилистый Вах, есть современный посёлок Ваховск, а вот где же та сама Ваховская волость? И тут, возможно, огорошу читателя, называя нынешнее село Локосово. Это ли не сенсация? Будущее село Локосово первоначально было определено как центр сбора пушнины. Однако с постройкой храма в честь святого Богоявления в 1716 году село стало духовным центром Ваховской волости и первоначально носило название Погост Богоявленский.

ЭТО ЛИ НЕ СЕНСАЦИЯ?

Предлагаю познакомиться: Локосово — одно из старейших сельских поселений на территории Ханты-Мансийского автономного округа-Югры, с которым связывают появление села и возникновение

в 1716 году на высоком берегу реки Обь, в 100 километрах от Сургута, православного прихода в честь святого Богоявления.

Несколько лет назад ко мне обратился житель Локосово, занимавшийся историей села, и я отправила ему документы по истории Ваховской волости. Он был просто шокирован и утверждал, что такое немыслимо! Так локосовцы узнали о своём богатом прошлом. Как считают сами локосовцы и как отмечено в истории поселения, относительно времени образования и его названия существует несколько версий. По одной из них, в начале XVIII века на угожем месте вверх по Оби от Сургута располагалась в Ваховской волости однодворка казачьего десятника Никифора Ботолина, где ему было велено по указу его императорского величества Петра I обращать живущих рядом иноземцев в христианскую веру. Возможно, с этой самой однодворки и началось село.

По другой версии село образовано во второй половине XIX века на месте бывшей фактории, так называлась тогда торговая контора купца Лыкосова, а название села — искажённый вариант этой фамилии. Скорее всего, обе версии имеют право на жизнь.

В 1845 году проезжающий по Оби финский исследователь **Маттиас Александер Кастрен** в своих записях назвал это селение Лохосово. Так или иначе, но в 1851 году Локосово уже входит в список первых русских сёл Сургутского уезда. В окрестностях села находились остяцкие юрты, все они входили в Локосовскую народную управу. Население зарабатывало себе на пропитание промыслом рыбы, пушнины, заготовкой дров для пароходов.

В 1930 году Богоявленская церковь была закрыта, а позднее в ней стал размещаться сельский клуб. В сельском поселении, отметившим недавно 300-й день рождения, проживает около двух с половиной тысяч человек. Местному жителю Владимиру Кондакову удалось сохранить купол, находившийся на храме над алтарём, он зарисовал и описал вид бывшей церкви.

В 2000 году по инициативе жителей посёлка Локосово (бывшее село Ваховское) вновь образован православный приход. Силами прихожан под храм отремонтировано ветхое здание бывшей конторы торгового предприятия, и в 2002 году на здании был установлен купол с крестом. В канун престольного праздника было совершено первое богослужение и освящение воды на протоке Локосовской.

В сам праздник многие жители наблюдали чудесное явление, которое происходило над прорубью: вечером около 21 часа золотисто-серебристое облако с лучами, направленными на иордань, опускалось и поднималось несколько раз над ней. Увидев это явление, люди падали на колени и молились. Все это длилось в течение 7—10 минут. Затем облако поднялось, пронеслось над селом и исчезло.

А далее нам предстояло бы рассказать об уникальных церквях городов и территорий земли Югорской, ведь храмы с древних времён называют небом на земле. Тонкой вязью переплелась и традиционная хантыйская обрядовая культура, и русская, и всех тех, кто проживает здесь. О деятельности такой большой страны, имя которой ЮГРА, остаются за печатями альманаха те страницы, которым ещё суждено, дай Бог, увидеть свет.

Впереди ещё так много белых пятен...

Олег КУЗИН

Звучи, моя песня

О Нижневартовске

Здесь начинали жить с «нуля»,
На сотни верст вокруг — тайга.
И топь болот... И мошкара...
Одна дорога — Обь-река...

Весна и осень — сплошь вода...
Зимой — за сорок холода...
Здесь восемь месяцев — снега...
И месяц лета — без тепла.

Но надо жить и побеждать!
Нам строить надо и дерзать!
Нам нефть нужна — ее достать
Мы сможем — это нам подстать!

Припев: Нижневартовск — город юных, молодых сердец!
Он у Западной Сибири — золотой венец!
Нижневартовск — город счастья, юности, любви!
Нижневартовск — это гордость, это Я и Ты!

И вырос город на Оби,
В краю болот, среди тайги!
Раскинул ленточки дорог
За вечной мерзлоты порог!

Туда, где нефть, природный газ,
Суровый ритм работы без прикрас...
Труд — подвиг здесь для каждого из нас,
А впереди — наш звездный час!

Но надо жить и побеждать!
Нас строить надо и дерзать!
Нам нефть нужна — ее достать
Мы сможем — это нам подстать!

Гитара

Ни дня, ни часа не могу
Представить жизнь я без гитары.
В нее всю душу я вложу,
И мы тоскуем с ней напару...

Она душевный мой собрат,
Всегда мне в жизни помогает.
Я с ней советуюсь сто крат,
А уж потом она решает...

Она как губка, не спеша,
Тоску-печаль мою впитает,
А струны нежностью звуча,
Остатки грусти разгоняют...

И радость делим с ней вдвоем.
И горе делим пополам мы.
Мы неразлучны с ней во всем,
И вместе с ней для всех желанны...

Гитара милая моя,
Родник любовного тумана!
Любите, вы ее друзья!
Она, как счастье — без обмана!

С юбилеем!

Михаил КУЛТЫШЕВ

Космонавту нашего города

Нефть пошла — и дело «закипело»,
Закружилась как юла, земля.
Старались действовать в работе мы умело,
Богов югорских всей душой моля.
К фонтану нефти мы трубу подали,
И первый дом по Пионерской встал,
Молва летела по стране, а ветры воспевали
Ещё сильнее раздували тот накал...
Вот век закончился, начался новый...
Всё пережили — ваучер, дефолт...
Мы были те, что сбросили оковы,
Югру родную превратив в оплот.
Вот город вырос. Выучились дети.
Край возмужал, как первенец весны.
Один из них, прекрасней всех на свете,
Как раньше, держит флаг родной страны.
Руси посланец и родной Сибири,
Бесстрашный Рыжиков по Млечному летит.
А Нижневартовск, самый лучший в мире,
Стоит в снегах и краше не найти!!

Весеннее

Встречаю первые лучи
Не так, как хочется.
Ещё ручей с горы не мчит,
И не хохочется...
Ещё подёрнуты ледком
Речные полыньи,
И створки не пускают в дом
Предвестников весны.
Но неподвластны минусам
Желанья, если хочется,
И верят люди в чудеса
И в добрые пророчества...

Счастливого полета, Яша!

Погожим сентябрьским деньком я возвращался из леса с полной корзиной грибов. Пенье птиц, звонкое и радостное, наполняло лес. И вдруг я услышал детские голоса. Злобные реплики ребят лишь изредка перекрывались вскриками птицы, явно страдающей от боли. Я поспешил на голоса. На небольшой полянке у куста ивняка пятеро мальчишек с хорошими ветками в руках окружили ястреба.

— За что вы его?

— Цыпленка у Макара утащил, — ответил один, и вицею, со свистом рассекающей воздух, ударил ястреба.

— Василий выстрелил, крыло ему подбил, он и спланировал сюда, — пояснил второй.

— Так вы что, добить его решили?

— А пусть не таскает!

— Отдайте его мне, — прошу ребят. — Он не будет таскать ваших кур. И крыло срстется. Вот вам ножик за него.

Они попробовали остроту ножа на ветке ивняка и ушли. А я попытался взять птицу в руки. Но не тут-то было. Ястреб всем телом жался вглубь ивового куста, мощным клювом наносил удары по рукам, которые я обернул курткой. Мне же нужно было так взять его, чтобы и нести удобно было, и чтобы еще большего вреда крылу не нанести. Через некоторое время я все же с ним справился, и спелёнутый курткой, он глядел своими хищными глазами на дорогу. Так, с корзиной грибов и хищной птицей, я пришел домой. Под жилище птице определяю большой ящик, найденный у магазина. Надеюсь, что ястребу в нем будет удобно, да и бояться не надо, что он невзначай нанесет удар клювом моим любопытным сыновьям.

— Не суйте в ящик рук, не прислоняйте лицо, — внушаю мальчишкам.

Прежде всего, наш новый жилец нуждается в лечении. Готовлю йод, мазь, бинт, две палочки, веревку, чтобы связать лапы с мощными когтями, и вязаную шапочку на его голову. Представить и мысленно проделать операцию по наложению шины на крыло — одно дело, а вот осуществить задуманное, — совсем другое. Нужен помощник, желательно, хоть что-то понимающий в медицине. Обращаюсь за советом к своему приятелю Леониду Лесняку, служившему когда-то санбратом в войсковой части зенитного подразделения.

— Не переживай, — успокаивает он меня. — Сделаем все в лучшем виде. Начнем сразу, чтобы место перелома не обтянуло хрящиком.

На веранде мы уложили ястреба на стол боком на здоровое крыло. Леонид тщательно выверяет линию крыла, точно читает чертеж, где плавные переходы сделаны с помощью лекала искусной рукой художника. Половина крыла висит, основание ходит и

подергивается. Серо-вороное перо окрасилось кровью. Но вот, улучив момент, мы руками стискиваем крыло, с помощью двух палочек фиксируем его неподвижность и бинтуем. Бинт проталкиваем мимо пера, которое еще имеет и плотный пух.

— Смотри, как мужественно переносит йод, и эмульсию.

— Он верит в нас, — считает Леонид, — знает, что мы ему поможем.

Вот окончена перевязка.

— А напоследок я делаю ему укол: и от столбняка поможет, и поспит спокойно. Только воды ему дай обязательно, — советует Леонид.

Мы напоили ястреба с ложки, с трудом разжимая его клюв. Посадили в ящик, не давая размахивать крыльями. А вот чем кормить? Это не ягненок, молоком из бутылочки не накормишь. Так что дать? Может быть, рыбы? Я достал из холодильника мойву, обдал кипятком и на блюдечке поставил в ящик. Ястреб агрессивности не проявил, руку мою не клюнул.

— Эх, ты Яша, — как-то само собой получилось у меня. Я даже остановился: — Яша! Пусть так и будет.

Через пару дней решили вынести Яшу в палисадник, на свежий воздух. Привязали к его ноге шнур и отпустили под черемуху, молодые побеги которой образовали целый куст. Я помог Яше усесться на толстый сук, (сам он справиться не мог из-за нескладывающегося крыла), и отошел по делам. Слышу — птичий гомон. Смотрю — синицы, воробьи облепили верхушку черемухи и щебечут. Самые смелые подлетают к Яшке с намереньем ущипнуть. А он лишь отворачивает голову и щелкает клювом.

Дней через десять Яша стал пробовать взмахнуть крыльями.

— Нет, рано еще шинки снимать, — осмотрев крыло, говорит Леонид.

Весь октябрь месяц Яша живет у нас на веранде. Ходит, сколько позволяет длина шнура. На полу куски магазинного цыпленка, мышь, вода...

— На веранду не зайти, — жалуется жена. Она и сыновья побаивались выходить на веранду: вдруг клюнет?

Однажды вечером, забирая детей из садика, я обратился к заведующей с просьбой взять нашего Яшу в живой уголок. Посоветовались и решили, что птице нужен вольер. За неделю плотник на прогулочной площадке сделал все необходимое, и получилась хорошая клетка: и в меру теплая, и есть где крылья расправить. Да и радости ребятишек предела не было. На волю же выпускать ястреба пока опасались — он легко мог стать добычей зверя. Пусть уж перезимует в садике.

Зима в том году выдалась не морозная. Заходя в садик, я видел, что Яша то, разбежавшись, взмывает под потолок, то сидит, широко раскинув крылья. Он мечтал о свободе, о небе.

— Погоди немного, — успокаиваю его. — С первыми апрельскими деньками и вознесешься высоко в небо.

И вот настал этот день. Все девчонки и мальчишки вышли порадоваться возвращению ястреба в небо. Я выношу его и сажу на газон. Все ждут. Ястреб, видимо, еще не верит в происходящее. Но вот пробежка, прыжок, и мощные крылья поднимают его в небо. Ястреб, как бы прощаясь, делает круг над нами и направляется в сторону леса. Нам с возвышенности еще долго виден его силуэт, постепенно превращающийся в точку...

— Счастливого полета, Яша!

Нина ЛЕКСИНА

Мне бы два крыла...

Одиноко воеет
Ветер за окном.
Принаряжен снегом,
Приукрашен дом.
У окошка ждешь ты,
Опустив глаза,
На щеке сверкает
Жгучая слеза.
Все-то бедной мнится:
За рекой-дугой
Не сынок ли едет,
Сердцу дорогой?
Сынушка-кровинка,
Мне бы два крыла —
Я б к тебе голубкой
Прилететь смогла...

Поэту

И снова трудный день затих —
Печален мой усталый стих.
И Муза скромная моя
Летит в небесные края.
Сияет там Небесный град,
И хоры Ангелов трубят:
— Не спи, поэт, смотри, внимли,
Стань соловьем родной земли,
Чтоб не забыл из века в век
Предназначенья человек.

Миру — Победа нужна!

Памяти матери, Горбуновой Анастасии Ивановны, ветерана войны и труда, награжденной медалью «За доблестный труд», бригадира женской тракторной бригады в годы Великой Отечественной войны.

Ночь, — а девчонка одна,
И не видно ни зги —
В тракторе — ей не до сна.
Пашет. Круги, круги...
Борозды ровно кладет —
Пахота — не на час.
Вздрогнет — нет-нет да сверкнет
Фосфором волчий глаз.
*Круги на пашне —
круги вокруг глаз.
Не спи, девчонка,
костер не погас!*
В поле победу кует,
Сил не щадит она:
Ночи и дни напролет
Где-то гремит война...
Гонит фашиста отец —
Вне закона война,
Скоро ей будет конец,
Проклята будь она!
*Круги на пашне —
круги вокруг глаз.
Не спи, девчонка,
Костер не погас!*
Песнь, соловей, запевай —
Как усыпляет мотор!
Славил весну юный май,
Звал, уносил в простор...
Ах, эта майская ночь,
Ночь без покоя, сна.
А людям уже невмочь —
Миру — Победа нужна!
Норма!.. Девчонка спала,
Кудри с рулем сплелись...
— Настя! — подруга звала.
— Враг побежден! Проснись!
Проснись, девчонка, — Желанный час!
Сияло солнце: «С Победой вас!».

Намоленное место

— Бабушка, ну что ты кручинишься?

Радуйся. Ты же скоро в город жить поедешь, там храмы есть, — так утешала я бабушку Катю, когда та, прощаясь с родным подворьем, морщинистой ладонью гладила бревна своей избы, потемневшие и погрескавшиеся от природных невзгод. Постояв, будто вспомнив что-то, она улыбалась сквозь слезы. Столько горечи в морщинках возле губ...

Я обнимаю ее, такую старенькую, родную и, не выдержав более, заливаюсь горячими слезами, ведь в ее доме прошло наполовину мое детство. Спohватившись, утирает она мои слезы, обнимает, ведет к крылечку:

— Не надсаждай свое сердце, внуча, — так коротко называла она меня частенько. — Твои слезы еще впереди, давай-ка мы чайку выпьем. Тоже ведь упорхнешь скоро в город учиться. Ну да вам, молодым-то, что... везде пути-дороги открыты... Голову на плечах держи!

Минуя темные прохладные сени, мы заходим в избу.

Легонько отстранив меня, бабушка Катя молится Богу.

А я замираю на пороге, глядя на печь-лежанку, на широкую железную кровать, большой дубовый стол, за которым умещалась уйма народу: сидели, бывало, тесно, плечом к плечу — в тесноте да не в обиде.

Дед еще жив был...

Приезжали пятеро бабушкиных сыновей. Были они широкоплечие, высокие, как дубовые воротные столбы, братья Силантьевы. И жены их, и дети — все сиживали за этим гостеприимным столом.

А были веселые шумные застолья в избе, с гармоникой, песнями, залихватскими частушками. Как сейчас вижу деда, широкоплечего, статного да усатого, с густым кучерявым чубом. Хорошо пел дед, и сыновья его голосистые были.

Бабушка в этом веселье не участвовала. Будучи христианкой, она смиренно готовила на стол угощение, за всеми доглядывала (сыты ли), а потом скромно присаживалась на краешке скамьи, благодушно взирала на детей своих, радуясь их радостью. Глаза ее светились голубым светом.

Удивительное смирение перед Богом, любовь к Нему сочетались с земной любовью к своему искалеченному войной мужу, моему деду Ивану, к сыновьям и своей единственной дочери Настене (моей матери, одной выжившей из пяти дочерей), к многочисленным внукам.

Дед не был ни суровым, ни злым, к его желанию завести в доме веселье бабушка относилась с пониманием и незаметно делала всю важную работу для предстоящего застолья. А когда бабушка Катя желала уединиться в крошечной кухоньке, чтобы помолиться Богу,

почитать Библию при свете восковой свечи (она сама их сучила из воска), тихим ангельским голоском пропеть псалмы, дед переставал стучать молотком (был он сапожником) и увещевал нас, расшалившихся, чтобы ей не мешали.

Любовь и согласие жили в бабушкином доме. Помнится, как однажды, во время веселья, я, сидя на печке, хлопала в ладоши — дед плясал!

Он подпрыгивал на здоровой ноге, а другую ногу-протез приподнимал и хлопал в ладоши под железным коленом. Меня охватил восторг: вот так дед-фронтовик, дал всем фору!

Я тормошила всех детей, сидящих на печке, и орала что есть мочи:

— Дед Иван пляшет! На одной ноге! Во дает!

И, заметив мой восторг, дедушка схватил меня своими сильными руками, стащил с печки и с криком «пляши» опять стал неистово подпрыгивать, кивнув гармонисту: «Давай барыню!» Плавным кругом, точно коршун, выступил он на середину избы и, хлопнув в ладоши, медленно, а потом все больше распаяясь, подбоченившись, плясал, одной рукой кружа меня. Мне весело было среди взрослых, я молотила босыми пятками деревянный крашенный пол, бог знает, что вытворяла, рискуя попасть под чужой каблучок, но всякий раз изворачиваясь, отчего было еще веселее.

Наконец, и молодежь не выдержала, повыскакивала на середину избы и пошла в пляс. Плясали Подгорную, частушки звенели лихие.

Я заметила: дед стал морщиться от боли (культя давала о себе знать) и заметно припадал на ногу, будто из липкой, густой грязи ногу вытаскивал.

Бабушка, заметив неладное, вспорхнула со скамьи и, подойдя к нему, что-то на ухо шептала своему Ване, тот отошел от веселившихся и покорно сел на скамью. Дед всегда был послушен бабушке, хоть и старше был ее лет на пять, а она никогда ему не преколовила.

И нигде больше я такого миропорядка не наблюдала.

И где теперь все это, и куда делось все?

Бабушка окликнула меня, прервав дорогие воспоминания, и я не без сожаления вернулась в грустную действительность.

Мы сели с ней за стол и стали пить чай с душицей и зверобоем, которые на днях вместе собирали в лесных оврагах. Душистее и вкуснее этого чая нет ничего на свете.

— Вот покидаю свое родное гнездовье.

И остается место намоленное, а никому теперь не нужное, — с грустью сказала моя милая старушка.

— Бабушка, а как это — намоленное? Это что значит?

— Храм-то в селе не действует уже столько десятков лет, бурьяном зарос.

А куда пойти человеку утешения искать с поруганной душой? А как горе-беда случится?

Только и остается спасением родная изба. Да хорошо, если в этой избе Богу молятся, — оттого место-то священным становится. Исстари наследовали его дети и внуки. Не пушки и не армии так страну берегут, как святые места, монастыри да храмы с церквями.

Теперь вот все в города бегут.

А зачем? Разве дерево без корней приживается? Где родился, там и сгодился.

А ведь вернуться люди снова к земле, веришь ли, придут такие времена...И колокола звонить будут. Помяни слово мое...

Ничего я тогда не поняла из ее слов, ровным счетом — ничего.

Загадками говорила бабушка. Но и возражать не стала.

Много воды утекло с тех пор — бежит река времени...

Я сама уже теперь бабушка, далеко живу от родных мест.

Чужая сибирская сторонка мне родной стала. Но бывают минуты, когда вдруг взноет сердце, встрепенется птахой душа, хлынут воспоминания о родной земле, о дорогих моему сердцу близких людях.

А что такое я без них?

И поймешь вдруг: а не зовет ли тебя намоленное место? Не потерялась ли ты в суете каждодневной? А все ли исполнила, о чем просили в молитвах о тебе предки твои?

И засобираешься в путь-дорогу — родные места навестить.

Зовет, зовет к себе намоленное место...

Галина ЛОСКУТОВА

Счастье

Тепло на сердце и уютно,
Улыбкой счастья тронул луч,
И стало весело и людно,
И нет в душе уж темных туч.
К нам счастье в гости постучалось,
В дом принесло любовь, покой,
И — негативное умчалось,
Забрав все горести с собой.
Все озарилось ярким светом,
В висках стучит избыток чувств,
Смешав любовь, заботу, трепет,
Все это счастьем назовут.
Оно большое покрывало,
Спасает нас, закрыв собой.
Оно в глазах надежд начало,
Осветит яркою звездой.
Мать и отец, рожденье жизни,
Вода, земля и небеса,
Семья — любовь к родной Отчизне,
Все это счастья чудеса!

Россия-мать

Святая Русь, ты нас взрастила,
И всех лелея, сберегла.
Богатство духа в нас вселила,
Лишь жизнь, чтоб праведно текла.
Ты научила верить в дружбу,
Заботу к людям проявлять,
Всё отвергать, что сердцу чуждо,
Ни честь, ни совесть не терять!

Россия — мать, твои мы дети!
Та широта души, что в нас —
И нет другой такой на свете,
Что было в прошлом и сейчас.
Наследие твоих традиций:
В них мощность духа велика,
Мы сохраним твои границы
И пронесем через века!

Светлана МАЙОРОВА

Северный апрель

Небо решило почистить весеннюю землю,
Ночью прикрыло проталины чистым снежком.
Солнышко утром играло с ползучею тенью,
И белоснежную вату лизало лучом,
Вновь оголяя газоны у самого дома,
Где поспешила проснуться малявка-трава.
Только вчера снег лежал тяжелеющим комом...
Утром — бело, а к обеду — земли острова!

Спешно приходит в мой город весенняя нега!
Больше других юность года в природе люблю!
В детство уводят ручьи от вчерашнего снега,
Холод простив декабрю, январю, февралю.
Где-то в лесу просыпается юный подснежник,
Птицы щебечут любовь за окном поутру!
В чистых сердцах море чувств появляется нежных.
Солнечный свет открывает дорогу добру!

Я в тебе люблю себя,
А в себе — тебя.
Не хватает нам ночи,
Солнечного дня.
Не хватает чётких слов
Мысли объяснить.
Очерёдность сладких снов
В жизнь влетает нить.
Даже вера не спасёт
От самих себя,
Потому что я в себе
Нахожу тебя!

Я по маю грустила, по маю,
Я грустила у всех на виду.
А сегодня мечту догоняю,
И гуляю, как в райском саду!
Здесь черемуха цветом душистым
Объясняет желания суть.

Заколдована дубом пушистым,
В тень которого можно свернуть!
Грациозно встречают каштаны:
Держат лапами конусный цвет.
Здесь березы — и те великаны!
В красках лета встречаю рассвет!
Я по маю скучала, по маю,
А сегодня у всех на виду
Сказку детства душою внимаю
Во цветущем и райском саду!

Что останется...

Что останется после меня:
Память дней в безрассудстве тревожном,
Ритм дождя уходящего дня
В ощущении вечности ложном?..
Что останется после меня,
Если сердцу позволена черствость;
Доброта если вымерла. — Твердость
В торжестве проходящего дня?..
Что останется после меня,
Если делать не буду благое,
Красоту отгоню, как чужое,
Не использую силы огня?..
Что останется после меня?..
Что останется после меня,
Если память короткою будет,
Жить размеренно в суетных буднях,
За ошибки себя не виня?
Что останется после меня,
Коль со всеми да вниз по течению,
Принимая чужие решения,
Несогласие в сердце храня?
Что останется после меня?
Что останется после меня?
Пусть останется песня живая!
Пусть её человек напевает,
Оживу в этой песне и я!
Пусть останется песня моя!

Марьям МАМЕДОВА

«ИВАН-ЧАЙ»

Легенда

Литературному объединению «Замысел» — 25 лет, четверть вековой юбилей. На страницах газеты «Местное время» он представлен поэтическими выпусками литературной станицы «Иван-чай». Всем нам — любви и вдохновенного выражения в Слове.

Жили-были девять планет: Меркурий, Венера, Земля, Марс, Юпитер, Сатурн, Уран, Нептун, Плутон. Одна из них — Земля — стала главной для человечества. Она существует тысячелетия. Земля была и есть жизнь, матушка для своих жителей. Жители — это мы, все человечество, растения, насекомые, животные, птицы. Все живые существа рождаются и покоятся на ее «ладонях».

Земля... Вот на этой земле люди встречаются, рождаются и умирают, становятся поэтами и учеными, летают в космос и работают в шахтах. Все это представляет собой огромный и бесконечный мир прекрасного.

На Земле есть много разных стран. И среди этого множества есть одна дорогая для многих людей земля — сибирская. Сибирь — это снежная королева, заманившая в свои владения тысячи поклонников, это — пещера с черным золотом, это — прекрасная лесная нимфа и это — голубая река.

Среди поклонников Сибири был геолог — первооткрыватель Самотлорской нефти, выходец из солнечного юга. Его покорила сибирская красота, очаровал запах тайги, изумило величие и стойкость кедра. Топкие болота ему были не страшны. Самыми вкусными ягодами для него стали клюква, черника, солнечная морошка и нежная княженика. Однажды в солнечный майский день он гулял по лесу. Зачарованно куковала кукушка, слышались птичьи голоса, разливался горьковатый запах рябинового куста. Все наполняло человека миром и спокойствием...

Вдруг геолог заметил на земле маленький, согнувшийся от сильного ветра, беззащитный цветочек. Он поднял его, нежно расправил корешки, погладил влажные лепестки. Цветочек был похож на ребенка, потерявшего свое место игры, место жительства, себя...

Молодой геолог принес его к себе в общежитие, посадил в красивый, просторный вазон, поливал и ухаживал за ним, как жених ухаживает за невестой. Цветок гордо расправил стебель. В маленькой уютной комнате под ласковыми руками «жениха» росла «невестушка» и наконец, расцвела. Цветочек был бледно-розового цвета, скромный и застенчивый, с тонким нежным ароматом. Сво-

ей неповторимой красотой он стал вдохновлять сибиряков и на труд, и на отдых.

Геолог — «Замысел» назвал друга — цветочек «Иван-чай». О нем сложили легенду, и напечатали во всех газетах стихи... С тех пор так и повелось. Хотят люди услышать стихи — идут в библиотеку, хотят почитать стихи — открывают литературную страницу «Иван — чай» в газете.

Любите красоту, природу! Будьте бдительны, внимательны, чтобы заметить маленьких среди больших, слабых среди сильных, гномиков среди гигантов, замкнутых среди многоговорящих. Будьте крепким звеном в цепочке друзей, и тогда она не порвется. Красивый кирпичный дом, потеряв один из кирпичей, не сразу развалится, не выйдет из строя, но потеряет свой внешний вид. А если таких кирпичей упадет много?.. Значит, развал... Цените друг друга. Берегите дружбу.

Замечайте среди прекрасных пышных роз совсем маленький, но такой неповторимый «Иван-чай».

Виктория МИРОШНИЧЕНКО

Анне Ахматовой
Посвящение поэту

Как рваный ритм её стихов
Пульс замирает, снова бьётся.
В них петроградский блеск штыков,
И Херсонес, залитый солнцем.
Спираль сжимая, прошлый век
Проходит точку невозврата:
Ко мне "приходит человек",
Его любила я когда-то.
Цветы на столике, духи,
И худощавый, лёгкий профиль—
Как акварельные мазки
Давно утраченной эпохи.
Так неприкаянно-честна
И незащитна перед миром!
Душа её обнажена,
И жжёт сияющая лира.
Судьбой отпущены грехи
За то, что в годы роковые
Писала светлые стихи,
А в них молилась за Россию.

Пусть жизнь меня наотмашь била,
Простым вещам меня учила,
Даря возможность стать собой.
Душевный обретя покой,
Шлю в благодарность эти строки
Судьбе — за ценные уроки,
Друзьям — за милость быть со мной
Зимой холодной и весной,
Сердечным радуя теплом.
Здесь обрела свой дом. И скоро
Он стал мне точкою опоры,
А с нею — мир перевернём!
(Вот понесло!) Речь о другом:
О хрупкой северной природе,
О переменчивой погоде,
Дожде и снеге за окном.
И о былом... Переживём!

Валерий МИХАЙЛОВСКИЙ

Обыкновенная новелла

I

Жил-был на свете человек по фамилии Толстокувалдовских, а именем-отчеством он был таким наречен: Иннокентий Эммануилович. Был он среди всего прочего городского населения очень средним человеком: среднего роста, средней упитанности, то есть не тонкий, и не сказать, чтобы его толстым называли. И лицо у него было среднее, ну в смысле, что нос у него чрезмерно не торчал, или не горбатился, как-то сильно заметно; и губы вроде не выпячивались так, чтобы бросалось такое своеобразие в глаза. Поэтому его никто не дразнил ни носатым, ни губошлепом. Уши? Нормальные уши были, никому и в голову не пришло бы сказать: ушастик. Даже лысина его была средненькая: не сказать, чтобы во всю голову, но все же нет-нет, да и скажет кто-то: «вот тот лысенький и есть Иннокентий Эммануилович». Видите: «лысенький» обычно говорили, что указывало на лысинку, а не на лысину ото лба и до самого затылка. Кто-то, знаете такой зануда, может еще не убедился в совершенной среднестатистичности описываемого индивидуума, и хотел бы глянуть ему в глаза. Ну, что ж, пожалуйста: глаза его были не косоваты и не узковаты, и не был он лупоглаз; глаза его не отражали цвет неба и не были они карими: они были серыми. Таковую внешность да разведчику, чтобы легче теряться в толпе, но он служил Мельпомене. Так, во всяком случае, он любил формулировать свою причастность к театру в одном из прекрасных городков, в приличной удаленности от столиц. Служил Иннокентий Эммануилович декоратором при одном театре всю жизнь. Менялись директора театра, спивались режиссеры, перетряхивалась труппа; сменились даже несколько бухгалтеров, а декоратор оставался неизменной константой на протяжении без малого пятидесяти лет. Он всю жизнь мечтал о сцене, но судьба распорядилась так, что его персона всегда покоилась в тени. Вот еще почему, касаясь предмета его занятий, вы не получите прямого ответа. Он непременно скажет «служитель Мэльпомэны», вуалируя точное свое местоположение в этом мельпоменном царстве; и только трижды спросив, вы получите несколько раздраженно: «я дэкоратор». Именно так он говорил: МЭльпомЭна, дЭкоратор, употребляя в этих словах вместо «е» букву «э». Художником его никто не «обзывал» ибо и сам себя не причислял к этой касте. Рисовал он очень уж средне, если не сказать, что рисовал плохо. «ДЭкорации», однако ему удавались. Тут лучше применить «полу-

чались», ибо вне воли рисующего случались просто шедевральные лебеди, например, на фоне пруда. Издали они больше напоминали настороженных лошадей, а как приблизишься, так смахивали на тоскующих пеликанов. Хотел бы — не выйдет такой образ создать, так запутать скользящее сознание зрителя. А режиссеры все до одного прихлопывали в ладоши и выпускали с придыханием: «авангард». Потом и сам Иннокентий Эммануилович стал догадываться, что пишет он в стиле авангарда и очень этим возгордился: «Я авангардист» — говорил с задумчивым видом, почесывая щетинку на средней упитанности лице. «Вау!» — восклицали ценители искусства, особенно те, которые за авангард готовы были на многое, если даже не на все. А всего-то у них, обычно, было немного, но они все равно были готовы и на такие жертвы. Щетинка тоже была у Иннокентия Эммануиловича средненькая: не такая густая, как сапожная щетка, а наоборот — с проплешинами; и походила она на старую ондатровую шапку, крепко побитую молью. Щетинка появилась недавно: как вот мода вошла на щетинку, как стали носить ее почитай, что все служители Мельпомены, служители разных там Муз, так и Иннокентий Эммануилович «ощетинился». А за модой такого рода наш декоратор следил: только влез интеллигентный люд в джинсу, так тут же и он «достал Монтану», вошел в моду вельвет, он уже в вельвете щеголяет. И нет в этом ничего предосудительного: раз все так, то и он так же. И в этой щетинке он тоже как-то усреднялся.

Средний человек Толстокувалдовских Иннокентий Эмануилович если и отличался от многих представителей творческой интеллигенции, так это необычной фамилией, именем и отчеством. Но и тут его усреднили земляки-коллеги, по за глаза, да и в глаза тоже, звали Кешей Молотком, молодцом -то бишь. Фамилия тоже тому поспособствовала. «Ну, ты Кеша, Молото-о-ок!», подхватывал ведущий артист труппы, и тут же уведя Иннокентия Эммануиловича в уголок, шепотом в самое ухо мурлыкал: «Дай до зарплаты трешку, душа измаялась». Кеша доставал зелененькую бумажку и тыкал в прижатую к штанине руку ведущего артиста, чтобы режиссер не заметил. «Молоток, Кеша! Ты мне может жизнь спас» — проникновенно, как со сцены шептал ведущий артист и скрывался. Спасенный ведущий артист и теперь, спустя три десятка лет обращая свой взор в сторону декоратора, декламирует сипло: «Выручи, старина, не дай погибнуть». И получив сотенную, неизменно благодарит: «Видит бог, Молоток ты Кеша!»

II

Мог ли Иннокентий Эммануилович, обладая наглядной средне-статистичностью в ряду многочисленного племени служителей Мельпомены поступить иначе. Мог ли он не влюбиться в свои шестидесять шесть в длинноногую, белокурую, синеглазую ценитель-

ницу прекрасного. Тем более, что для этой Венеры Милосской, этой белопенной Афродиты, этой богини, самое прекрасное таилось в этом театре. И лишь только его представили «дэкоратором», она сделала алыми губками круглое колечко и выдавила грудное «о-о-о», при этом глаза ее выразили искреннюю удивленность. Как попала эта дива в секретное закулисье после премьерного показа спектакля в день открытия сезона, Иннокентий Эммануилович не знал, но познакомил их ведущий артист: «Нинэль» — галантно указал он на Афродиту, Венеру Милосскую и просто богиню. «Иннокентий, наш дэкоратор. Без него наш театр — не театр» — указал ведущий артист на авангардиста. Он наполнил пластмассовые одноразовые стаканчики водкой и предложил оригинальный тост: «за премьеру, дамы и господ». Откуда ни возмись, сомкнулись не менее пяти-шести стаканчиков, мягко соединившись импровизированным букетом, они также беззвучно разошлись лепестками по разным ртам. Через мгновение тишина нарушилась разнотойным кряканьем, словно все разом понюхали благоухающий цветок.

Иннокентий Эммануилович успел чувственно прошептать, глядя прямо в роскошное декольте: «за знакомство». «Это тоже премьера в каком-то смысле» — услышал он в ответ. Больше никто этого не слышал. Так бывает, когда в шумной компании два человека тихо разговаривая, четко улавливают друг друга, настроившись на отдельную, только им ведомую волну. Иннокентий проследил, как полстаканчика водки непрерывным тихим ручейком протекли в алое колечко. Нинэль мило выдохнула, издав такое прелестное «о-о-о-о», совершенно определенного содержания. При этом она замала ручкой перед алым колечком. Как-то так начало складываться, что Нинэль очень быстро сократила дистанцию до неприличия, так показалось, во всяком случае, Иннокентию Эммануиловичу на какое-то мгновение. Но установившийся в банкетном зале галдеж произвел на него такое, знаете ли, седативное воздействие. То есть успокаивающее или даже умиротворяющее. И он уже по-другому взглянул на эту, уже совершенно исчезнувшую дистанцию, ощутив тепло, парившее из декольте. Его ухо ласкали знакомые слова «искусство», «авангард», «премьера», «овации», которые так легко слетали с этих прелестных уст. Конечно же, декоратор не заметил того, что Нинэль просто повторяла все это вслед за ним и окружающими их артистами. Она даже в слове «дэкоратор» употребляла второй буквой «э», что не могло не нравиться уже повеселевшему носителю этой профессии.

Так мог ли Иннокентий Эммануилович — служитель «Мэльпомэны», «дэкоратор», работающий в стиле авангарда, местами переходящего в кубизм и абстракционизм (так он сам определил свое кредо перед этим божественным созданием, Венерой Милосской,

Афродитой), поступить иначе, чем он поступил? А поступок его был таким: он предложил уединиться где-нибудь в тихом уголке.

Как и в каждом театре на просторах вселенной, так и в этом, тихих и темных уголках было множество. Один из них — мастерская декоратора. Блуждая темными коридорами, богиня и декоратор не раз слипались боками, что будоражило их обоих, рождая на ходу неведомые до селе чувства. Так им тогда казалось.

— Если Вы меня здесь бросите, я потеряюсь, я не найду дороги назад, и буду блуждать вечно в этих коридорах, — томно прошептала Венера Милосская, Афродита и просто богиня, взяв под ручку Иннокентия Эммануиловича.

— Я вас никогда не брошу, я готов идти с вами рука об руку вечно, — промурлыкал декоратор, работающий в стиле авангарда, порой преходящего в кубизм и абстракционизм. Прошу заметить, что слово «вечно» было употреблено обоими, как говорится, заинтересованными сторонами.

Вечность категория неопределенная, но не для влюбленных. И вот, когда тяжелая дверь мастерской отворилась, они вошли в ее темную утробу, как в вечность вместе, бок о бок, чему, с одной стороны способствовала дверь, сузившая пространство, а с другой — вдруг пробудившееся великое желание быть близко друг к другу. Включатель не сразу нашелся под рукой хозяина. По дороге к этому самому включателю, рука сначала наскочила, как бы невзначай на коленку Венеры Милосской, Афродиты, просто богини, потом скользнула чуть выше, однако не так высоко, чтобы женщина взвизгнула, но достаточно для того, чтобы выдать свои намерения; затем рука заскользила вверх, минуя вулканическую зону. Рука как бы вильнула и прошла по краю кратера, вышла на равнину. Но вскоре под ладонями декоратора возникли совершенно ожидаемо мягкие округлости. Едва вторая рука ринулась в помощь заплутавшей по дороге к включателю, как чуть ниже поясицы резко притормозила, погрузившись в тугую возвышенность растопыренной пятерней. Включателя ни левая, ни правая рука не нашли, совершенно сбившись с курса. Глаза, однако, обвыклись и начали различать отдельные предметы. Все же тусклый свет просачивался с одной стороны через отворенную дверь, а с другой — через небольшое окно, неплотно занавешенное тяжелыми шторами. Узкая полоска желтоватого света с ровными краями разделяла пространство мастерской на две половины от окна до рабочего стола, пролегая через стоящий посередине мольберт.

— Проходите в мои апартаменты, — галантно пропел Иннокентий Эммануилович, отлепившийся от богини, Венеры Милосской, Афродиты.

— Это твой кабинет? — спросила Нинэль. В ее вопросе улавливалось удивление, которое показалось хозяину кабинета таким наивным и чистым.

— Да, это моя мастерская. Это место, где я творю, где происходят чудеса, милая Нинель.

Они уже перешли та «ты» без ненужных условностей и лишних слов, как это бывает в таких случаях. Эта полоска света, мольберт, стол с фигуркой греческого атлета, стул уже были знакомы Нинель. Так, во всяком случае, ей показалось. Она оглянулась вокруг. На стене над столом висели в рамках картины с изображением треугольников, кругов и другими геометрическими фигурами. Да, она здесь была. Пока богиня оглядывала мастерскую, за ее спиной почудился знакомый звук раскладывающегося дивана. И действительно, диванная книжка разложилась с характерным и знакомым хрустом.

— Присаживайся, — трепетно произнес Иннокентий. И она послушно села на край дивана.

— Подай мне плед, — буднично попросила Нинель.

Иннокентий сдернул с полки плед, за ним следом упала подушка. Уже через мгновение богиня, Венера Милосская, Афродита, сидела укрытая шерстяным пледом совершенно обнаженной.

— Иди ко мне, — шептала она, протягивая свободную руку: другой она придерживала плед и была настолько неотразимой в этом полумраке, что декоратор, работающий в стиле авангарда, переходящего в кубизм и абстракционизм, страстно и восторженно воскликнул:

— О, богиня! О, Венера! О, Афродита! — он сложил руки на груди. — Где кисть моя? Где мой мольбЭрт!

Не трудно догадаться, что в слове мольберт, он вместо буквы «е» применил букву «э». Иннокентий Эммануилович сделал торопливый шаг в сторону световой полоски, в сторону мольберта, но был буквально пойман на ходу, и уложен на диван. Влажное колечко коснулось его вялых губ. Душевная паника внедрилась в холодеющую душу служителя Мельпомены: он еще пока не ощущал того, что должен был бы уже ощутить каждый мужчина в подобной ситуации. И тут на выручку пришло колечко, неотвратно спешившее мелкими шажками от шерстявого подбородка к предмету беспокойства декоратора.

III

— Мне было хорошо с тобой, — прошептала дежурную фразу Нинель.

— Мне тоже, богиня ты моя! — бодренько ответил Иннокентий Эммануилович, теперь только поняв, как близко был он к провалу, и как все благополучно обернулось.

— Налей даме вина! — проговорила Нинель томно.

— У меня есть только водка, — робко попытался оправдаться служитель Мельпомены.

— Давай водку, — махнула свободной рукой Нинель.

Из тумбочки Иннокентий достал недопитую бутылку, извлек уже изрядно зачерствевший кусок черного хлеба: — Вот все, что у меня есть.

— Что бы ты без меня делал? — игриво произнесла Нинель, и открыла свою сумочку, из коей извлекла бутылку водки, прозрачные пластмассовые стаканчики и заботливо завернутый в салфетку порезанный сыр. Даже Иннокентий Эммануилович догадался, что все это добро Нинель реквизировала с праздничного стола. Иннокентий включил тусклую настольную лампу и света добавилось. Стаканчики беззвучно сомкнулись.

— За наше знакомство, — пропела Нинель.

— За чудесное знакомство, — бодренько произнес Иннокентий, он остался доволен собой.

Иннокентий заворожено смотрел, как ручеек тонкой струйкой вливался в прелестное колечко, потерявшее алый цвет. Как художник, он не мог не обратить на это внимания. Невольно его взгляд скользнул вниз, поверх шершавого подбородка. Он улыбнулся. Выпили за искусство, уже стоя у стола — она покрытая линиялым пледом, он — мятым покрывалом, походили на античные скульптуры. Иннокентий, указуяще протягивая десницу в сторону вывешенных картин, попытался просветить свою слушательницу: — Пейзаж, это что? — Это реализм, для этого есть фотоаппараты, а настоящее искусство — это фантазия, это — полет мысли. Вот, например квадрат Малевича — вот она вершина! Но что такое квадрат? Фантазии мало... А у меня — треугольник, шестиугольник! Сечешь? — несколько развязно начал просветительскую речь декоратор.

— Нет, мне это непонятно, — пошатываясь, отвечает Нинель.

— Как же? Треугольник! Смотри — это и пирамида, это и любовный треугольник...! Вот сколько скрытых смыслов! — Декоратор распалялся, размахивал руками.

— Налей еще! — нетвердо требовала Богиня, Венера Милосская, Афродита.

— Может, хватит? — икнувши, засомневался Иннокентий.

— Давай за Малевича, — схитрила Нинель.

— За Малевича — дело святое, — порывисто изрек декоратор.

Как же замечательно вот так рассуждать об искусстве с интересным собеседником, с этой богиней. И беседа ему действительно показалась такой легкой, но вместе с тем такой содержательной, затрагивающей глубинные смыслы искусства. Так ему тогда казалось, когда он, находясь в состоянии невесомости, парил высоко-высоко. Есть же люди! Есть же женщины! Он смотрел заворожено на богиню, Венеру Милосскую, Афродиту! Иннокентий в какую-то минуту страстного порыва упал на колени и лобызнул божественную ручку мокрыми губами. В это время Нинель не без гордости вспомнила, как вовремя остановила декоратора, работающего в

стиле авангарда, не позволив ему взять в руки кисть. Дело в том, что горький опыт у нее имелся и именно в этом кабинете, в этой мастерской. Она тогда позволила ведущему артисту, у которого оказался в кармане ключ от этой обители, декларировать стихи. Она же не подозревала, что у ведущего артиста их было в репертуаре великое множество. И после каждого стихотворения он непременно манерно целовал ей ручку и выпивал по полстакана горячительного. Дело началось и кончилось стихами. Потом ведущий артист, громко выругавшись прозой, залег спать. Сегодня она проявила бдительность.

— Сперва любовь, потом искусство, — проронила она про себя, но Иннокентий Эммануилович усек своим обостренным слухом совершенно неприемлемую формулу.

— Вы хотите оспорить первичность искусства? — спросил он, переходя на фальцет.

— Выключай свет, декоратор, я спать хочу, — Нинель уже потеряла возможность что-либо понимать.

Утро наступило неотвратно, как зима в Воркуте или роды у беременной. Оно не подкрадывалось исподволь, а пришло вместе с головной болью, сухостью во рту и многими другими уже известными служителю Мельпомены сопутствующими симптомами внезапно, подобно взрыву. Разлепились нагрубшие веки, и окинул уже заполнившуюся дневным светом обитель наш среднестатистический герой. За столом сидела, боком повернувшись к этому самому столу, закинув ногу за ногу его богиня, Венера Милосская. Афродита.

— О-о-о! Иннокентий Эммануилович! Вы живы? — при возгласе «о-о-о», богиня сделала губки ярко алым колечком.

— Говори просто Кеша... Пить хочу, — простонал декоратор. Он уже нашарил своими осоловелыми глазами бутылку газированной воды.

Пока, что до настоящего момента все происшедшее с Иннокентием Эммануиловичем не отклонялось от среднестатистических версий уже известных человечеству походов «старых козлов». Я не зря применил такое неприлично жесткое определение, ибо оно, может быть, еще встретится нам. Ну, так мне кажется. Не будем же мы наполнять деталями это романтическое увлечение служителя Мельпомены воображаемой богиней, Венерой Милосской, Афродитой, ибо история, случившаяся с Иннокентием Эммануиловичем, не выходит за рамки обыкновенной истории, многократно случавшейся с самыми разными «старыми козлами». Опять прошу прощения за неприлично определение, но не я его придумал вообще, и не я его притянул в эту историю, в чем вы сами убедитесь потом. Однако, хотелось бы все же успокоить тех, кому вдруг стало жалко Иннокентия Эмануиловича в это засушливое утро: из своей волшебной сумочки Нинель извлекла бутылку вина.

Хозяин кабинета, применив смекалку и навыки, добытые в подобных ситуациях, открыл ее, протолкав пробку внутрь спасительного сосуда.

IV

Дома Иннокентий Эммануилович сегодня, естественно не появился, как, собственно и завтра, и послезавтра. Поселились влюбленные на квартире знакомого друга Иннокентия, который уехал на Север. Нинель до романтической встречи с декоратором временно проживала в семейном общежитии, где были заведены строгие правила, а жила она там «на птичьих правах и висела на волоске», как она сама определила свой статус. Минуло лето, осень. Иннокентий Эммануилович ходил на службу, как и многие годы исправно, только вот изменения во внешнем облике произошли довольно заметные, ну, конечно для тех, кто его хорошо знал. Так вот сразу и не скажешь в чем дело, но походка его стала не такой уверенной, хоть и раньше он ходил не строевым шагом. Голова его села еще ниже: он и раньше немного сутулился. Потертая дубленка, смотревшаяся раньше несколько небрежно, в том смысле, что эта небрежность долженствовала так же, как и на многих «креативниках», теперь висела скучно, навевая грусть. Лицо Иннокентия осунулось: непроходящие из утра в утро мешки под глазами на фоне седеющей щетинки, придавали ему налет изможденности.

— Здоров ли ты, дружище? — спросил его как-то ведущий артист.

— Здоров-то здоров, но вот не знаю, что теперь делать... С Нинель жизнь не ладится, из дому ушел... Прямо не знаю — оказался между небом и землей.

— Зря ты с Нинкой замутил всерьезку. Всякий гриб в руки берут, да не всякий в кузов кладут, так вот дружище, — он обнял за плечи декоратора,

— Дай триста рублей до получки.

— Какие деньги? Нет у меня ни копейки. Мне сегодня пожрать не на что.

Иннокентий Эммануилович поведал другу о своем непростом жите-быте: Нинель пьет почти каждый день, не работает, приходит поздно, часто далеко за полночь, а то и под утро. Сквернословит и курит дешевые сигареты прямо в квартире, и ему некурящему человеку «дышать уже нет сил». Только не стал он открывать другу самое больное, как она пренебрежительно зовет его Кешкой, и не только наедине, но и в присутствии посторонних.

— Вот такая история. Не знаю, что делать, — закончил он, и почувствовал какое-то облегчение, как бывает с человеком, когда он, наконец-то выговорился, поделился своей печалью.

— Обыкновенная история, — ничуть не удивился ведущий артист. В его интонации Иннокентий не уловил нотки сострадания.

— Для тебя, может и обыкновенная, а у меня прямо первый раз так вот получилось.

— У тебя теперь как в том анекдоте: встречаются два старичка. Один жалуется на свою старуху, что ворчит часто по пустякам. Его товарищ, женатый на молоденькой, говорит: а у меня жизнь спокойная, никаких скандалов, никаких проблем — вечером ушла, утром пришла...

Реакции на анекдот не последовало. Ведущий артист поняв, что публика не приняла шутку, решил как-то разрядить обстановку:

— Домой иди, Верка простит, она у тебя баба мировая.

В такой обыкновенной истории и конец должен быть совершенно обычным. Так и получилось. Внял совету своего друга Иннокентий Эммануилович побрел в сторону дома. Долго ходил вокруг да около, заглядывая в окна. Стало смеркаться, включился свет в квартире, и он решился. Дверь открыла жена. Посмотрела на него так, будто он вернулся из магазина, но по обыкновению не то купил.

— Не знаю, имею ли я право на снисхождение и прощение... Не знаю примут ли меня в этом доме...

— Заходи, старый козел, кот блудливый. Явился? Домой все же пришел? Заходи, не торчи в дверях, не май месяц.

— Я виноват... я все обдумал, и понял...

— Заходи, заходи... Куда ж тебе деваться? — прервала его жена, — а то, не приведи господи, сдохнешь, где-нибудь, как собака под чужим забором, и похоронить будет некому.

Иннокентий Эммануилович почувствовал что-то вроде приятно-го тепла глубоко под сердцем, его мозг начал оживать, возвращая всем органам чувств привычное состояние. Перед ним стояла его родная жена, любимая женщина, мать его детей. Вот именно так он думал в ту минуту, когда она называла его «старым козлом».

Михаил НИКОЛАЕВ

Налетела буря

Налетела буря,
Пыль с дорог сметая,
Листьями заплакал
Сад мой, облетая.

Пламя в печке плачет,
Дым на части рвется.
Над листочком желтым
Ветерок смеётся.

Полетим по свету,
Хватит к ветке жаться.
Миновало лето,
Надо отрываться.

Там за облаками
Солнце ярко светит.
Будем мы с ветрами
Колесить по свету.

Отвечал листочек:
— Ветер, не хочу я
Жить, как паутинка,
Над землей кочуя.

Хватит, ветерочек,
Надо мной смеяться!
Сад родной люблю я,
Здесь хочу остаться.

Прилетай весною,
К маю снег растает,
Новую листвою
Сад наш заиграет!

Я тогда с тобою
Поплыву над краем,
Прилетай весною,
Вместе полетаем.

Мой Нижневартовск

Мой Нижневартовск, город мой,
Моя юдоль, моя планета,
С восьмидесятых мы с тобой,
Все на двоих — зима и лето.

У нас с тобой одна судьба,
Один замысловатый вектор.
Ты помнишь, здесь была тропа,
Сейчас широкие проспекты.

Там у реки бродили мы
Зарею, пьяные немного,
Под мерный плеск речной волны,
Одной на много лет, дорогой.

А твой ответный поцелуй,
Как от души ты веселилась,
В потоке золотистых струй
Ты чайкой белою кружилась...

Как быстро выросли дома,
Как быстро повзрослели дети.
И вот уж на висках зима,
И солнце все слабее светит.

А Нижневартовск вновь в трудах,
И любим мы его за это.
То в зелени, а то в снегах,
Всё на двоих — зима и лето.

На даче...

Проведу я всё лето на даче,
Окна вставлю и печку сложу.
И не надо, Господь мне удачи,
Да и милости я не прошу.

Заживу жизнью предков похожей,
В сердце кротость и дум — чистота.
И с соседями в день непогожий
Поделюсь я вином иногда.

Солнце выкрасит ровным загаром,
Белка скачет там, семечки ест,
Ох, недаром друзья, ох недаром,
Даровал мне Господь этот крест.

Галина ОГОРЕЛКОВА

Прикипела к Югре

Здесь снег не просто белый, в нем солнышко играет,
И радугою света нам души согревает.
И лес здесь зеленее, и птичий грай здесь звонче,
И клюква тут крупнее, и даже эхо громче.

Дороги здесь длиннее, и радостнее встречи,
И люди все добрее, и ярче в храме свечи.
И небо голубее, и речки серпантинней,
Среди болот разбросанных яркие картины.

Югра моя — красавица, в сарафане лета
Речкой подпоясана, солнышком согрета.
Ты людьми богатая, судьбами одета,
Прикипела я к тебе, снежная планета...

Будь себе верна

Можно слушать и не слышать,
Можно помнить и забыть,
Но нельзя не верить сердцу,
Если хочется любить.
Можно знать и сомневаться,
Можно, зрячим быть слепым,
Можно разочароваться
Отражением своим.
Но нельзя себя не слушать
И себе не доверять.
Под сомненье ставить душу.
Правду ложью подменять.
Полюби себя такую
И пойми, что жизнь одна.
Проживи ее достойно,
Будь всегда себе верна.

Дебют

Оксана ПЕРЕВЕЗЕНЦЕВА

О лучшем стихе...

Хочу я подарить свой лучший стих!
Их много очень, все написаны с любовью.
Пишу сейчас... дыхание затаив...
Раскрыв творенья звуков, их украсив новью.

Хочу я подарить свой лучший стих!
Соприкоснуться с вашим интересным мнением
И улыбнуться, чтобы ветер утих,
Душе почувствовать страничку отраженьем.

Хочу я подарить свой лучший стих!
В котором будут все ответы озареньем...
И каждой буквой, как в картине штрих
Уловите добро в потоках и движениях.

Хочу я подарить свой лучший стих!
Такой, чтобы расширить круг друзей и света,
Такой, чтоб отблеск тех лучей цветных
Мелькал в глазах, сверкая, словно радуг лето.

Светлана РАМАЗАНОВА

Говорить, как дышать...

Говорить, как дышать,
Забавляться и плакать...
Говорить, не стыдясь
Препинания знаков...
Говорить, будто петь,
Как поют херувимы,
Говорить — превращать
Монолиты в руины...
Говорить просто так,
Без натуг и причины...
Говорить, говорить...
Знать, что не обратимо...
Говорить, как дышать,
Забавляться и плакать...
И обиды прощать,
Не прощаясь, однако...

Свиристели

Вы, когда-нибудь видали,
Стайку пёстрых свиристелей,
Что на пиршество слетались
Под весенний звон капелей?

На соседнюю рябинку
К нам пожаловали гости:
Серо-розовые спинки,
Да оранжевые гроздья

Жадно клювами хватая,
Забродивших ягод мякоть,
Под кустами оставляя
Снежно-ягодную слякоть...

Нету сил остановиться,
Хохолков смешных скольженье...
И восторг на наших лицах:
Что за чудо-представленья!

Погуляв у нас на славу,
Хохлачи взметнулись в небо...
Лишь один совсем ослаблен,
Захмелел от ягод, бедный...

Коль помочь, — тут я не робкий,
Подобрал живой комочек,
Посадил его в коробку,
Сверху бабушкин платочек...

За водой пошёл питомцу,
Напоить решил я птицу...
Вдруг он резко встрепенулся...
Взаперти уж не сидится...

На балкон с коробкой вышел,
Сдёрнул я с неё платочек...
Свиристель вспорхнул, всё выше
Он взлететь, наверно, хочет...

Вот уже вдали растаял...
Где-то там, в лесных пенатах
Ждёт его родная стая...
Может, свидимся, пернатый?

Уходите вовремя...

Уходите вовремя оттуда,
Где уже не любят и не ждут...
И не верьте, что случится чудо,
Что окликнут вас и позовут...
Уходите смело, без оглядки
Призрачного шанса на возврат...
Даже если сердцу станет зябко...
Даже если близится закат...
Уходите всей душой оттуда,
Где разбились вдребезги мечты,
И кругом лежат осколков груды,
И надежд разрушены мосты...
Уходите вовремя оттуда,
Где уже не любят и не ждут...
И не верьте, что случится чудо,
Что окликнут вас и позовут...

Дебют

Роза САЛАХ

Шоруньжа

Шоруньжа — одна из деревень Моркинского района Республики Марий Эл. Так звучит на русском языке, а марийцы свою малую Родину нежно называют Унчо. Шоруньжа расположена на границе Марий Эл и Татарстана. В 2014 году районный центр Морки и близлежащие деревни, в том числе Шоруньжа, и моя деревня Шлань, отметили юбилей — 90-летие со дня рождения. Шоруньжинцы гордятся, что их деревня Унчо стала культурной столицей финно-угорского мира 2019 года. Открытие столицы проходило непосредственно в самой Шоруньже. На знаменательное событие прибыли делегации из Эстонии, Финляндии, Удмуртии, Мордовии, Венгрии, Ханты-Мансийска. Официальная церемония присвоения высокого звания Шоруньже состоялась 10 января 2019 года вначале в драмтеатре имени Шкетана в Йошкар-Оле, столице Республики Марий Эл. Это, несомненно, заслуга Главы администрации Шоруньжинского поселения Ивана Михайловича Евсеева и трудолюбивого, гостеприимного народа самой Шоруньжи, близлежащих деревень, как: Шлани, Муканая, Ямбатора, Паймыра, Сап-Уньжи, Шурго.

В Петров день, 12-13 июля, ежегодно проводится молебен в роще за Шоруньжой. Сюда на праздники-фестивали съезжаются гости из Республик необъятной России и стран финно-угорского мира, даже из Японии, бывают туристы из Москвы и Петербурга.

Разве можно забыть мне, рождённой в Шлани, одной из деревень Шоруньжинского поселения, обширные поля со всходами, набирающей колосья рожью, с синеющим льном, ту тропинку в Шоруньжу от Шлани, по которой я, беспризорная шестилетняя девочка, вместе с двоюродным братом Шуматом шла в первый класс Шоруньжинской школы. Нет, никогда! Поэтому я 5 мая 2019 года ранним утром отправилась на новую встречу с дорогими земляками из Шлани, шоруньжинцами. Поехала по приглашению Главы Администрации Шоруньжинского поселения Ивана Михайловича Евсеева и телефонных звонков замечательной марийской поэтессы, директора «Старинной марийской усадьбы» Людмилы Аксубиной, её неутомимой труженицы, красавицы дочери Марины, её мужа Ивана, зятя — гармониста Алексея.

Раннее утро святой Пасхи. Я стою на остановке автобусов. И снова чуть моросит дождь, но очень тепло. Прибыла в Йошкар-Олу, в столицу Республики Марий Эл. Тут же автобус на Морки, куда добралась очень быстро. Снова напилась прохладной воды с

того же чистого, шумливого родника с очень вкусной водой. Я не стала ждать рейсового автобуса в Шоруньжу. Морки — знакомый мне районный центр, откуда в тридцати пяти километрах и Шоруньжа. Подошла к частнику-таксисту, который согласился отвезти меня до Шоруньжи, сказал:

— Шоруньжа у нас — знаменитость. Садитесь. Иностранных туристов частенько туда вожу. Однажды даже японцев вёз.

— Я не иностранка, — шутливо сказала я. — В Ваших Морках когда-то проучилась ровно год. Педучилище наше закрыли, и нас перевели в Йошкар-Олу.

Дорога ровная, асфальтированная. Тридцать пять километров за считанные минуты. Парень-водитель притормозил машину, только и сказал:

— Вот и Ваша деревня. Приехали. Здорово! Надо же! Впервые вижу такой весёлый праздник, чтобы прямо на улице народ веселился, — со мной поделился своим впечатлением водитель.

Прямо на улице нарядные, в старинных и современных марийских платьях и шобурах женщины и мужчины, пожилые и молодые, даже дети-подростки поют и танцуют, пляшут. Звучит современная марийская музыка, играют на баяне и гармони. На сцене, оборудованной на улице, выступают местные артисты. Среди гостей, шоруньжинцев с гордостью за свою деревню, своих земляков важно расхаживался Глава администрации Шоруньжинского поселения Иван Михайлович Евсеев. Это же ОН своим землякам организовал настоящий отдых — праздник. Он же, Иван Михайлович Евсеев, своим землякам-шоруньжинцам, жителям близ лежащих деревень: Шлани, Муканая, Паймыра, Шурго, Ямбатыра, Сапуньжи и Русской Гари — на родном марийском языке написал, подарил, посвятил замечательную книгу «Ужаран Унчо велне» («Расцвет Шоруньжи»). К моему большому удивлению, я обнаружила свои две фотографии с небольшой аннотацией.

Горят костры, жарятся шашлыки, на столах, вынесенных перед воротами домов, блины, ватрушки, пирожки, домашнее пиво, все чем друг друга потчуют, угощают шоруньжинцы. Настоящий праздник!

Я радовалась такому радушию хозяев, праздничному настроению моих земляков. Меня переодели в марийское платье, пригласили в клуб на встречу с любителями литературы для откровенного разговора с читателями. Книги разложила на столе — подходили молодые и пожилые, брали на память. И вдруг адресованный ко мне вопрос:

— Почему всё-таки Ваша фамилия Салах? Почему Вы не Николаева, не Арсланова?

— И мне интересно, почему Салах-то? — спросил очень симпатичный молодой человек, гость из Йошкар-Олы, позднее мне сообщили, что он и есть сотрудник радио. Гость из столицы Респуб-

лики Марий Эл взял в руки в охапку мои книги, которые остались на столе: «Братья», трилогию «Детдомовец», «В круговерти...», «Геша и Гоша», «По утренней росе». Я вышла к столу, ответила на вопросы, продолжила беседу с земляками:

— Арсланом звали моего папу, имя которого я с гордостью ношу вот уже несколько лет. Работая в школе учителем, своё отчество, знакомясь с ребятами-учениками, писала на доске, чтобы правильно произносили, не искажали имя для меня бесценного человека. Мой отец погиб на войне, чтобы мы с вами жили свободно, счастливо. Салах — так звали отца моего мужа — детдомовца Мергасима, с которым несколько лет прожили под одной крышей, питались в одной общей столовой, вместе воспитывались в одном детском доме в посёлке Вятском. Поженившись с Гасимом-Мергасимом, как память о его отце Салахе, воевавшем и тоже погибшем на войне, взяли общей фамилией имя его отца...

В заключение мы с Людмилой под аккомпанемент гармони Алексея, зятя Людмилы, запели песню:

«Как это все случилось? В какие вечера?

Три года ты мне снилась, а встретилаь вчера...»

Пел весь зал. А я добавила: — Эту всем известную, красивую песню тихими летними вечерами перед отбоем часто пели мои друзья-детдомовцы, наши мальчишки: Гасим Диастин, Мишка Лежнин, Толик Егошин, Лёшка Лежнин. Мы, девчонки, стояли на террасе, слушали пение, а иногда им вторили, подпевали. Гасим играл на гармошке...

Праздник в деревне Шорунджа продолжался до поздней ночи. Не прекращала звучать музыка, песни, продолжались танцы. На гармони играл зять Людмилы Аксюбиной Алексей, танцевали и пели марийские песни Марина и Иван, Анастасия, вторая дочь Людмилы, пели местные артисты. Нас Марина и хозяйки Шорунжинского Дома культуры пригласили в старинную марийскую усадьбу, в фойе Дома культуры, к общему праздничному столу, — к бялышу-палышу, — главному марийскому блюду. Угощал нас мой земляк из Шлани, танцор, певец Алексей. Праздник продолжался...

На улице Шорунджи светили электрические лампочки, на небе ненадолго загорелись яркие звёзды, на востоке заалел небосклон.

Счастья, здоровья, процветания, мира, благополучия Вам, мои дорогие земляки! С большой любовью и самыми добрыми пожеланиями к Вам Роза Салах.

Роза САРЬЯНОВА**Сорок лет вместе**

Стою около окошка, наблюдая за лётным полем. Друг за другом приземляются самолёты, по трапу спускаются люди, вереницей направляются в здание аэропорта, поёживаясь от непривычной утренней прохлады после южного теплого климата. Для прилетающих горожан начинается ещё один год в северном городе, с первым выпавшим снегом в середине сентября, трескучими морозами в долгие зимние месяцы. Коротким зимним световым днем, когда солнца не видно неделями, они будут вспоминать солнце, море, теплый песок, строить планы на очередной отпуск, мечтать о белых ночах лета. Каждые пятнадцать-двадцать минут улетают утренние рейсы в Москву, Краснодар, Сочи. Предвкушая новое, волнуяще неизведанное, радостно торопятся к самолету уезжающие пассажиры. Я тоже жду посадку на свой рейс, последний рейс из этого города, где прожила сорок лет. Здесь прошла моя молодость, пролетели зрелые годы, и наступила старость.

Ровно сорок лет назад в первых числах августа прилетели с мужем в этот незнакомый для нас город с ожиданием хорошего и со страхом в душе. Приживемся ли, примет ли нас этот суровый край? Какие люди тут живут? Как устроимся на работу? Где жить будем? Вопрос жилья для нас, молодоженов, отгулявших свадьбу всего две недели назад, был очень важен. Хотелось жить самостоятельно без опеки родителей. Согривала маленькая надежда, что в первое время было, где жить. Вот уже три года здесь живет старшая сестра с мужем нефтяником.

Прилетели в три часа ночи. Удивились, увидев впервые белые ночи. Пассажиры, получив багаж, разошлись, а нас никто не встречает. Значит, зять на вахте, а сестра дома с малолетним ребенком. Сорок лет назад такси в городе не было, никто не предлагал довезти. Автобус номер один, он же единственный, начинает курсировать в шесть утра. С чемоданом в одной руке, с сеткой-авоськой в другой направились в низенькое здание зала ожидания. Устали в пути, летели с двумя пересадками семь с половиной часов на ТУ-24. Это сейчас между двумя городами, родным, где прошло детство, и между Нижневартовском, ставшим родным, где прошла вся взрослая жизнь, ТУ-154 летит за два с половиной часа.

— Зачем только купили эти бутылки, подумают, что алкоголики едут? — вполголоса говорит муж, а в авоське позвякивают четыре бутылки пива. Это я уговорила его в последнюю минуту в аэропорту купить пиво, вспомнив, как сестра, уезжая после очередной сессии в институте, хотя бы несколько бутылок везла мужу. Как не странно, на нас обратили внимание водители автобусов, которые ожидали прилета рабочих очередной вахтовой бригады.

— Куда, ребята, едете, куда вас подвезти? — спросил бородатый водитель. Посмотрев адрес, предложил:

— А, это балки на СУ-14, могу подвезти.

— Сколько мы будем должны, наверное, это дорого? — спросила с сомнением.

— Я вижу, пиво везете, за бутылку и отвезу, — предложил водитель.

Мы переглянулись удивленно. Действительно, пиво как абонемент за проезд! Обрадовавшись, согласились, и через полчаса уже рассказывали смешную историю сестре.

Теперь в нашем городе кафе, рестораны, кинотеатры на каждом шагу. Молодежи не понять суровую романтику нашей молодости. А сорок лет назад Нижневартовск, только-только получивший статус города, состоял из двухэтажных деревянных домов, недостроенных двух микрорайонов и огромного количества временных строений — балков, облепивших город со всех сторон. Город строился на болоте, насыпанном намытым песком. Не было ни тротуаров, ни асфальтированных дорог: улицы вымощены плитами, кое-где проложены деревянные тротуары. Зелени нет никакой, чахлые деревья, оставленные посреди микрорайона на островках болота, не придавали красоты. И везде песок: в домах, в зубах, в волосах, на одежде. Как живут люди в таких условиях? Люди: молодые нефтяники, строители, водители — как ни в чём не бывало, смахивали песчаную пыль с лица, добродушно улыбались и продолжали дальше работать. Песчаное лето менялось суровой зимой с морозами, коротким световым днём. Осени не было или, наоборот, лето больше напоминает осень.

Особенно суровым выдалась зима 1976-1977 года. Более трёх месяцев стояли морозы ниже сорока градусов. Остановилась единственная котельная, в первом и втором микрорайоне в домах промёрзли батареи, женщин с грудными детьми эвакуировали самолётом на «Большую Землю», обратным рейсом привозили батареи. Выстоял город: не жалея времени, не считаясь ни сном, ни отдыхом жители ликвидировали аварию. Муж тоже возвращался под утро, усталый, голодный, отдохнув несколько часов, заново уходил на работу. Как будто суровый город испытывал и их с мужем на прочность. Выдержали мы, молодожёны, вместе с другими жителями, с честью прошли испытание холодом, неустроенностью. Подружились с соседями, такими же молодыми парами, и дружба эта продолжалась надолго. Людей разных национальностей, разных религий, с разных республик Советского Союза сибирская земля скрепила дружбой навечно и в горе, и счастье, и в радости.

Каждое лето, уезжая в отпуск, как дети, радовались буйной зелени, красоте цветов, восхищались диковинными растениями. А к концу отпуска так скучали по суровой красоте родного Нижневартовска, что часто на глазах наворачивались слёзы.

Сколько было радости, когда встречали на «Большой Земле» кого-нибудь из Нижневартовска. Муж узнавал своих моментально по номерам машин. Водители, проезжая сигналили друг другу, останавливались, оказывали помощь. Увидев на трассе Тобольск-Сургут на обочине машину, муж останавливался, помогал ремонтировать, даже отдал своё запасное колесо. Каждый знал, случится с кем беда, остановятся, помогут. «Земляк» благодарен, обещает вернуть колесо по приезде, и не было случая, чтобы кто-то жульничал, обманывал. Бывало, и деньги занимали под честное слово. Если в аэропорту во время регистрации у кого-то не хватало денег оплатить перевес багажа, обязательно несколько человек доставали из кошелка недостающую сумму, чтобы выручить бедолагу. «Верну, земляк, только адрес скажи!» Не ждали ни благодарностей, ни даже возврата денег — подумаешь, копейки! Но в Нижневартовске бедолага находил земляка, и после завязывалась дружба.

И такси не было тогда, но никто не оставался ночью в аэропорту. Каждый прилетающий самолёт встречал вахтовый автобус, развозил всех пассажиров по адресам, не требуя никакой оплаты. Разве могли проехать мимо молодой мамы с ребёнком в руках, стоявшей на обочине дороги в трескучие морозы или под осенней изморосью!? Вот это желание помочь, чувство дружбы и землячества выгодно отличает жителей Нижневартовска от людей в других регионах.

Воспоминания о прощальном вечере так живо стоят перед глазами, что слёзы так и капают с глаз. Я держу в руке огромный букет цветов, подаренных на прощание коллегами. Кажется, мелочь, подумаешь букет роз! Но для Нижневартовска сорок лет назад цветы не казались мелочью. Смешно вспоминать, что муж, встречая меня в начале весны из роддома с первенцем, подарил, как и все остальные счастливые отцы, букет искусственных цветов. Живые цветы стали привозить в город позднее, а выращивать в последние двадцать лет. Там, где раньше хозяйничали барханы песка, теперь разбиты газоны с тюльпанами, петуньей, бархатцами. Прогуливаясь по улице Ленина, невозможно оторвать глаз от прекрасных композиций, от буйства и обилия разноцветных сортов цветов.

Люблю гулять по улице Ленина, на каждом шагу отвечая на приветствие встречных жителей: выпускников школ, учеников и их родителей. За сорок лет работы учителем в школе, преподавателем в вузе столько учеников и студентов обучала, тысячами исчисляются! Первым моим выпускникам уже по пятьдесят лет, сами давно бабушками и дедушками стали. Я помню своих учеников, рада, что благодарные учащиеся не забывают и своего педагога.

И всё здесь, в Нижневартовске, ставшем за сорок лет родным, лучше, краше. Шагаешь в трескучий мороз по улицам родного города, — нет его красивее! Нет, это не Москва с затейливой архитек-

турой, с вечно спешащими людьми. Это родной Нижневартовск! Каждый год, побывав в Москве в знаменитых театрах, я смотрю спектакль в городском театре. Играют не именитые актеры, а мне кажется, что лучше играют, проникновенней. Куплю билет на спектакль местного драматического театра и пойдем с подружкой наслаждаться игрой местных актеров. Но всему своё время: я переезжаю к дочери, уезжаю на постоянное местожительство в Москву, а здесь оставляю половину сердца: сына, невестку, внучку.

К сожалению, без меня продолжится жизнь в городе, пройдет удивительный праздник «Белые ночи», самый любимый праздник нижевартовцев. Каждый год я с нетерпением жду праздник «Дружбы народов», люблю прогуливаться по улице с таким же названием, узнавая знакомые лица сверстников, с кем познакомилась сорок лет назад. Улица импровизирована под национальные уголки жителей разных национальностей: стоят узбекские, казахские тирмы, татарские, башкирские юрты, русские деревянные избы, украинские, белорусские мазаные хаты, чумы ханты и манси. Каждое общество выставляет столы, расставленные национальными угощениями. Приветливо улыбаясь, предлагают попробовать яства. У татар пробую чак-чак и кыстыбый, у башкир — баурсак, у дагестанцев — пахлаву, у узбеков, казахов, киргизов — плов, у ханты — уху из стерляди, всего не перепробовать, попробую на следующий год! Танцую под национальную музыку с друзьями разных национальностей. Любуюсь национальными одеждами участников фестиваля, приветствуя на их родном языке: «Здравствуйте» — на русском, «Добры дзень» — по-белорусски, «Саламалейкум» — по-азербайджански, «Исенмэхэз» — по-башкирски, «Шолом» — по-еврейски, «Селеметсез бе» — по-казахски, «Исэнмесез» — по-татарски, Салом! — по-узбекски, «Ыра кун пултар» — по-чувашски. Улышав моё приветствие, приветливо машут рукой земляки.

Неужели не увижу больше своих друзей, не услышу их голоса! Ещё не уехала, а уже скучаю по родному городу! Никогда не забуду самые счастливые годы, проведённые в Нижневартовске. Я обязательно приеду к тебе, город моей молодости!

Сергей ТРОХИМЕНКО

Жизнь как сказка

Цветущей весной, из юности бурной,
Мы ринулись в жизнь на лихих скакунах.
Весь путь наш казался идеей безумной,
Увиденной где-то в заоблачных снах.
Мы мчались как в сказке, в таёжные дали,
Сквозь годы, невзгоды и топот копыт.
Не падали духом и не унывали,
Когда превращалась романтика в быт.
Любовь и веселье, шампанского брызги,
Всё было недавно, как будто вчера.
Вдруг выросли дети — "цветы нашей жизни"
И солнечный луч ускользнул со двора.
Но главное счастье, что не было фальши.
Мечты разбивались о скалы преград,
А кони шальные несли нас всё дальше, —
Туда, где искрится багряный закат.
Дорога скрывалась в заснеженной дымке,
Прониклись тоской силуэты берёз.
И ласково, словно играя на скрипке,
Покусывал щёки беззубый мороз.

Кокетка осень

Кокетка осень, словно пава
Блестит в платьях золотых.
Шагает гордо, величаво,
В палитре красок расписных.

А листья кружатся задорно,
На удивление зевак,
И зритель в радуге бездонной,
Непринуждённый ценит шаг.

Ликует солнышко, смеётся,
Играет струнами лучей.
Поющий ветер змейкой вьётся,
Среди деревьев-скрипачей.

Надеяться, верить

Кто-то любит звёздное небо,
Мне милее — солнца восход.
Кто-то едет туда, где не был,
А меня — отчий дом зовёт.

Сердце колет, я громогласно
Заявляю во весь опор, —
Я такой как и вы, напрасно
Разделять и строить забор...

Я бы отдал все капиталы,
Что-бы в детство нырнуть опять.
Только мелочным зубоскалам,
Не под силу меня понять.

Я встречаю день новый с верой,
Что всё так-же солнце взойдёт,
А душа, — лебедушкой белой,
Серенаду любви споёт.

Татьяна ТРУШИК

Пробуждение

Постучался рассвет к нам, чуть слышно:
"Просыпайся, засоня, скорей,
Небосклон уже зорями дышит,
Поднимайся, я жду у дверей".

На свидание выйду я к Солнцу,
Ранним утром напьюсь сполна.
И лучи заиграют в оконце,
Днём грядущим, встречая меня.

Я, ногами босыми по травам,
Пробегусь, пробуждаясь с утра.
Поклонюсь и Земле, и дубравам,
Чтобы Матушка силы дала.

Распахну свои руки и сердце,
В бесконечной Любви — растворюсь.
Наслаждаясь песней Вселенной,
Я в гармонии с Миром — сольюсь!

Май в Сибири

Люблю я это время года...
Всё ласковей становится погода.

Прошёл недавно ледоход.
Плывёт, качаясь, теплоход.

Напьюсь я свежести сполна
Весна идёт в Сибирь! Весна!

Окутаны деревья дымкой —
Природы чудною картинкой.

Стволы нагие ждут нарядов,
И травка зеленеет рядом.

Жизнь наполняется теплом,
Всех греет солнышко лучом.

Травинку каждую и лес
И нас с тобой живущих здесь...

Земля Югры

Простор земли без края, ширь, глубина Оби.
Сравнения не знает, природа у Югры.
Суровой красотой раскинулась тайга.
И светят синевою гладь рек, озёр — всегда.

Покрыты мхом пушистым болота вокруг тайги.
И всё живёт и дышит от щедрости земли.
Мороз зимы холодной закалку нам даёт,
А оттепель весной в дорогу нас зовёт.

И лето солнцем ярким порадует нас пусть.
А осень щедрым даром развеет нашу грусть.
Наш край своё богатство сполна нам отдаёт...
А что ответить можно тому, кто здесь живёт?

"Для внуков дар природы, Отец, нам сохрани.
Не разрушай, мы просим, ты, этой красоты.
Потомков благодарность заслужишь на века.
За то, что чистотою наполнится Земля!"

В ЛИТЕРАТУРНОЙ ГОСТИНОЙ

Евдокия МАКСИМОВА
Нижневартовск

Почетный гражданин города Нижневартовска. «Отличник народного просвещения», «Заслуженный учитель школы Российской Федерации». Награждена медалями: «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири», «За заслуги перед Отечеством II степени», «Ветеран труда Ханты-Мансийского автономного округа». В настоящее время возглавляет профсоюзную организацию ветеранов педагогического труда города.

К большой радости своей я получила в подарок литературно-художественный альманах «Зори Самотлора». Обратила особое внимание, что главное место в нём отводится жизни нашего города, его жителям, родной природе. Альманах является доказательством того, что здесь живёт немало талантливых поэтов и прозаиков, прославляющих героический труд доблестных тружеников Югорской земли, природу и богатства сибирских недр.

Искренне поздравляю Литературное объединение «Замысел» с 25-летием! Желаю дальнейших творческих успехов. Как здорово, что замысловцы заботятся о духовном развитии нашего общества. Этот прекрасный творческий коллектив обладает высоким потенциалом, который стремится к вершинам литературного творчества! В стихах и прозе писатели и поэты описывают невероятные картины удивительных чудес, находя их в обыденной жизни, и согревают яркими строчками своих произведений наши сердца и души. Думаю, что каждый, кто познакомится с идеями нижевартовских литераторов, вложенными в их произведения, поймёт, как велика роль писателей в преобразовании культурной жизни горожан. Это они, наши замысловцы на протяжении четверти века помогают нам увидеть всю прелесть сурового северного края, воспевая и гордясь великой землёй Югры.

Дорогие писатели и поэты города, будьте вдохновенны и счастливы, пишите и радуйте нас новыми яркими и удивительными произведениями!

Приезжайте к родителям в гости...

Приезжайте к родителям в гости,
Когда души их не на погосте...
Не везите ни денег, ни славы,
Будьте ласковы с ними всегда вы.

Мать, отец — их предел недалече,
Завтра может не быть уже встречи,
Чтобы совесть не мучила после,
Приезжайте к родителям в гости...

Брошенная деревня

Годы быстро пролетают,
Не воротятся назад.
В памяти не увядает
Мой черёмуховый сад.

Снится шёпот, нить беседы
Здесь, у новеньких ворот,
Где девчонки-непоседы
Веселились без забот.

Хмелем обвиты заборы,
Сеть тропинок на юру,
Мама с папой шли там споро
По утрам встречать зарю.

А теперь в селе тоскливо,
Смолкли песни, замер смех,
Заросли дворы крапивой,
Сбились птицы у застрех...

В зарослях черёмух летом
Не играет детвора,
В память льётся белым цветом
Деревенская пора...

Валентин КИРЕЕВ

Новомосковск

Член Союза писателей России. Член Бюро Тульского отделения Союза писателей РФ. Руководитель Новомосковского и Богородицкого литературных объединений, Новомосковской городской Школы молодого поэта. Издатель ежегодных альманахов "БЛОК" и "НЛО", и др. Главный редактор тульской типографии «Папирус». Автор многих книг. Почётный гражданин города Богородицка

Давняя многолетняя творческая дружба связывает Новомосковское литературное объединение "НЛО" и Литературное объединение "Замысел" г. Нижневартовска, которому в этом году — 25 лет.

Мы от души поздравляем с достойным юбилеем замысловцев и желаем дальнейшего творческого роста, неиссякаемого вдохновения, новых альманахов и личных сборников. Уверен, что взаимное творческое обогащение послужит стимулом для развития нашей дружбы, взаимопомощи и взаимопонимания в деле служения русской литературе, русской словесности, многонациональной культуре нашей великой родины РОССИИ!

Моя мечта

Над родником о чём-то шепчут клёны,
Торопятся куда-то облака,
А я всё строю замки из песка,
В твои просторы, Родина, влюблённый.

В мечте моей — берёзы у плетня,
И выгон за околицей деревни,
На тополях галдящие грачевни,
И лай собак, и ржание коня.

Звонящий всхлип наточенной косы,
Гул оводов, и плотный запах стада,
И утренняя свежесть и отрада —
Алмазный блеск и холодок росы.

В подойник звонко бьющая струя,
И стрекоза над камышами пруда,
А по ночам свершившееся чудо —
Восторженная песня соловья!

Встречая зарю

Когда нам над речкой в беседах ночных,
Мечталось всерьёз о высоком,
Впервые я с губ непокорных твоих
Сорвал поцелуй ненароком...

Блеснула, сгорев на излёте, звезда,
С шипеньем уткнулась в осоку,
На заводи сонной бесшумной пруда
Заря отразилась с востока.

Пробился от самого края Земли
Встающего солнышка лучик...
А мы-то с тобой распознать не смогли
Судьбою ниспосланный случай...

Сергей СМЕТАНИН

Санкт-Петербург

Член Союза писателей России. Лауреат Международного конкурса детской и юношеской художественной и научно-популярной литературы им. А.Н. Толстого (2006), Международного конкурса «Золотое перо Руси 2007», один из победителей VI Московского Международного конкурса поэзии «Золотое перо 2009». Награжден памятной медалью ЦК КПРФ «100 лет со дня рождения М.А. Шолохова.

Привет с берегов Невы

*Я забыть до гроба не смогу
Золотой багульник Когалыма,
Меггиона гордую тайгу.
Шум автомобильного Сургута,
Новый нижневартовский вокзал,
То, о чём доселе почему-то
Всей земной любви не рассказал...*

Любовь к Югре. Сергей Сметанин

Прошу принять мои поздравления с 25-летним юбилеем и самые лучшие пожелания — моим коллегам, вольным и невольным единомышленникам, братьям и сёстрам по перу, творцам и сотворцам по духу.

Четверть века назад в Нижневартовске при городской библиотеке было создано литературное объединение «Замысел». Двадцать пять лет — срок совсем небольшой даже по меркам человеческого возраста. Но культура северного города, знаменитого на весь мир благодаря Самотлорскому нефтяному месторождению, немыслима сегодня без писательства, как особого экстракта духовной жизни.

Работа над художественным словом «не терпит суеты». Этот вид деятельности требует знаний поэтики, свободного времени и вдохновения, о сущности которого многие имеют отдалённое представление, просто считая, что оно у них есть. Отсюда неизбежная проблема выбора, метания, поиск если не кумиров, то предпочтений. Нижневартовским начинающим литераторам повезло в том, что их наставником и ангелом-хранителем была Маргарита Кузьминична Анисимкова — замечательный прозаик, известный не только в Югре. Она была членом Союза писателей СССР, заслуженным работником культуры Российской Федерации.

С 1996 года литобъединением руководит Альбина Семёновна Кузьмина, член Союза писателей России, член Союза журналистов России. Её стараниями литературный процесс в Нижневартовске обретает значимые очертания. О деятельности «Замысла» осведомлены не только сургутяне, и ханты-мансийцы, но и тюменцы, екатеринбуржцы, челябинцы, москвичи... «Замысловцы» — это представители писательского союза, плодотворно работающие на благо югорского края.

Много лет выходит Альманах «Зори Самотлора» — орган литературного объединения «Замысел». Он посвящает страницы произведениям многих известных писателей Югры. Это Игорь Кириллов, Павел Плюхин, Богдан Ткачёв, Валерий Михайловский, Валерий Акимов и другие. Екатерина Володина, Светлана Лихая, Лидия Журавлёва, Сергей Трохименко именно здесь впервые проявили себя как нижневартовские литераторы. Разнообразие тематики, лирический настрой стихотворений и коротких рассказов, накал публицистических откликов на жизнь города и страны вызывают уважение и восхищение!

*Я возвратился в эту осень
В янтарь и золото берез...*

Эта осень, как взрыв, как пожар,
По широкой тайге разбегается.
Расшумелся предзимний базар —
Не купить ли кто Север пытается?

Все березки — в янтарном до пят.
Все осинки — в червонном до пояса.
Об одном лишь они говорят,
И другим не дают успокоиться.

Бирюзовая тянется нить —
Это небо на части расколото.
Нет, мой край не купить, не купить —
Мало в мире пресветлого золота.

Серебра столько вряд ли собрать,
Белой платины зимнего инея!
Но за песню легко можно взять,
За глаза лучезарные, синие.

Облака Севера

За облачной грядой идет еще гряда.
За дальнею грядой — далёкая, другая...
Ты в небо погляди, мечтою воздвигая
Из белоснежной тьмы дома и города.

Без счета, без числа толпится череда
Высоких, кучевых, крутых, многоэтажных...
Они сотворены для сильных и отважных,
Для тех, кто смотрит ввысь... хотя бы иногда.

* * *

От Сургута к Нижневартовску
Поезд катится легко.
От Сургута к Нижневартовску
В окна видно далеко.

Предо мною расстилается
Край немереных болот.
Сердце кровью обливается:
Сколько дерева гниет!

Сколько видится единственных!
Сколько павших в полный рост
С корнем вывернутых лиственниц,
Кедров, сосен и берёз!

Всё пространство грозно светится
Всё похоже на погост.
И так редко-редко встретится
Крестик сосенки — подрост.

И горюем бесполезно мы
В романтической глуби
По всему пути железному
Вдоль красавицы Оби.

Леонид ИВАНОВ**Тюмень**

Лауреат Международных и Всероссийских литературных премий, в том числе — премии «Югра» за книгу «Будем жить!», посвящённую оптимизму раковых больных. Эта книга переиздавалась несколько раз и всё равно очень востребована, остаётся библиографической редкостью.

Последний хранитель из Перекатной*Глава из новой повести «Резервация»*

Ох, не к добру эти ушлые мужички тут в последнее время крутились! Не к добру! Летось на разных больших машинах заруливали, ходили по берегу, присматривались. Тогда ещё Степанида тут жила, на все каникулы внуки-двойняшки приезжали, те гомонились без устатку, на рыбалку с ним ходили, на свежем воздухе, на парниковых огурцах да нехитрых овощах с огорода окрепли, заметно вытянулись, щёки румянцем заалели. А перед 1 сентября сын из города за пятьсот километров примчался, даже ночевать не остался, на скору руку скидал в багажник банки с соленьями-вареньями да и увёз ребятишек вместе с бабкой. Молодая жена, вишь ты, бизнесом занялась, недосуг с сыновьями нянчиться, в школу утром отводить, потом в какую-то престижную секцию, где спортом занимаются. Этим, по какому у президента-то нашего чёрный пояс имеется.

Народ теперь хуже мартышек стал. Пока прежний в теннис играл, даже в соседнем посёлке площадку сделали. Какие-то большие деньги вбухали, месяца два леспромхозовские начальники поиграли, ракетками по мячу по вечерам поколотили, надоело, детишек пытались приучить, да что-то не глянулась тем игра, так рукой и махнули. Стоит теперь то спортивное сооружение, высокой сеткой огороженное, никому не нужное.

Потом, в сплетнике писали, в районе спортивную школу открыли, в которой восточным единоборствам учить начали. Откуда-то тренеров заманили, да те быстро обратно в город уехали. Школьный физрук стал с пацанами заниматься, а сам в этом деле — ни в ухо, ни в рыло. Одному челюсть на тренировке вывернули, другому руку сломали, третьему зубы выбили, ну, родители теперь ушлые пошли, в суд подали, захотели материальный и моральный ущерб взыскать со школы. Прокурорскому сынку за сломанную челюсть такую сумму со школы выкатили, что молодая директриса в бега подалась.

Только президент ещё и на горных лыжах катается. И опять мартышки из местной верхушки подражать надумали. Да вот беда: во всём районе одна горка и нашлась, в его Перекатной. Берег тут больно крутой. Выйдешь на него, на десяток километров с левой стороны вид открывается, потому что угор этот много выше леса, что на другом берегу растёт. И как раз супротив деревни перекат образовался, будто создатель, когда мимо проходил, из прохудившегося кармана камушки нечаянно высыпал. Так эти валуны тут навсегда остались и реку перегородили. Красиво так течение меж огромных камней переливается бойкими водопадами. Потому предки это место и выбрали для жительства и назвали свою деревню Перекатной. И ведь удивительное дело, хоть река далеко внизу, а вода в колодцах на третьем метре начинается, так что и глубоко копать не понабилось.

Так вот, поехали тогда из района чиновники, всё обмерили, обсчитали, высоту берега, угол наклона и другое что-то, но, видать, денег им на горнолыжный центр сверху не дали, а своих где взять? Да и кто за полсотни вёрст из района сюда кататься станет ездить? Не велика охота. К тому же, как говорили те, которые всё мерить приезжали, дорогое это удовольствие: там лыжи да ботинки с костюмом на сотню тысяч потянут. А у кого в районе такие деньги есть? Отказались от затеи. Но кому-то место больно глянулось, и нет-нет да стали наведываться смотрители.

Школу в Перекатной закрыли, ещё когда укрупнение затеяли да деревни неперспективными обозвали. Тогда те, кто помоложе, дома свои в центральную усадьбу перевезли, а с перестройкой ферму закрыли, трактора кому-то продали, сено косить не для кого, поля засеять перестали, потому что при здешней урожайности да грабительским ценам перекупщиков зерно выращивать стало себе дороже. И потянулись из деревни остальные.

Дома покрепче за бесценок продали в посёлок, где работа была, и люди строились, и осталось в деревне всего несколько пенсионеров. Со временем немощных стариков к себе дети забрали, а дом без хозяина, известное дело, сирота. Как-то в одночасье сдалась Перекатная, крытые дранкой крыши от снега просели, провалились, и за два-три года сгнили ещё дедами ставленные срубы.

Евсею хоть и на восьмой десяток перевалило, крепкий был старик. Сын денег подкинул, крышу железом покрыли, остальное сам в порядке поддерживал. Пятистенок стоял на косогоре лицом на восток, радостно встречая рассветы всеми своими четырьмя окнами, и будто дворовая собака, лениво подставляя посеревшие от времени да дождей брёвна под ласковые солнечные лучи. А они лезли в комнаты через любовно украшенные резными наличниками окна и до самого вечера ползали по ярким домотканым дорожкам.

Чуть поодаль было ещё два дома старинной постройки. Но хозяева их переселились на погост, а дети даже не наведывались. Палисадники заросли репейниками да невесть откуда взявшейся крапивой, старые берёзы будто от тоски совсем засохли, какое-то время шурились избы на далёкий лес через щели заколоченных окон, а потом ослепли, будто бельмом затянутые осевшим на стёклах слоем пыли.

По первому снегу наведались ушлые мужики снова. Зашли в дом к Евсею. Без приглашения прошли в передний угол, похозяйски расселись.

— Дом у тебя купить хотим, — сказал один с глубоким шрамом на щеке и недобрым взглядом из-под бровей, достал из кармана сигареты.

— У нас не курят, — предупредил Евсей.

— Старовер что ли?

— Старовер не старовер, а сроду в этом доме табаком не пахло.

— Ну, не пахло, так не пахло. Сколько ты за свою хибару хочешь?

— Мужики, а зачем мне деньги?

— Так что ли отдашь? — хмыкнул второй.

— И так не отдам, самому жить негде.

— А старуха твоя где?

— В городе с внуками нянчится.

— Вот и поезжай к ней, чего тебе тут одному маяться? Вон зима скоро, морозы начнутся.

— А у меня дров не на один год припасено, меня морозами не напугаешь, — отозвался Евсей.

— А если спину пересечёт, сердце прихватит? Сюда к тебе по снегу никакая скорая не доберётся.

— Лес вон в ста метрах, вдруг волки нагрянут, — опять встрял второй.

— Людей, а не волков надо бояться, ведь чему бывать, того не миновать, — смиренно ответил Евсей.

— Про людей ты правильно, — подтвердил тот, который со шрамом, расстегнул куртку и сел так, чтобы была видна рукоятка торчащего из кобуры пистолета. — Сам знаешь, какие теперь времена. Не ровён час, облюбует соседний дом какой уркаган, не проживёте... А с него какой спрос?

— Вот что мужики, я давно пуганный. А ежели что со мной случится, сын в Генеральной прокуратуре служит, из-под земли того уркагана достанет и нос до пупа натянет, — соврал Евсей для острастки.

— Да мы не на испуг берём, просто мало ли... Несчастный случай какой или короткое замыкание... Ты подумай о цене, сговоримся.

— А тут и думать нечего. Я в этом доме родился, тут и помирать буду. Вон и к сыну ехать отказался, хоть тот чуть не силком в машину запихивал.

— Не, ты всё же подумай. Можно не деньгами, квартиру тебе в посёлке купим. Не хочешь в посёлке, можно в районе. Больница рядом, клуб, библиотека опять же, — захохотал второй, которого Евсей мысленно окрестил белобрысым.

— Думай, старик, думай, — строго сказал шрамом меченый и поднялся. — Пошли мы.

— Да на что вам дом-то мой сдался? — поинтересовался Евсей.

— Дом нам твой ни к чему. Мой шеф тут себе дачу надумал строить. Место красивое, лес рядом, река опять же. А простор какой из окна! Подумай. Может даже сторожем к себе взять, комнату выделить.

— Да от кого тут сторожить-то? Тут воровать некому да и нечего.

— Это у тебя, старик, воровать нечего. Ты подумай, — повторил он ещё раз уже от порога и вышел.

Через два дня после того разговора ночью запылали оба нежилых дома. Евсей стоял у калитки, смотрел на пожар, не в силах что-либо сделать и плакал. Плакал второй раз в жизни. Первый раз — в молодости, когда узнал о смерти своей молодой жены Славины, и вот теперь — уже в глубокой старости. И оба раза от бессилия что-то изменить.

Тогда вместе со смертью жены, у которой оказался врождённый порок сердца, оборвалась и его жизнь, теперь этот пожар двух давно оставленных хозяевами домов тоже не предвещал ему ничего хорошего. Он прекрасно понимал, что это акт устрашения, намёк на необходимость договариваться на условиях, выдвинутых ему служками какого-то богача, противостоять которому он будет не в силах: слишком уж не равны эти силы — отживший своё старик и влиятельный богач, облюбовавший для своей дачи обжитый несколькими поколениями предков Евсея косогор на красивом берегу реки.

Ещё через неделю пропало электричество. Евсей собрался и пошёл в посёлок. Там просто объяснили, что в рамках оптимизации расходов содержать электрическую линию для одного человека слишком накладно. Он за свет полторы сотни рублей платит, а содержание линии обходится в тысячи. И жаловаться не посоветовали, потому что письмо хоть президенту страны всё равно на рассмотрение вернётся обратно.

Керосина в магазине не было, выпросил у мужиков с трелёвочника полведра солярки для лампы, плеснули туда же бензина, чтобы горело лучше. Дома достал из кладовки лампу, заправил, почистил фитиль, которого должно было хватить надолго, помыл за-

пылившееся стекло, проверил. Приправленная бензином солярка горела хорошо.

Сел в самодельное кресло, по привычке нажал кнопку пульта телевизора, вспомнил про обрезанные оптимизацией провода, вслух выругался. Походил по двору, поискал какую-нибудь работу, но быстро наступившие сумерки откладывали все дела на завтра.

Переступив порог, привычно щёлкнул выключателем, снова выругался, подошёл к бесполезному теперь электрическому чайнику, постоял возле стола, вернулся в любимое кресло.

Дорога в посёлок и обратно в десять километров в оба конца утомила, и хотя лечь спать ещё было неурочно, Евсей укатился в постель и тут же заснул.

Он редко помнил свои сны, лишь иногда всплывали в памяти какие-то обрывки, а тут будто смотрел в телевизоре кино про себя самого. Был он молодой, незаметно для других, за несколько дней до свадьбы ушли из клуба со Славиной, сели на толстое бревно у овина, сохранившегося ещё с дореволюционной поры и давно облюбованное деревенской молодёжью для свиданий, и стали целоваться. Только почему-то во сне целовались они не так, как в годы его молодости врасос, а будто в современном кино, осторожно касаясь губами друг друга. Целовались долго-долго, так, что даже проснувшись утром, Евсей будто ощущал на губах прикосновение губ своей невесты, вдруг вырвавшейся из его объятий и быстро исчезнувшей в темноте августовской ночи. И откуда-то из-за угла овина доносился её весёлый смех и призывный голос: «Ну, попробуй догони, догони, догони...»

Утром, вспоминая этот сон эпизод за эпизодом, думал: «К чему бы это Славина звала? Верно от того, что давно на могилке не был, вот и манила». Даже не затапливая печку, взял топор, лопату и отправился на погост. Родители Славины, потеряв единственную дочь, начали болеть, быстро угасли и один за другим отправились в мир иной. Их могилки были рядом, и Евсей всю жизнь ухаживал за ними, отдавая дань своей первой любви.

Он долго не мог оправиться от потери, и женился только на четвёртом десятке, когда родители уже совсем отчаялись увидеть наследников. Он у них тоже вырос единственным, хотя в каждой семье в Перекатной росло по пять и более ребятишек.

Могилки были в порядке. Евсей в последние годы навещал сюда не часто, но перед каждым церковным праздником вместе со Степанидой наводил порядок, красил когда-то собственноручно кованную оградку и кресты, сажал цветы. Теперь, накануне покровы, хотя первый снег уже выпадал, вырвал почерневшие прихваченные морозцем стебли цветов, тукнул топором по нагло лезущим порослям раскинувшегося неподалёку тополя, погладил крест, посмотрел на давно выцветшую фотографию красивой девушки, подумал, что табличку надо было давно заменить, но другого

снимка не было, потому что в те годы фотограф в их деревне появлялся не часто.

Несколько раз глубоко вздохнув, пошёл домой. Он сам и его дом были последним, что сохраняло жизнь некогда большой и дружной деревни. Евсей понимал, что не будет его, не будет и дома, а не будет последнего дома, исчезнет и сама деревня с её красивым названием Перекатная. Так же, как если не будет дома, не жить и ему — слишком тесно они срослись за эти семьдесят с лишним лет: старый, дедом построенный дом и состарившийся в нём Евсей.

Едва вышел из зарослей сирени и раскидистых тополей старого погоста на его окраину, где стали хоронить в последние годы стариков, родившихся в Перекатной и соседних деревнях, но переехавших к детям в посёлок и в район, увидел дым. Горел его дом. Евсей будто обезножел. Не в силах стоять, опустился на лавочку возле чьей-то могилы и часто-часто мигая смотрел на разгорающийся пожар.

На глазах умирала его родная Перекатная. И Евсей почувствовал, как медленно начинает уходить из него жизнь. Он обессиленно откинулся спиной на соседнюю оградку и сквозь застилающие глаза слёзы с тоской смотрел на свой полыхающий дом с красивой, покрытой красным железом крышей.

Олег ЯНЕНАГОРСКИЙ*Ханты-Мансийск***Никто не узнает...**

Спать, спать, спать... Как хочется спать... Проклятый телефон звонит, звонит и звонит, разрывая тишину кабинета. Одуревший от недосыпа и голодной усталости, майор снял трубку и долго слушал, пытаясь понять, о чём говорил звонивший. Закончив разговор, он ещё посидел несколько мгновений, а затем вышел в дежурную часть.

— Иваньков, Петров! На 10-м пикете обнаружен труп. Проверить и доложить!

— Есть! Проверить и доложить, товарищ майор!

Когда-то зычный голос крепкого и бравого начальника отдела железнодорожной милиции теперь был сиплым и потухшим, а сам он выглядел измождённым. Четвёртый месяц блокады Ленинграда, голод и усталость подкосили его, хотя пайки сотрудникам милиции выдавались регулярно. И его подчинённые тоже голодали, делясь продуктами со своими семьями. Их голоса тоже выдавали слабость и усталость. Ни Иванькову, ни Петрову не хотелось идти по лютому холоду на 10-й пикет. Холод и промозглый, сырой ветер с Финского залива... Ну обнаружен труп, да и чёрт с ним...

Однако привычка к воинской дисциплине и выполнению приказов брала своё и, затянув ремни портупеи, милиционеры отправились выполнять приказ...

Труп старого измождённого мужчины лежал в канаве, чуть запорошённый снегом, и никаких следов вокруг не было. Да и какие тут могут быть следы, если всё живое, что не успело убежать и улететь, давно было поймано и съедено... Рабочим выдают хлеба по 250 грамм, служащим и членам их семей — по 125... Каждый день умирали тысячи... десятки тысяч ленинградцев...

— От голода он помер... или от холода, — пробурчал Петров, — зря шли, нету тут преступления...

Иваньков и сам видел, что никаких признаков насильственной смерти нет, и что скорей всего старик замёрз, ослабев от недоедания. Но осмотр всё же надо было провести, служба она и есть служба... Паспорт, 500 рублей и продовольственная карточка на декабрь, обнаруженная при осмотре трупа, — притягивали взгляды милиционеров, хотя каждый старался не смотреть на кусок газеты, расстеленный на снегу.

...Карточка на декабрь... А месяц только начался... Карточка на декабрь... Мать у Петрова не вставала с кровати уже несколько дней... Вот-вот умрёт... Знал это Петров, знал... Отоварить карточку и никто не узнает... а мать может ещё немного поживёт... Вспомни-

лось как в голодные послереволюционные годы мать кормила его размоченными сухарями... А что можно купить из еды на 500 рублей?... Никто не узнает...

...Карточка на декабрь... Доченьку бы чуть подкормить... Доходит ведь совсем... Не успела семья эвакуироваться... Сначала все ждали, что отбросит Красная Армия вероломного врага и начнёт его бить на чужой территории... Жена не хотела эвакуироваться... А потом немцы сомкнули кольцо вокруг города... Доченька... долгожданная, сколько лет жена не могла забеременеть... С Петровым, конечно, поделиться надо будет, он хороший товарищ... Мёртвому карточка ни к чему, а живым помочь может... Кто узнает, что они нашли на трупе? Никто...

Взгляды Иванькова и Петрова вновь сошлись на продовольственной карточке...

— Всё ясно, нет тут следов преступления, — сурово сказал Иваньков, — давай, заканчиваем тут всё и возвращаемся...

Взгляды милиционеров вновь сошлись на продовольственной карточке, потом они посмотрели друг на друга. Никто ведь не узнает... А декабрь только начался... Блокадный декабрь 1941-го...

...Докладываю, что 5/XII в 11 часов на 10 пикете 20 км Московской линии в канаве обнаружен труп Павлова Александра, 55 лет раб. завода «Большевик», прож. 5-я Советская, дом 23. В карманах трупа обнаружен паспорт, 500 руб. денег и продкарточка на декабрь месяц. По имеющимся признакам смерть Павлова последовала от замерзания. Труп направлен в покойницкую больницу. Ведётся расследование.

Начальник Дор. отдела милиции

Окт. ж. д. майор милиции Емельянов

Преступная любовь

Никто из них и предположить не мог последствия той первой встречи. Судьба... Он попал под обаяние молодости, а она... Она полюбила и никому не смогла бы пояснить, почему...

Любовь необъяснима. Он был старше её, и женская интуиция подсказывала, что он любил и был любим многими до неё...

Они не знали, что встречи их проходили под негласным наблюдением и агентурным контролем. Может быть, до сих пор где-то хранятся фотографии их счастливых лиц, сделанные скрытой камерой.

Она не знала, что будет арестована на следующий день после того, как он уйдёт за кордон... Она не знала, что он уже никогда не вернётся... Там за рубежом он проживёт ещё несколько ярких лет, а её судьба почти двадцать лет будет мотать по лагерям и ссылкам.

Лагеря... с кем только судьба там не сводила... и с не венчанной женой адмирала Колчака и с законной супругой Председателя Президиума Верховного Совета Союза ССР, «Всесоюзного старосты» Калинина... и с женой секретаря исполкома Коминтерна... Сколько таких лагерей для «жен изменников и врагов народа» она прошла? Но ведь она даже женой не была! Несколько дней счастливых встреч... и долгие годы лишения свободы. За что? Она даже не знала его настоящего имени. В приговоре было написано «за связь с иностранцем»... Как ехидно сказала жена одного расстрелянного генерала (уж не помнится, то ли советского, то ли царского, перешедшего на сторону победившей революции), «за неправильно понятый лозунг «Пролетарии всех стран соединяйтесь».

Она не знала, почему как-то по-особенному ныло сердце 7 ноября 1944 года. Пройдёт ещё много лет, прежде чем ей станет известно — в этот день по приговору суда казнили её любимого. Другая женщина в другой стране через годы найдёт его могилу и перезахоронит его прах...

Она не знала, что его казнь будет ей пропуском на свободу... Хотя какая свобода в ссылке? Думала, что освобождение связано с Великой Победой в Великой войне, а оно пришло только через полгода после того, как шею любимого сдавила петля...

Жизнь прошла... и мало радостного могла вспомнить она, глядя на фотоснимок в «Правде»... Она пережила его на много лет, и теперь, в хмурый ноябрьский день 1964 года, смотрела на фотографию любимого и читала о его подвиге в газете. Теперь она знала, как звали его на самом деле... теперь она поняла... что любовь её не была преступной... теперь она знала, что эти долгие годы была просто заложницей...

Она очнулась от голоса уже взрослой дочери: «Мама, что с тобой»? Молча протянула ей газету, а потом, глядя в глаза ничего не понимающей дочери, прошептала: «Это он».

Взяв газету, дочь прочитала вслух: «...Присвоить звание Героя Советского Союза (посмертно) Рихарду Зорге...»...

Приём

В большой зал с колоннами, расположенными в два ряда, украшенный нарядными занавесами, вошёл стройный человек небольшого роста, одетый в белые штаны и камзол. На голове у него был парик, скрывавший короткие русые волосы. Когда-то круглое лицо, стало худощавым, маленькие усики поседели. Он посмотрел на гладкий пол и перевёл взгляд на пустой трон, затем оглянулся и замер. Откуда-то из-за занавеса появился слуга, засеменил к вошедшему, и что-то сказал ему на ухо. За всем этим наблюдал маленький карлик с непомерно большой для его сложения головой. Человек слегка кивнул головой, устало опустил руки, и стал

ждать. Это был Иван Шевырёв, прибывший с границы Империи с весьма важными и секретными сведениями. Через несколько минут двое слуг ввели в зал тучную женщину в платье без корсета, с тройным подбородком и глазами навывкате. Хоть и боялись люди доносов и доносчиков, хоть и цепенели в ожидании страшного крика «Слово и Дело», но всё же шептались в столице и провинциях, что царица имеет «страшный зрак»... Так уж устроена природа человека как общественного существа, которое всегда испытывает острую потребность пересказать слух, вспомнить подходящий к случаю смешной анекдот, посплетничать о великих мира сего...

...Без малого уж десять лет прошло, как правит Анна Иоанновна Российской Империей, как грабит казну всеильный герцог Бирон. Стон идёт по великой стране, корчатся в застенках виновные и невинные, хрустят суставы вздёрнутых на виску... Но гвардия пока безмолвствует...

Слуги усадили Анну Иоанновну на трон и по мановению вялой руки тот час же удалились. Императрица подала Шевырёву знак, он приблизился, встал на колени и поцеловал руку. Потом начал негромко говорить. Сведения его в докладе сугубо секретные, военного положения касающиеся, но слушает их карлик, и ещё один человек, притаившийся за потайной дверцей... Впрочем, ему плохо слышно Ивана Шевырёва.

Доклад Анна Иоанновна слушала без интереса, таращилась, ничего не понимая, потом махнула рукой, и в тот же миг рядом с ней появился его светлость Эрнест Иоганович Бирон. Задыхаясь, императрица только прохрипела Ивану: «Повтори». Герцог повернул к Шевырёву умное лицо с острым носом и пронзительными глазами. Иван, повинувшись воле императрицы, вынужден был повторить свой доклад. Выслушав его, Бирон повернулся и без разрешения Анны Иоанновны быстро вышел. Императрица снова махнула рукой, и Шевырёв понял, что приём окончен. Он склонил голову, и в это время неслышно появились слуги. Они практически утянули на себе грузное тело Анны Иоанновны. Иван, давя в себе поднимающееся раздражение, повернулся к выходу. Всё зря... всё... Сведения, которые он спешил донести, не поняты... Вспомнился почему-то слушок, которому не хотелось верить... мол на содержание Двора денег уходило поболее, чем на весь русский флот... А законная дочь Петра Великого... под надзором... возле дворца цесаревны учреждён особый тайный пост, чтобы смотреть кто к ней в дом ездит, и кто горячность свою выказывает...

Горькие размышления прервал карлик с бубенцами. Выскочив из угла зала, он разбежался и заскользил по полу, потом шлёпнулся и засмеялся идиотским смехом. Иван с презрением взглянул на него, потёр руками лицо, сбив при этом парик, и вышел из зала...

Екатерина ВОЛОДИНА

Тюмень

Член Литературного Совета Ассамблеи народов Евразии, член Союза российских писателей, региональный редактор первого Всероссийского литературного журнала «ЛиФФт» по Тюменской области

Дорогие друзья, уважаемые коллеги!

Примите мои сердечные поздравления по случаю знаменательного события 25-летия литературного объединения "Замысел"! Двадцать пять лет созвездие ярких литераторов радует жителей города Нижневартовска своими талантами. Двадцать пять лет наполненные творческими событиями, вписали яркие страницы в литературную жизнь города и района. Все эти годы «Замысел» объединял талантливых поэтов и прозаиков, способствовал профессиональному росту одарённой молодёжи. Замысловцы это — яркие, творческие, увлечённые, инициативные люди, истинные подвижники, преданные литературе. Двадцать пять лет это важная дата в жизни творческого коллектива единомышленников: она объединяет незабываемые имена и яркие события, творческие мероприятия и каждодневный кропотливый литературный труд. В этот знаменательный день желаю всем крепкого здоровья, вдохновения, неисчерпаемой жизненной энергии и новых творческих свершений!

Солнечно, сладостно у весны в объятьях,
Сердце и чувства опять тяготеют к выси,
Прошлые годы, эх!.. Повернуть бы вспять их,
Вечность и время снова приводят к мысли —
Всё подчиняется в жизни тебе, светило,
Мудрые притчи и летопись страстных романов,
Всё под твоими лучами, когда-то было,

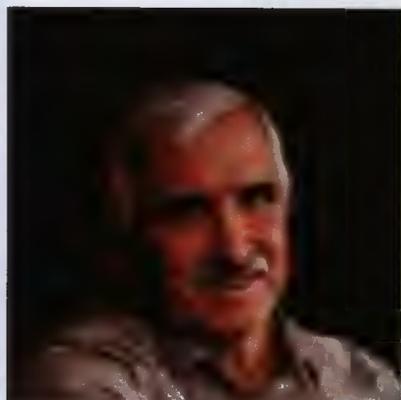
Было... и будет! Под сенью цветущих каштанов.
Скорось времени, снова двоятся прогнозы,
Что будет потом...со мной, с тобою?
Нам не известно, но неизбежно точно —
Радость предчувствия, предвосхищенья весною!

Серебряный голос России —
И радость моя, и печаль,
Мотив заповедный, красивый,
Что жизни и сердца не жаль
Отдать, чтобы певчие птицы
В берёзовой чаще лесной,
Могли родниками напиться,
Чтоб песню нести над землёй
О светлом и самом заветном.
В той песне таится душа.
В лазоревом небе рассветном
Плывут облака не спеша.
А птахи щебечут, летают,
Мелькают послушным крылом
И новую песню слагают,
В ней память храня о былом.
И песня, конечно же, будет!
И в солнечных дней перелив
Услышат и выдохнут люди:
«Наш, русский, родимый мотив!»

В октябре к белоснежью летят пожелтевшие листья,
Растревожив небес синеокою томною нежность,
Ветер мчится по улицам, скверам неистой рысью,
Отпуская тепло. Впереди холода — неизбежность.
И всё рвётся, уходит, без малого права остаться.
Только Вера с молитвой людскую надежду спасают,
До весны, до победы, до марта бы нам продержаться,
Так бывает в России... Так только в России бывает...

Павел ПЛЮХИН

Тюмень

Член Союза писателей России, кандидат технических наук. Лауреат регионального конкурса «Книга года 2013», Лауреат литературной премии им. В.И. Муравленко. Награжден медалями «За трудовую доблесть» (1981), «За освоение недр и развитие нефтегазового комплекса Западной Сибири» (1991), памятной медалью ЦК КПРФ «100 лет со дня рождения М.А.Шолохова» (2008). Имеет звание «Заслуженный энергетик Ханты-Мансийского автономного округа — Югры». Почётный нефтяник Тюменской области

Нижневартовскому литературному объединению «Замысел» 25 лет! Поэзия — это когда между строк возникают образы, эмоции, мысли и эти строки заставляют задумываться, спорить, но всегда от них становится светлее! Прекрасно помню какой требовательной к Слову и творчеству была Маргарита Кузьминична Анисимкова — Душа «Замысла»! Многих прекрасных учителей хочется вспомнить: это и Андрей Тарханов, Виктор Козлов, Николай Денисов! Четыре строки Николая Денисова, Лауреата Премии Ленинского Комсомола, врезались в память надолго:

«Дождь стучит по крыше глухо,
А вчера мело!
Кочегарю печку. Муха
Бьётся о стекло...»

Половина слов будет непонятна современному школьнику, но для понимания нужно было родиться в селе и стать поэтом!

Бессмертны строки поэта Савостина:
«Парус без ветра — обычная тряпка!
Дым без огня — просто сучьев охапка!
Речка без русла — болотная скверна!
И мы без любви — и не люди, наверно...»

Мои пожелания литераторам:

Живите — с Любовью!

Пишите — с Любовью!

Работайте — с любовью!

Тот, кто работает без любви — раб!

Тот, кто работает с любовью — творец, созидатель!

И каждый поэт, и писатель, обязан быть созидателем!

Хочу успеть!
Домчаться!
Добежать,
Не проскочив от истин мимо!
Но не хочу кому-то подражать
В строке,
написанной любимой...

Мой друг!

Кто проклинал мороз за пятьдесят,
Кто чай глотал, озноб отогревая,
Не будет зря о подвигах болтать,
С экрана небылицы сочиняя...
Кого мошка не заедала рьяно,
Кто не носил фуфаек и сапог,
Тот, напустив для публики «тумана»,
Рассказывать часами сказки мог!
... Характеры — надёжнее металла!
Сибирь всегда не подводила Русь!
Мы — не Москва, здесь показухи мало,
Но за Сибирь, я братцы, не боюсь!
Здесь факела ревут во тьме устало,
Сверкая километрами вокруг,
И говорят неторопливо, мало —
Не любят словоблудие, мой друг!

Виктору Ивановичу Муравленко

Он шёл напролом, обгоняя столетье,
Сжав нервы и волю в казацкий кулак,
Он был за Тюмень нефтяную в ответе,
Но дрогнуло сердце в одной из атак...
Он шёл побеждать, обжигаясь ветрами,
На Север за нефтью и газом спеша,
Росли промысла, буровые рядами,
В них пела его нефтяная душа!
...Ведь мог отсидеться в тиши кабинета,
При славе, погонах, любуясь собой,
Но не было б нефти в России при этом,
И мир бы не знал Самотлор, Уренгой!

*Россию всегда продвигал чудо-гений:
Суворов, Столыпин, Петровская прыть!
Но я Муравленко без тени сомнений*

Поставил бы рядом!

Вот так надо жить!

Сергею Ивановичу Денисову

Коса сажень в его плечах,
Не склонен к блеску красноречий,
Всю жизнь не пыжился в речах,
А груз тащил, взвалив на плечи!
Мне было послано судьбой
Работать, Нижневартовск освеща,
Была эпоха, может быть, другая!
Но был ли в ней народ другой?!
Тогда родной горисполком
Гремел как чайник с кипятком!
И я — совсем ещё зеленый
Учился жизни умудренной,
Где был Денисов знатоком!!!
С улыбкой скромной мудреца,
(В нем было что-то от отца!)
Он на простых своих примерах
Вселял уверенность и веру.
Сергей Иванович, родной!
Быть рядом — и легко, и просто!
Не важно, ты какого роста,
А важно, ты с какой душой!

Буровому мастеру Анатолию Шакшину

Его буровиковская натура
Не прогибалась от лихой невзгоды,
Она всю жизнь зубами турбобура
Вгрызалась в нефтеносные породы!
Сменился темп проходок на Шаиме
На Самотлорский мировой рекорд,
И каждый нижевартовец был горд
За «Шакшинское» трудовое имя!

...Уходят годы — вечных не бывает!
(А за иными быстро исчезает след).
Но Самотлор своих не забывает,
Одев в гранит историю побед...

Григорию Кравчуку!

Мы не одну, Григорий, пятилетку
Отгрохали,
 аж голова гудела,
Не за себя болели, а за дело!
И я с тобой
 всегда пойду "в разведку"!!!

С юбилеем!

Игорь КИРИЛЛОВ
Нефтеюганский район

Почетный член Литературного объединения «Замысел» г. Нижневартовска. Заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры. С 1986 по 1996 г. — заместитель главного редактора газеты «Ленинское знамя» («Местное время») г.Нижневартовска. С 1998 по 2006 г. руководитель пресс-службы Думы Ханты-Мансийского автономного округа, с 2006 по 2010 г. — пресс-секретарь главы Нефтеюганского района. Лауреат творческого конкурса Ханты-Мансийского отделения Союза писателей России в номинации «Очерк»

**Дорогие друзья,
участники литературного объединения «Замысел»!**

От всей души поздравляю всех вас, всех нас, с этим славным юбилеем — 25 годовщиной полнокровной творческой жизни. Сегодня мы смело можем говорить о том, что наш замысел успешно реализован, и литературное объединение с аналогичным названием стало фактом культурной жизни Нижневартовска. Четверть века все мы вместе строили нашу культурную среду. И сегодня мы имеем право говорить о серьезных результатах нашего труда. Нам есть чем гордиться: регулярно выходит альманах «Зори Самотлора», первым редактором которого была Маргарита Анисимкова. Участники «Замысла» стали членами Союза писателей России, выходят коллективные и авторские сборники. Литературное объединение «Замысел» основательно вписано в историю Нижневартовска.

Уважаемые коллеги и единомышленники, вы нашли друг друга, ваша творческая жизнь многогранна и разнообразна. Это — великое достижение. Им надо всячески дорожить, чтить традиции, растить молодых литераторов. Этим вам предстоит заниматься вплоть до полувекового юбилея нашего литературного объединения «Замысел», который, я уверен, непременно придет. Творческого вам долголетия, верных читателей, новых побед!

Театр

Году театра в России посвящается

Ваш выход, Принц.
Но занавес оборван.
Уснул суфлер
И в ложах суета.
Подмости ждут
В презрении покорном.
Ваш выход после
Реплики шута.
Шут надоел
И в тягостной истоме,
Застыл патер
И жаждет перемен.
Так женщина
Под нелюбимым стонет.
Миг предвкушенья
Сладостных измен.
Ваш выход, Принц.
Дай Бог вам
Быть любимым.
Талант, поверьте,
Вянет без любви.
На толщу лет
Ложатся слоem пыли
Шипящие, безрадостные дни.
Но тонкий луч,
Пронзительный, слепящий.
Вас вырвет из безвестности и тьмы.
И вот вы — Принц.
И канул город спящий,
Укутанный в тяжелые дымы.
Что наша жизнь?
Лишь хрупкие подмости.
Пыль всех надежд
И всех иллюзий прах.
Ступайте, Принц.
Я знаю — все непросто.
И Вас гнетут сомнения и страх.
Но жребий брошен,
Занавес оборван
Парит клинком
Звенящий монолог.
А за кулисами, в смирении покорном
Выдает шут, и он от слез промок.

НОВЫЕ ИМЕНА

Дебют

Альбина АБДУЛЛИНА

Излучинск

Вишня в ликёре

Хранения сроки вышли,
Засохла в ликёре вишня.
В красивой коробке — память,
— Ни выбросить, ни оставить:

Цепляется к ней родное,
Тягучее... Сердце ноет,
Чего-то всё не хватает.
Ему бы — да сладко! — таять,

Щемить кислой ноткой вишни, —
Да только все сроки вышли...
Вскружить резвой стайкой мысли,
А мысли в тиши зависли.

Как вишня в ликёре, сохнет,
Не ёкнет сердце, не охнет...

Обнимало меня море ...

Обнимало меня море,
Накрывало негой небо...
Это был, возможно — небыль:
Я в любви призналась небу.
Я в любви призналась морю,
И уже с собой не спору.
Ты мне небом будь, и морем,
Ветром, лодкой на просторе,
Солнцем... Счастьем или горем
— Будь мне всем в одном наборе.
Но в случайном разговоре
Я тебе признаюсь вскоре:
Научиться плавать мне бы...
Это был, возможно — небыль:
Накрывало негой небо,
Обнимало меня море...

Над книгой

Совсем чуть-чуть... иль, может, много? —
Не знаю, сколько здесь меня.
И есть ли я?.. Ведь я — не Я,
Нет составляющих меня.
Есть составные бытия:
Вселенной, Космоса и Бога...

Рассыплюсь искрами, сияньем,
Туманом зыбким растворюсь
И светом лунным разольюсь.
Неотвратно становлюсь
Порядком связей мироздания...

Растаю в нежности к живому
Вокруг и, простираясь вдаль,
А мне ушедших вечно жаль...
Я не умею по-другому.

Теряю или обретаю,
Приемлю, слышу, узнаю,
Благоговая, жизнь листаю...
Я не исчезну, — я живу!

Сергей ДИДЕНКО

Новооганск

Столица счастья...

Новооганск — страна могучих берегов,
Воздушный змей и дирижабль воли,
Под властью нефтегазовых богов
Распределяет справедливо роли.

Благословил семью в благопристойный чин
Он с простотою древнерусских деревенщин,
Новооганск — мир правильных мужчин,
Новооганск — страна красивых женщин.

Река Аган теченьем серебра
Несёт заботы северного края,
Новооганск — столица счастья и добра,
Новооганск — столица ХМАО или рая!

Аган

Нет величия — есть нежность
Северной реки Аган,
Зарослей сплошных небрежность
Убаюкает туман...
Изредка трещат сороки,
Дым костра несёт с косы,
На закате краснооком —
Травы гнутся от росы.
Берега тайгой укрылись,
Дремлют кедры, ели спят,
Отражением умылись,
Тишиной Аган объят.
Облака плывут по глади,
Цвет черёмухи хмельной...
Ветерок спешит погладить
Стан извилистый речной...
Умиляет простотою,
Пожалей и не губи,
Не гонись за суетою
Младший брат — приток Оби...

Новоаганск

Российской нефти славный рубикон —
Наш Самотлор с Алёшей на визитке,
Сшивают Нижневартовский район
Суровые нефтепроводов нитки.

Под небом вдоль Агана, средь озёр,
В 66-м, приметив себе место,
Посёлок расстелил себе ковёр,
Не принимая от людей протеста.

Новоаганск — души моей приют
На карте ХМАО уголочком чудным.
Туда, где реки из болота пьют,
Манит к себе сыночком блудным.

Новоаганск — судьбы моей причал,
Учитель, объясняющий оттенки,
Я Север по крупицам изучал,
А мой посёлок ставил мне оценки.

Александр ЗУЕВ*Нижневартовск***Фушима***Рассказ*

Мы уходим дальше и дальше на запад к границам Красноярского края. Площадь территории всё ещё в пределах ракетного полигона, но здесь не падали части ракет, и не горела тайга. Тут проводим наземную заверку аэромагнитных аномалий на предмет обнаружения кимберлитовых трубок. Встречаются гари, но они старые, уже восстановленные молодым березняком и осинником. Из-за валежника и густоты труднопроходимы для лошадей с вьюками. Рубим вьючные тропы, строим через ручьи и поймы мосты и гати. Места дикие, богатые зверем, пушниной, боровой птицей. Последний охотничий сезон здесь был в зиму сорокового — сорок первого годов прошлого века. После них места эти уже никто не посещал. Сохранились основательно построенные зимовья, как правило, на светлых сухих местах, возле воды, в стороне от троп. Они встречались разные, по ним можно было судить, какой хозяин их построил. Зимовье — трёхстенка, без окон и дверей, как временное пристанище, где можно было развести костер из бревен, не утруждая себя заготовкой дров. Оно, покрытое корой, снятой с ели, пихты или лиственницы, защищало от ветра, снега или дождя. Тепло в зимовье не держалось, и спать можно было только при горящем костре, но оно было надёжным укрытием от непогоды и непрошенных гостей.

Зимовье, рубленое из брёвен на мхе, с дверью и небольшими оконцами, покрытое дранкой, но тоже с открытым очагом в виде костра, как в тунгусской юрте, отличалось от зимовья — трёхстенка. В нижних и верхних венцах, небольшие оконца регулировались задвижками, для выхода дыма и притока свежего воздуха с разных сторон, в зависимости от направления ветра. Встречались зимовья с очагом, выложенным из камня и обмазанным глиной. Обустройство зимовий было простое: нары, стол, скамейка. Всё это из досок, заготовленных на месте. Возле каждого зимовья — обязательный атрибут — лабаз.

Лабаз строят для хранения продуктов, пушнины, от мышей, росямахи и медведя. Толстое дерево срубают на высоте не менее трёх метров, на пне устраивают крестовину, и на ней из плах или из тонких брёвен на мху строят амбар с дверью и крышей из дранки. Встречаются лабазы на двух пнях, это уже как маленькая избушка, где могут поместиться и люди. Попасть в такой лабаз можно только по лестнице.

В лабазах мы находили хлеб, испечённый осенью сорокового года, его можно было только рубить топором. Коробки спичек первых пятилеток Советского Союза, с разным количеством спичек и

их толщиной, с различными этикетками, при этом они загорались с первой попытки. Сохранились капканы, сторожки для плашек на белку, ружья, выпускавшиеся в конце девятнадцатого века, они заряжались с дульной стороны. Стволы были длинные, восьмигранные, толстые, вероятно, шестнадцатого калибра. Ружья были тяжёлые, стрелять из них можно было только с упора. Подобное ружьё было у моего деда, и я не раз палил из него по воробьям, будучи подростком десяти-двенадцати лет.

В августе пришли в бассейн речки Фушимы к левому притоку реки Муры. Здесь построим вертолётную площадку для обслуживания вертолётами двух геофизических и одного горного отрядов. Уже на третье утро, как-то быстро пожаловал гость. В шесть часов утра, проснувшись и включив рацию, лежу в спальном мешке, слушаю разговоры базы с отрядами, жду своего позывного ЕМД-89. Слышу, кто-то мягко и медленно проходит в метре от моей палатки, затем слышится ворчание восьмимесячного щенка в палатке главного инженера Николая Рощина. Мои же собаки лежат под ногами и никакой реакции. Через минуту раздаётся встревоженный шёпот Николая:

— Данилыч, у нас медведь!!!

Рощин, одевшись, ожидал, когда позову его к рации. Он видел как медведь по-хозяйски вертя головой, прошёлся по нашему лагерю. Я выскакиваю из своей палатки, на ходу загоняя жаканы в двустволку, и вижу, как Николай Рощин и рабочий Юрий Наумов стоят с ружьями и держат на прицеле молодого медведя, стоящего в пределах выстрела на задних лапах между кочек. У хозяина леса видны только голова и плечи, и он с любопытством рассматривает незваных пришельцев на его территории. Выскочившие за мной из палатки мои собаки с лаем мчатся за медведем. Мгновение — и он скрылся среди кочек и осоки.

— Почему вы не стреляли?!

— Да как то

Вот так, представился случай, а никто не воспользовался. Николай не охотник, ружьё возит на всякий случай. Ну, нет у него охотничьего азарта, и ничего с этим не поделаешь. В маршрут ходит, соблюдая требования техники безопасности, всегда только с пистолетом, даже осенью, когда часто встречается многочисленный молодняк боровой дичи. А про Юрия и говорить не приходится.

Лагерь стоит на краю поймы ручья. Комары, рыжие и крупные, нам не дают покоя, атакуют роем, с лёту прокусывая рубашку, отдохнуть от них можно только забравшись под марлевый полог. В туалет сходить проблема: как ошпаренный кипятком, от многочисленных укусов комаров ты мчишься в палатку. А тут еще и медведи...

Далеко вниз по пойме слышен голос собак, гонящих медведя. Рабочие напуганы поведением зверя, и чувствуется по разговорам,

побаиваются идти на работу. Объясняю, что в августе не бывает шатунов, а этот забрёл случайно и больше не появится. Минут через пятнадцать несутся мои собаки, не видно только щенка Рощина. Николай начинает нас убеждать, что его Пират держит медведя.

— Вот послушайте, лает, ну, лает же, надо идти! Вот Пират молодец; щенок, а держит медведя!

Говорю ему: — Тебе кажется, нет никакого лая.

Услышав свою кличку, Пират выползает к Николаю и лижет ему руку. — Пиратка, где ты был?

— Да где ему быть, сидел под твоими нарами.

Наступила разрядка, все смеются.

Рано утром караван с лошадьми отправляется на новый участок. Николай Рощин идёт с моим отрядом с целью рекогносцировки и знакомства с будущим участком горных работ. В конце тропа не дорублена километра три, и нам надо спешить. Идём по вновь прорубленной тропе быстро, чтобы лошади могли вернуться на базовый участок, пусть даже ночью: на новом участке нечем их кормить. Тропы обычно рубим по водоразделам рек, ручьёв, там меньше подлеска, меньше рубки, болотистые места встречаются только при пересечении ручьёв, где приходится строить гати или мосты. Водоразделы обычно заняты сосной, ниже ель, пихта, кедр. Встречаются места угрюмые, медвежьи, где кроны хвойных деревьев срослись так, что кажется, идем в сумерках, внизу же просто, легко выбираем путь без рубки леса. В сосняке встречаются куртины ягод, черники, брусники, голубицы. Здесь хорошая кормовая база для боровой дичи, пушных зверьков и, конечно, для всеядного медведя. Впереди иду с каюром и двумя рабочими с топорами, где надо, под выюк расширяем тропу. Сзади каравана со студентом и рабочим идёт Николай. При переходе очередного распадка караван обгоняет Пират в позе ёжика: шерсть дыбом, поджатый хвост где-то чуть ли не между передних ног. Оглядываюсь и вижу, как к каравану приближается на большой скорости медведь, возможно, медведица, к медвежонку которой вероятно приблизился Пират.

Все остановились, каюр держит лошадей, я иду в конец каравана, на ходу перезаряжаю левый ствол двустволки, вместо дробы загоняю второй жакан. Медведь остановился метрах в десяти-пятнадцати от людей, встал на задние лапы и, не обращая внимания на нас, смотрит вперёд, куда убежала собака. Рабочий держит наготове топор, студент нож — они приготовились защищаться. У Николая круглое лицо вытянулось, левой рукой держится за берёзку и гнет её, не пойму: он готовится стрелять из пистолета, опираясь на левую руку, или пытается укрыться за берёзкой. А между тем, почти у всех есть ружья, но они разобраны и находятся во выюках, кому-то мешали рубить тропу, кому-то лень было нести на плече. Медведь, услышав лязг закрывающегося затвора, встал

на все четыре лапы, развернулся, и медленно пошёл туда, откуда прибежал, — то через левое, то через правое плечо оглядываясь назад, не гонимся ли мы за ним.

Отойдя метров тридцать-сорок, неожиданно повернулся, угрожающе зарычал, сделал в нашу сторону несколько прыжков и резко скрылся в чаще.

Это заняло секунды, но на нас произвели больше впечатление, чем когда он стоял рядом на задних лапах. Если бы кто-то из нас в это время, дрогнув, побежал, — быть беде. Молча, закуриваем. Нагнал же медведь на нас страху: не все прикуривают сигарету от одной спички, они, ломаясь, не загораются. И начинается громкий галдёж, говорим громко, как бы отпугивая медведя и одновременно успокаиваем себя:

— Какой он большой.

— Это, вероятно, была медведица, она отгоняла собаку от детёныша.

— Какой он упитанный, шерсть, как расчёсанная, блестит.

— Да, он бы сейчас всем нам расчесал шерсть.

— Я думал нам конец, когда он в нашу сторону побежал.

Моих собак нет, где-то облаивают, вероятно соболя, интересно, как бы они повели себя в этой ситуации. Никто не задаёт мне вопроса: почему я не стрелял, а я и сам не знаю, почему. Когда медведь стоял на задних лапах, была прекрасная цель, но я ещё не дошёл до мужиков, а в случае неудачного выстрела, медведь набросился бы на них. Во время второй его секундной атаки на нас я не успел среагировать. Обычно стреляю, а потом думаю о последствиях этого выстрела. А вот лошади вели себя «молодцом», в таких случаях они доверяют человеку. По запаху учуяли присутствие рядом зверя, спокойно стояли, только ушами прядали, оценивая обстановку.

Через час достигаем участка, выбираем место под стоянку на высоком борту распадка с ручьём... Ранним утром уходим на топографическую привязку на местности, приступаем к рубке просек. Мы все торопимся закончить этот участок, с одной стороны в полевом сезоне он последний, а с другой стороны все устали и хочется домой в цивилизацию, к семьям. До того, пока участок не будет завален снегом.

Алевтина ПУШКИНА
Удмуртия — Нижневартовск

Бьёт в лицо мне ветер северный,
А мы дружим с ним давно,
И лужок ласкает клеверный,
Носит лето кимоно!

А зимой морозы лютые,
Стонут древние ветра,
И стоит, в снега обутая,
Моя милая Югра!

Волны катит Обь великая,
К нам бежит издалека,
И пою с ней вместе тихо я,
Обживая берега.

Здесь друзья мои — таёжники
Со мной рядышком в пути,
Мои верные помощники,
С ними дальше мне идти!

Я люблю цветы кипрейные,
И морошку я люблю,
Ой, вы ветры выюговейные,
Стихнуть вас опять молю...

Дарья ЕЛИСОВА
учащаяся, Нижневартовск

Поля

Одна в вечернем чистом небе
Висела полная. Она.
Никто с ней рядом ещё не был,
Загадка — круглая Луна.
Вкраплялись звезды в черный, гладкий
Зеркальный озера покров,
Стон тишины был звонкий, сладкий —
Он плыл вдоль гладких берегов.
Томился ветер в поле чистом
Наполнясь ладаном цветов.
Ночной плыл воздух. Тихо, быстро
Носилась стая светлячков.
Таилась всюду беспричинно
В тиши ночная благодать.
В полях ночных ни зги не видно,
И даже ветра не слышать...

Зажгите свечу на 9 мая

Зажгите свечу на 9 мая,
И вспомните тех, что в бою,
Кто страха не зная и, кровь проливая,
Жизнь отдавали свою.
И тех, кто сражался в тылу партизаном,
Кто родину сердцем любил,
На страх невзирая, боролся с тираном,
И миру любовь подарил.
Кто гибнул в аду, был пленённым у немцев
Всех тех, кого мучили там:
В Дахау, Цайтхайн и в Польше Освенцим,
Поклонимся их именам...

Зажгите свечу на 9 мая...
И вспомните тех, кто в войне
Победу огромной ценой добывая,
Жизнь подарили и мне, и тебе...

Кипарис

Вечно темно-зеленые ветви
На могилах империй лежат.
Охраняют покой многолетний,
Память павших они сторожат.
Они помнят, как полисы ранние
Сотворяли основы идей,
Как на форумах фразы скандальные
Поднимали на митинг людей...
Кипарисова ветвь словно память
Тех далеких античных времен.
Я надеюсь, что сможем оставить
Мы потомкам хоть что-то потом...

Родион ГАРИПОВ

Твои слова мне душу ГРЕЮТ
Твой взгляд снимает сердца боль.
Ты поцелуешь — сердце млеет,
Познал я страстную любовь!

А если б я тебя не встретил,
Твои глаза среди тысяч глаз,
Прошёл бы я и не заметил,
И был несчастен бы сейчас!

Ты — нимфа чувств, а может, фея,
С тобою я, как гордый лев,
И я от встречи с тобой, немея,
Других не вижу милых дев!

Я этой сказке благодарен:
Она любовь мне принесла.
Разлуки час с тобой коварен,
Мне без тебя не ждать тепла...

Карина МУХАМАДУЛЛИНА

учащаяся, Нижневартовск

Подари мне лучик света...

Начало октября было холодным и пасмурным, за окном свирепствовал дребезжащий ветер, проникающий под кожу случайных прохожих и с характерным свистом ударяющийся в окна. Светило безрадостное солнце, и совершенно не было настроения. За старым столом, сидел мужчина средних лет. Он был одним из представителей того типа людей, внешность которых не могла сказать ничего определённого, и в то же время, как нельзя красноречивее отображала истинную сущность. Звали его Константином Сергеевичем Атафьевым. Он был некрасивым, но чрезвычайно харизматичным, оставлял противоречивые впечатления и поселял в души тех, кто находился рядом, тревожные предчувствия неизбежного. Фигура его казалась крепкой и подтянутой, черты лица грубыми и неправильными, но, несмотря на это, многие думали, что он,

должно быть, художник. Глаза его были большими, и взгляд их всегда был пронзительным и тяжелым.

Он любил читать. В его скромной квартире была целая библиотека, и пожалуй, на книги он тратил больше всего денег, хотя жил весьма бедно. Это приносило ему удовольствие, однако главной причиной его тяги к знаниям была другая страсть, и вполне естественная. Сжимая своими крупными медвежьими ладонями тонкий стебелек цветка незабудки, он погружался в воспоминания шестнадцатилетней давности. Гладил подушечками пальцев потрепаные лепестки и с глухой тоской вспоминал о непрозвучавших в свое время словах, о невысказанных чувствах и той боли, которая поселилась в его груди после их последнего разговора, — боли раздирающей, тупой, не дающей свободно дышать.

Каждый вечер он совершал свой маленький традиционный ритуал: сначала ужинал (наспех, боясь опоздать) из потрескавшейся железной посуды, потом одевался и, собравшись с духом, выходил на улицу, торопливо оббегал многочисленные улочки и, наконец, доходил до того самого особенного места. Здесь они когда-то давно встретились в последний раз. Здесь арена их последней встречи. И, правда, удивительное место — этот Невский проспект! Сколько горя оно принесло печально известным героям Гоголя, и сколько страданий ему самому! Но, находясь здесь, он каждой клеточкой своего тела ощущал, что находил то, чего ему так не хватало, и вместе с тем чувствовал какой-то страх.

После прогулки по проспекту он возвращался домой и садился за свой рабочий стол с облупившейся краской, доставал чистый лист бумаги и принимался писать стихи. Хотя, пожалуй, стихи — это громкое слово. За все шестнадцать лет и восемь месяцев он не смог написать ни одного стиха. Ни одного! А ведь он был гением — молодым, подающим надежды поэтом! Он хотел написать о ней. Но не мог. Тогда с ним обычно случались неконтролируемые вспышки гнева, он швырял и без того ветхую мебель, все, что попадалось под руку, а затем, успокоившись, тут же кидался к небольшому комоду, пока не находил цветок. Незабудка была ею нежно любима, и она же символ их такой недолгой, но трепетной любви. И ведь, правда — Незабудка. Как ни пытался, он не мог выкинуть ее из головы и сердца...

Да, много воды утекло с того времени... Вот что случилось в тот раз. Он должен был встретиться со своими друзьями из литературного клуба. Минуя различные скверы и здания, он шел, полностью погруженный в свои мысли, относительно изолированный от окружающей среды. Внезапно издавшийся женский крик не сразу привлек его внимание, и он, нехотя отрываясь от своих раздумий, повернул голову чуть вправо. Недалеко от середины парка резвилась подозрительная компания: молодая женщина, чьи глаза были полны ужаса, закрывала пятилетнего ребенка, которую она защи-

щала от нападавших на нее подвыпивших молодых парней. Каждая минута была длиною в вечность. Каждая минута могла стоять ей жизни, она чувствовала ужас, вину и беспомощность. Женщина кричала, просила о помощи, но они лишь смеялись, и играючи толкали ее в плечо. Однако наблюдающий эту картину Константин лишь безразлично пожал плечами и вновь продолжил свой путь. В груди поселилось странное чувство, ему даже показалось, что он знает ее. Двое взрослых мужчин, взявших ее невзвестно откуда, отгеснили нападающих парней, и убедились в безопасности женщины и ребенка.

— Что же вы не помогли? — неодобрительно покачивая головой, крикнул пожилой седовласый мужчина.

Наш герой лишь рассеянно оглянулся на него и небрежно бросил:

— Это вы мне?

— Вам, молодой человек, вам.

— А какое мне до этого дело?

— Вы ведь Константин Атафьев, верно? Видел вас нынче по телевизору. Литератор, ученая степень... а вам, собственно, дело только до этих степеней? Зачем они вам? — усмехнувшись, сказал старик.

— Вас не касается, — грубо отрезал, мрачно уставившись в одну точку Константин.

— А вы...получается — глупейший, — буркнул себе под нос.

Запоздало пришло понимание, что это она была той девушкой в парке. Что она все видела. И пугающее равнодушие его в некогда родных глазах. Все эти шестнадцать лет он делал не то. Жил не так. И чтобы это осознать, ему потребовался лишь один ее взгляд. Взгляд, который изменил все. Он с мукой вспоминал слова старика в парке, и слова девушки, которая была и останется его идеалом: "Самый сильный человек — тот, кто остается добрым по отношению к другим даже после того, как мир истерезал его на части..." Она хотела, чтобы он был умным и сильным, но всего сильнее просила сохранить доброту и мягкость души, а он забыл об этом и очерствел. Из ее незабудкиных глазах всегда лучился свет, а он предал его...

Они встретились взглядами в последний раз — прощающимися, болезненными, полными сожаления, и она развернулась, чтобы раз и навсегда уйти из его жизни.

Впоследствии, вспоминая это происшествие, Константин лишь болезненно морщился. Он злился, прежде всего — на самого себя. Он ощущал себя бездушным монстром, неспособным любить и чувствовать. Ему было стыдно и страшно. Тогда он прошёл мимо людей, которые нуждались в помощи, и призрачный шанс на счастье был развеян. Это была его плата за равнодушие.

Больше Атафьев ничего не писал. Вместо этого посвятил себя путешествиям, в которых часто встречался с разными людьми. Общась с ними, наш герой хотел научиться главным человеческим качествам — доброте и искренности. Больше он не отворачивался от тех, кто попадал в беду.

Константин никогда не был женат, и под конец своей жизни написал лишь одну книгу — книгу в стихах "Подари лучик своего света..." Это было единственным, что он оставил после себя, у всего мира выпрашивая запоздалое прощение.

Вадим ШЕМЯК

учащийся, Нижневартовск

Каково быть лицемером!
Лица мерить за спинами тех?
Кто для всех должен быть бы примером,
А у вас —вызывающий смех.

Каково это всех ненавидеть,
А себя уважать и любить?
Всех гнобить, унижать, а себя лишь лелеять,
И словесно всех просто убить...

Каково это быть мизантропом,
И при этом общаться с людьми?
И как здорово быть филантропом,
И при этом кого-то любить!

Николай ПОЛЯКОВ

Нижневартовск

День оленя

День оленя отмечают,
Ежегодно на Югре,
Состязаться выбирают,
Самых лучших, в табуне.
Трассы нету у оленей,
Управляет им хорей,
Дрожь по телу пробегает,
От хвоста и до ушей.

Все готовы, ждут команды,
Начинаются бега.
Клич каюра раздается,
Понеслась вперед гурьба.
 Ноздри сильно раздувая,
 Весь напрягся как струна,
 Округленные копыта,
 Ставит в снег наверняка.
Скрип полозьев раздается,
Бег оленя напряжен,
Кто же первый обернется?
Будет щедро награжден.

Про бурильщика

Стоп! Командует бурильщик,
Инструмент менять пора,
Мастер знает всю проводку,
Значит, встретилась скала.

Продуваемый ветрами,
Верховой готов принять,
Пачку труб уложить в стопки,
Чтоб бурить начать опять.

При замене турбобура,
Точно выверен объем,
Вахта просто называет,
Выполняем спуск-подъем.

Ствол, пробуренный по схеме,
Свое время будет ждать,
Буровые переедут,
Нефть насос будет качать.

Вера ФОКИНА

Нижевартовск

Ветер

Чернобровый буйный ветер
Рассмеялся над грозой
И сказал грозе он властно:
"Не серчай, ступай домой!"

И гроза, сверкнув глазами,
Удалилась на покой.
Только там, за облаками,
Гневно ссорилась с собой!

Ну, а ветер всё смеялся,
Хорохорился, кружил,
Да и к вечеру унялся,
И улёгся спать без сил!

Утром солнце засияло,
Новый день пришёл с добром,
Лишь гроза не унималась,
Ей хотелось быть дождём!

Позвала она на помощь
Молнию к себе и гром.
И давай они смеяться
Над природою втроём!

С Днём Победы

С Днём Великой Победы!
С этим радостным днём!
Мы поздравим героев
Что прошли под огнём!

Не сдались, не сломались,
Умирали в бою!
Свою кровь проливали
За Отчизну свою!

Вы нам Мир подарили
Вы отважны, сильны!
Чтоб мы счастливы были
Чтоб не знали войны!

Так давайте же выпьем
По сто грамм фронтовых!
Вспомним наших героев
Вспомним наших родных!

Пусть хранит наша память
В сердце все имена!
Мы их ратные подвиги
Сохраним на века!

Непогода

Непогода, опять непогода.
Дует ветер холодный с дождём.
Гнётся, плачет от ветра природа.
Злой октябрь стучится в наш дом.

А за ним и зима на подходе,
Будет властвовать над октябрём.
Принесёт нам метель и морозы
И укроет всё снежным ковром.

Заискрит белый снег, засверкает
Нарисует узор на стекле,
Ведь без снега — зимы не бывает,
Как не быть и дождю в феврале.

И пускай снег метёт и кружится,
Воет вьюга и злится мороз,
Всё — равно лето к нам возвратится
И подарит букет белых роз!

Валентина ТАНЦЫНОВА

Нижневартовск

Ах, как хочется нарядиться
В платье, сотканное из звёзд!
И на месяце прокатиться
За три тысячи звездных вёрст...

Спи, мой маленький сынишка,
Подрастает, мой малыш...
Спит мартышка, спит зайчишка,
И ты сладко, мирно спишь.

На песке играешь, строишь
Замок маленький, большой.
Вырастешь, окончишь школу
Верною пойдёшь тропой.

Будь, мой мальчик, честным, смелым.
Уважай других и труд.
И тогда тебя все люди
Другом верным назовут!

СТУДЕНЧЕСКИЙ ПОРТАЛ

Кирилл ИВАНОВ

Сидишь на парах...
студенческие зарисовки

Сидишь на парах
За окном солнце поет
Учебке гимны.

Сидишь на парах
Задумался о вечном
Уже конец дня.

Сидишь на парах
Жизнь не мила стала
Зарядка села.

Сидишь на парах,
Вроде молодой, дерзкий
А уже устал, спишь.

Сидишь на парах
Лекция баюкает.
Зачёт снится.

Сидишь на парах.
И солнце в лицо бьет.
Как писать трудно.

Сидишь на парах.
Уже орать охота
«А, скоро лето?!»

Сидишь на парах
Какой тяжкий груз висит.
Взгляд деканата.

Не защитил диплом
Так защищать иди
Родины границы.

Старая деревня и юность

Жизнь лета.
Прильнул к берёзе
Во время ливня в лесу,
Сырые грибы.
А в ветвях спала гроза
Последняя жизнь лета.

Костёр у реки
И ветки свежей ели,
Хвойная радость.

Огромная степь
Пасмурная погода,
Полёт журавля.

Падая с ветки
Старинной ели, узнал
Как живут шишки.

В сумерках лампы
Мелькал перед глазами
Силуэт огня.

Старого порта
Лишь виднеются сваи
Давно это было.

Старинный сарай
Перекопился в зиму
Так много видел.

Александр КОЗЫРИН

Говорят о море

Как часто говорят о море,
О том, как море бесконечно прекрасно,
О терпком пьянящем запахе соли,
Об игрище волн, манящем опасно

О ходе окружном золотого светила,
Дарящего миру тепло вновь и вновь,
О том, что играла сердечная лира
При часе закатном, алом как кровь.

О ливневой мягкой и влажной прохладе,
О горных вершинах, о песнях листвы,
О том, что любили, что с верой искали,
О том, что во смерти забыть не смогли.

Когда-нибудь каждого кончится время,
Когда-нибудь всем нам придется уйти.
Удариться и достучаться до неба,
Погаснуть, как гаснут свечные огни.

Чтоб там, в невесомом высоком просторе,
Туманистой дали среди облаков
Рассказывать, слышать о солнце и море,
Добро снова чувствовать, помнить любовь.

Эльвира ЛАТЫПОВА

Незнакомка

Все женщины мира в картине Крамского.
Изящество, роскошь, таинственность, мода.
Все женщины мира — одна «Незнакомка».
Уверенность, сила, надменность, свобода...

И Аничков мост перед нею тускнеет.
Достоинство Женщины в каждом штрихе.
Пленительный образ ее не бледнеет,
Она бесконечна в своей глубине.

Нет смысла оспаривать кто же прообраз:
Все женщины мира слились воедино.
И истинной Женщины подлинный образ
Вбирает в себя всю загадку картины.

Константин КИКТЕНКО

Через век

Сто лет прошло,
А я опять вернулся...
И дом старинный
Ото сна очнулся...
Со скрипом дверь
Открылась,
И мышь в нору
Забилась...
Лежит лишь пыль.
Здесь света нет.
Остались тишина и быль.
Безмолвие играет свой сонет.
Здесь тени не мелькают.
Душа тихонько замирает.
С портрета улыбается корнет...
Сто лет прошло...
А я посмел вернуться,
И грустно мыслям улыбнуться...
Как быстро время пролетело,
Век — век сменяет оголтело.
Теперь лишь хочется назад...
Но поздно, жизнь чеканит шаг.
Опять кружится в вальсе снег,
А я вернулся через век...

Татьяна ЕРМИШКИНА

Откружили зимние метели,
Отгремел весенний майский гром,
И приходит радостное лето,
С криком ребятни врываясь в дом.

Здравствуй, долгожданное, родное,
Ты встречаешь нас своим теплом,
Будем отдыхать и веселиться
И всю зиму вспоминать с теплом.

Из цветов соткет ковры нам лето,
Бабочек закружит хоровод,
До чего же ты прекрасно лето!
Жаль, что ты не длишься целый год.

Незаметно пролетят денечки,
Закружится время все быстрее,
С сожаленьем скажем: «До свиданья, лето»
Приходи обратно поскорей!

Эвелина РЯБОВА

Про Леня

Так как я человек не творческий,
И не имею семь пядей во лбу,
Можно мне сказать чуть-чуть пророчески,
Изложить проблему свою.
Думаю, всем нам знакома
Мать гениальных идей,
(Кстати, она и глумится
Над трудолюбьем людей).
Эта тетюшка губит таланты,
Опуская нас вниз на ступень.
(А еще мы с ней дуэлянты)
Ее имя простое — Леня.
С этой женщиной каждое утро
Просыпаюсь глаза в глаза,
И каждое утро пытаюсь
Отодвинуть ее назад,
Но к моему сожаленью,
Не всегда я могу устоять,
И поддавшись ее движенью,
Закрываю глаза и ложусь снова спать.
Не поймите меня неверно,
Я не так уж ленива, отнюдь.
От лени в душе моей скверно
Так, что в ночь не могу уснуть.
И вот, каждое божье утро,
Я пытаюсь тебе сказать:
«Эвелина. Ведь это не трудно
Взять ручку и написать».
Надеюсь, что все же однажды,
Я смогу побороть эту леня,
И несбывшиеся надежды
Воплощу в свой чудный день!

Иван ЛЕВЧЕНКО

Пенье птиц и аромат сирени,
Море красок, звучная капель
Прогоняют старые метели,
Прогоняют скуку, мрак и лень.

Свежий воздух, чистый и весенний,
Пробуждает словно ото сна,
Муза нам приносит вдохновенье,
Это значит, — вновь пришла весна.

Пусть как можно дольше будет длиться
Это время радости и грез,
Пусть и дальше людям будет сниться
Светлая любовь с букетом роз.

Камила БАГУМАНОВА

Мальчик-гений

Шутка

Нас связывает только абсолютное прошлое. Положительное...даже больше нуля.

С таким количеством слов после запятой... что выходит за тетрадный лист, за его поля.

Эта иррациональность не входит в твои промежутки, области, предельные допустимости.

А я все еще надеюсь, авось повезет, ведь в холодных расчетах есть свои прелести, милости.

Вот сижу тут и высчитываю трения, КПД и прочие глупости.

Рисую графики, вероятности, отмечаю выпуклости, бесполезные впуклости.

Делаю все чтобы забыть. Но мысли мои как будто окружности с радиусом длиною в твои сообщения, песни и прочие дурости.

И когда-нибудь, все уляжется, обратится пустым множеством.

Я не вхожу ни в одно ОДЗ, не являюсь тебе правильным тождеством,

Верным решением, сыгранной партией, полной симметрией и производной.

Легко заменяюсь другой переменной, более нужной и более годной.

Так иди и играй в свою математику, выводил законы, составляй теоремы.

Мне не нужны твои доказательства, я и так причисляюсь к миру богемы.

Наслаждайся константами, прочими бабами, решай уравнения до посинения.

Увидимся в плоскости, новой реальности, где ты не играешь в мальчика-гения.

Денис КАФКИАНСКИЙ

Сердце бешено бьётся разорвавшейся дробью,
Раздирает до кашля непомерная злость.
Лёд становится снегом, крик становится воплем,
Словно вставшая в горле кость.

Крайний Север толкает на крайние меры
Растекается в небе пламя новой зари.
Всё сковало морозом.. ни надежды, ни веры
Не говоря о любви...

Вгрызаясь
До окровавленных дёсен
В места
Навсегда
Покинутые
Я вижу как
Двадцать пять диких вёсен
Свисают над головой
Гильотинами

Как рушится небо
Гремя облаками
Как солнца кусок
Выданный
Дробясь на осколки
Воет волками
Февраль разрезая
Бритвами...

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Богдан ХАРИСОВ

МБОУ «Лицей»

Коренные народы Севера

*Берегите эти земли, эти воды,
Даже малую былиночку любя.
Берегите всех зверей внутри природ,
Убивайте лишь зверей внутри себя.*

Е. Евтушенко

Мы живем в многонациональном государстве, где на огромной территории соседствуют друг с другом самые разные народы. Некоторые из них занимают большие площади, либо их представителей можно встретить в любой точке страны. Но есть и те, которые живут только в определенном месте. Образ жизни, склад, обычаи и культура настолько отличаются от привычной нам, что мы порой не понимаем, а как они умудряются жить в современных условиях. Самобытность, своеобразие и какая-то независимость — отличительные признаки этих народов, которых называют «коренными». Изучая культуру и образ жизни таких людей, мы не только узнаем исторические факты о том, как заселялась и развивалась наша местность, но и начинаем постепенно понимать, что у нашего беспокойного мира есть другая сторона — своя, необычная, наполненная каким-то внутренним природным спокойствием, размеренностью. Эти народы живут по своим правилам, соблюдают обычаи, незаметно сохраняя самобытность. Чудеса техники до них доходят, но при этом ничто пока не заменит им привычный образ жизни и традиционные занятия. А самое главное — эти люди очень бережно относятся к природе, потому что понимают, что полностью зависят от ее сил и даров.

Ханты и манси — представители коренных народов Севера — места, где я родился, где живут мои родители. Маленькая Родина, о которой хотелось бы узнать, как можно больше. Манси (вогулы) относятся к семье финно-угорских народов. Ханты и манси называют обскими уграми, а их язык — обско-угорским. За все время существования они не только не потеряли своего своеобразия, какой-то оригинальности, а, наоборот, создали самобытную культуру, ставшую отражением суровых природных условий через фольклор и даже мистику. У них есть свои обычаи, религиозные верования, особенности одежды, которая украшена орнаментом, где каждый элемент что-то означает. Но самое главное — это передаваемые из уст в уста песни, сказки, легенды, которые совсем не похожи на русские народные.

Многие исследователи, писатели занимались поиском и изучением фольклора коренных народов Севера. Одним из таких исследователей, который донес до нас результаты своих трудов в форме красивых и содержательных литературных произведений, стала Маргарита Кузьминична Анисимкова. Ее называли «собирателем устного народного творчества народов Обского Севера».

Маргарита Кузьминична Анисимкова — автор многих книг, мансийских сказов, повестей и исторических романов. Она была членом Союза писателей СССР, носила звание «Почетный гражданин города Нижневартовска». Первая книга, которая принесла ей известность, называлась «Мансийские сказы». Югра всегда притягивала внимание писательницы своей самобытностью. Она ездила на стойбища, бывала в чуме у манси, слушала их сказы и толкования о жизни. Благодаря ее произведениям можно многое узнать об образе жизни коренных народов Севера. Обратимся к сказам «Жили-были сосновые братья», в которых тесно переплелись сказочные мотивы, волшебство, мифология, но в то же время были затронуты извечные проблемы борьбы Добра и Зла, любви, взаимопомощи, хороших и плохих человеческих качеств и поступков. Читая сказ за сказом, будто окунаешься в этот чудесный мир без интернета, телефона и телевидения.

Манси живут в чумах.

«Поставили сосновые братья чум...»

«Откинул он в чуме шкуру, заменяющую дверь...»

Маргарита Анисимкова сумела воссоздать настоящий мир, обстановку, описать образ жизни народа манси. В большинстве своем это гостеприимные люди, которые всегда рады новому человеку, с удовольствием угостят традиционными блюдами — строганиной и нельмой. Потом предложат отдохнуть на лежанке из пихтовых веток, погреться у огня. Основу жизни народов манси составляют охота и рыбалка. Очень интересные сравнения использует писательница: «Бегал маленький братик, как горностай...» «Сосновых братьев» сравнивает с «быстроногими оленями». Мы убеждаемся, что образ жизни и мир этих людей крепко связан с природой, началом всех начал. Поэтому они прислушиваются к каждому звуку, сигналу, который подает им окружающий мир. И с огромным недоверием и даже испугом относятся к вторжению современности, например, появлению «людей на чугунных котлах».

Маргарита Анисимкова так говорит о коренных народах Севера: «В моем представлении они всегда были сказочными людьми, простодушными и в то же время мудрыми, любящими природу и все живое. Они трудолюбивые, умелые охотники и рыбаки...» Такие теплые и душевные слова мог сказать только тот человек, который по-настоящему любит свой край, Родину, людей, которые здесь живут. Мы же, обращаясь к ее произведениям, сами учимся любить землю, на которой родились, уважать людей, которые сумели через века пронести и донести до нас свою культуру.

В НАШЕЙ ПАМЯТИ

Лидия ТАСКАЕВА

*Ушел наш друг, и мы душой скорбим...
Мириться с горем просто невозможно...
Свечу зажжем и в память помолчим...
Ветераны педагогического труда*

Солдатам войны — дедам и отцам

Мне кажется: мы не осознаем
Их подвиг, их величие и славу,
И до конца не воздаем
Дань памяти, положенной по праву.

Нам трудно вспоминать и говорить
О тех годах, суровых и жестоких,
Когда они, лишь начиная жить,
На поле брани падали до срока,

Когда они, безусые юнцы,
Не испытавшие любви и ласки,
Стояли насмерть, как богатыри из сказки,
Могучей нашей Родины бойцы.

Они шагнули прямо в небеса,
Большими молчаливыми рядами,
Мне горько, что они не до конца
Отпетые, оплаканные нами.

Не только в дни торжественных парадов,
Когда на сердце и в душе светло,
Мы каждый миг должны быть с вами рядом,
Дарить свое вниманье и тепло!

О любви

Вам не понять глухого одиночества,
Не выдуманной, истинной тоски,
Когда единственное в жизни, то, что хочется —
Почувствовать тепло твоей руки!

Когда не надо слов и объяснения,
А лишь прижаться к сильному плечу,
Почувствовать то сладкое волнение,
Понять всем сердцем то, чего хочу.

Где звезды блекнут и сияет Солнце,
Где в миг сама становишься Звездой,
Зарю встречать в рассветное оконце
Поднявшись над ненужной суетой...

Пусть не коснется Вас уныние,
Пусть уходит прочь тоска.
Пусть небо будет ярко синее,
Друзьями — лес и быстрая река!

Пусть жизнь течет, спокойная и мудрая,
И каждый день приходит радость, смех,
И просыпаясь ранним свежим утром,
Поймете то, что Вы — счастливей всех!

Лариса ТЕЛЕГИНА

Автор православной публицистики «Где небо касается земли. Записки паломницы», «Дивен Бог во святых своих» и др. Обладатель Гранта Президента РФ, Лауреат национальной премии Президента РФ в номинации «Лучшие учителя России», г. Нижневартовск

Ностальгия по весенним лужицам...

Раннее утро... Еду в храм на службу. Сегодня вторник Светлой Седмицы, а значит — праздник Иверской иконы Божией Матери. Из окна автомобиля любуюсь нашим городом, какой же он уютный, ухоженный, чистенький... Солнышко вовсю пригревает. Весело поют птички! Дороги такие сухие, по обочинам нигде нет ни грязи, ни лужицы...

Лужицы. ... Всплывают в памяти картинки детства. Весна. Тает снег. Кругом лужи — большие, маленькие, а в некоторых местах просто огромные. Любили мы с ребяташками пускать кораблики в этих самых лужицах. На память приходит детское стихотворение Агнии Барто:

*Матросская шапка, Верёвка в руке,
Тяну я кораблик По быстрой реке...*

«Быстрая река» — это для нас, детворы, — лужа во дворе. Резиновые сапоги по весне долго не снимали: снег таял медленно, как-то постепенно, воды было много. Весеннее половодье безудержно нас радовало! «Весна идёт, весне дорогу!», — декламировали мы стихи русских поэтов-классиков... А если, бывало, что порезали случайно резиновые сапоги (где-то в этой самой лужице невзначай на стекло наступили), и они начинали течь, пропускать воду, то ноги постоянно были мокрыми. Но вот ведь странное дело: дети почти не болели, и школа на карантин не закрывалась. ... Это было в далёком детстве...

Но и в мои зрелые годы была та же самая картина — целое море воды по весне! И я брела от своего дома до школы очень долго, боясь, как бы ни опоздать на уроки. Ноги прямо застревали в этом мягком, рыхлом, подтаявшем снегу! Бывало, и в сапоги загребала снег. А по крышам весело звенела капель: «Кап-кап-кап... Кап-кап-кап...». Сосульки таяли, сверкая хрустальной красотой. Ну как тут удержаться и не полизать эту вкусную ледяную сосульку, переливающуюся в лучиках весеннего солнышка? И долго-долго звенела капель по весне. ... И долго-долго держались на земле, просыпающейся от зимы, весенние лужи. И долго-долго кругом была вода.

Была. ... А вы помните это время? Где же сейчас всё это? Вот и в этом году с наступлением весны снег сошёл очень быстро. Воды не видать. Луж во дворах тоже не стало. «Ну и что?», — скажете вы и будете, наверное, правы. Вроде бы, это неплохо: грязи мень-

ше. Но вот ведь что печально: не пускают больше наши дети кораблики по лужицам. Им теперь не до них: их ждут компьютерные игры, закаченные в сотовые телефоны, смартфоны, планшеты. Игры, в которых стреляют, убивают, преследуют разные чудовища... Грустно как-то, что это — мир их детства. Особенно, весной!

Земля нынче обнажилась из-под снега рано. На дорогах везде сухо. Воды нет. Словно суховей пролетел над городом, да и осушил всё вокруг. И резиновые сапоги не достаём — за ненадобностью. Лежат себе, не востребованные. Радуются люди: сухо, скоро туфли наденем. ... И лишь немногие задаются вопросом: «А что, собственно, происходит, почему снеготаяние прошло так быстро, моментально?»

Как утверждают учёные, нас ожидает глобальное потепление. Мы почти не ходим пешком, разучились. ... На улицах множество машин, автомобилей, автобусов. В них работают двигатели, горит топливо. Выхлопные газы, попадая в атмосферу, нагревают её. Сегодня у всех у нас сотовые телефоны. От них, как известно, поднимается температура тела. У всех — микроволновки, электрические чайники, кондиционеры. Мы греем воздух. Нам жарко в квартире, в офисе, в автомобиле — мы включили кондиционер, нам хорошо. Стараемся облегчить свою жизнь, чтобы нам было комфортно. И не задумываемся: а каково же природе? Как там деревьям, птичкам, насекомым? Естественный тепловой баланс нарушается. Все это излучение способствует — в немалой степени — нагреванию воздуха, поднятию общей температуры. «И жаждет сухая земля дождя...», — читаем в Пророчествах. Когда-то старцы предупреждали: «Земля горит от наших грехов». И ещё предупреждали, что в последние времена воды не будет. Вода — это жизнь. «Близ, при дверях», — вспоминаются Евангельские слова.

Да, мы многое не замечаем в нашей быстротечной жизни! «О, снег стаял! Как быстро!», — восклицаем мы. А, может, стоит серьёзно задуматься над тем, что происходит с нами, с жизнью нашей? Дать правильную оценку своим поступкам. И поспешить скорее в храм. На исповедь. Очиститься от грехов в святом таинстве покаяния. Ведь экологические катастрофы возникают не сами по себе. Нарушен общий дисбаланс жизни на нашей планете Земля. Всё вокруг взаимосвязано. Полюбим же нашу планету, нашу землю, наш общий дом и будем беречь его! И пусть все природные процессы протекают так, как это задумано Творцом!

О, свято-Данилов монастырь, ты сердцу моему дорог...

Каждый раз, приезжая в Москву на Международные Рождественские Образовательные чтения, я стараюсь побывать в свято-Даниловом монастыре — старейшем монастыре столицы, основанном князем Даниилом Московским в конце XIII века. Этот монастырь мне очень дорог и близок. Дорог потому, что в нём я возношу молитвы о своём любимом первом внуке Данииле, прошу его Небесного покровителя, чтобы помог мне воспитать внука в православной вере.

Святой благоверный князь Даниил Московский, моли Бога о нас!

Как-то в один из своих приездов в свято-Данилов монастырь, в церковной лавочке, что расположена на первом этаже храма, я приобрела иконку Небесного покровителя своего внука — святого благоверного князя Даниила Московского. Осветила её на мощах князя Даниила Московского. Хотя сами мощи, говорят, утеряны, а в раке лишь частица его святых мощей. Это одна из главных святынь монастыря, которая находится на втором, верхнем, этаже церкви Святых Отцов Семи Вселенских соборов. А ещё там имеются и другие святыни: частицы мощей святителей Николая и Спиридона. В этой церкви очень красивы и убранство, и росписи на стенах, и иконостас. А на первом этаже храма имеется икона и бархатный башмачок Спиридона Тримифунтского, который подарили монастырю жители острова Корфу. Возле него всегда бывает много паломников.

Интересна история свято-Данилова монастыря! По свидетельствам историков, Данилов монастырь основал московский князь Даниил, сын Александра Невского, в конце XIII века. Первой постройкой обители был деревянный храм в честь преподобного Даниила Столпника. В обители находилась библиотека, позднее перенесённая в ризницу Спасского монастыря в Кремле. В ней имелось много древних книг. В 1293 году монастырь был разорён во время похода Золотой орды на Северо-Восточную Русь. После смерти князя Даниила его похоронили на общем монастырском кладбище. В 1652 году монастырь обрёл мощи князя Даниила. Патриарх Никон со священным собором прибыли в Москву и вскрыли могилу, а мощи святого перенесли в храм семи Вселенских соборов в деревянную гробницу у правого клироса. Имеются интересные сведения, что после вступления французских войск в Москву в 1812 году ризницу монастыря вывезли в Вологду, а казну — в Троице-Сергиеву лавру. При отступлении наполеоновские войска похитили оклад с гробницы князя Даниила. Новую серебряную вызолоченную раку для мощей изготовили в 1817 году.

В XIX веке при обители открыли бесплатную церковно-приходскую школу для бедных, состоявшую под надзором Московского

Кирилло-Мефодиевского братства, а в конце XIX века в Даниловом монастыре был устроен приют для монашествующих. В 1902 году его преобразовали в общемонастырскую больницу для служителей Московской епархии. Вскоре больничные палаты соединили с надвратной церковью преподобного Симеона Столпника. До революции у монастыря были свои земли. После революции 1917 года, летом 1918 года, в связи изменением государственного строя имущество монастырей было национализировано и передано в пользование верующим. Храмы Даниловской обители стали приходскими, собственность и земли были конфискованы, но монастырская жизнь продолжалась.

В первой половине XX века история свято-Данилова монастыря просто ужасает! Из достоверных источников известно, что в помещениях монастыря в 30-х годах начал работу приёмник-распределитель для беспризорных детей. Сюда свозили детей, и по специальному приказу было велено разлучать братьев и сестёр, а также даже знакомых между собой детей. В детприёмнике дети болели, умирали, и их там стали хоронить. В Даниловом монастыре известно место у стены, где были найдены останки множества детей. На этом месте построена часовня.

Во второй половине XX века здания монастырского комплекса пришли в ветхость, разобрана колокольня, разорена надвратная церковь, Троицкий собор лишился глав... В монастыре в это безбожное время размещались несколько организаций: центр временной изоляции несовершеннолетних преступников, специальная научная реставрационная мастерская «Союзреставрация», филиал завода «Искра». После смерти Генерального секретаря ЦК КПСС Леонида Ильича Брежнева Данилов монастырь был возвращён Русской православной церкви.

Начались восстановительные работы в сей святой обители, для чего Указом Святейшего Патриарха Пимена была образована комиссия по реставрации и строительству Данилова монастыря. Её председателем назначили митрополита Таллинского и Эстонского Алексия. В 1986 году восстановленный Троицкий собор и монастырь посетил митрополит Феодосий (Лазор), предстоятель Американской православной церкви. Он передал обители частицы мощей князя Даниила, которые ранее принадлежали Феодору, а с 1932-го находились в Америке.

Летом 1988 года, к 1000-летию Крещения Руси, отреставрировали иконостас в храме Святых отцов семи Вселенских соборов, построили Надкладезную и Поминальную часовни. Создан монастырский музей, в котором хранятся рукописные и старопечатные книги, портреты и фотографии, личные вещи, принадлежавшие насельникам Даниловой обители.

В настоящее время при монастыре открыта Воскресная школа, работают катехизаторские курсы для взрослых, центр духовного

развития молодёжи, регентско-певческие курсы и звонарского мастерства, художественные мастерские. Свято-Данилов монастырь — ставропигиальный мужской монастырь. Сегодня он является духовно-административным центром Русской православной церкви. На его территории расположены отдел внешних церковных связей и Синодальная резиденция, в которой проводятся заседания Священного синода. В архитектурный ансамбль монастыря входят храм Святых отцов семи Вселенских соборов, Троицкий собор, Церковь Симеона Столпника, Церковь Всех Святых в Земле Российской просиявших, Церковь преподобного Серафима Саровского, Поминальная часовня, Надкладезная часовня, возведенная в 1988 году на монастырской площади в честь 1000-летия Крещения Руси.

Так получается, что этот монастырь я посещаю только в зимнее время. Вот и в этот свой приезд на Рождественские чтения в Москву я побывала в любимом монастыре. На территории свято-Данилова монастыря стоит Рождественская красавица — ёлка. Падает мягкий пушистый снежок... Мы неторопливо гуляем по территории свято-Данилова монастыря. Фотографируемся на память. Просим помощи в своих нуждах основателя обители — святого благоверного князя Даниила Московского.

Святой благоверный князь Даниил Московский, моли Бога о нас!

ЛИТЕРАТУРНОЕ НАСЛЕДИЕ. ДРАМАТУРГИЯ

Татьяна ТЕТЕРЕВКОВА

Тюмень

Князь светлейший...

Театральная адаптация исторического романа М.К. Анисимковой "Порушенная невеста". Автор — Т.И. Тетерева.

Звучит музыка

Петербург гудел, как пчелиный рой. На каждом углу и перекрестке только и говорили о ссылке светлейшего князя. По указу государя Александра Даниловича Меншикова с семейством на поселение в Березов отправляют. И где этот Березов? И кому светлейший стал поперек дороги? Кабы жив был царь-батюшка — Петр Алексеевич, не допустил бы такого поругания.

— У нас на Руси все с ног на голову ставится. Пошто мы таких людей в Сибирь гноить шлем? Туда разбойников шлют, убивцев, и туда же самого светлейшего князя! Да еще с детьми! Две дочери и сын. Они-то тут при чем!

Не сразу смог осознать светлейший, что он, Светлейший Князь, персона из ранга неприкосновенных, после сорокалетнего пребывания около царского трона, враз лишился всего: не генералиссимус, не член Верховного Тайного совета, не президент Военной коллегии, не генерал-губернатор Санкт-Петербурга не тесть будущего императора. Он был лишен всех чинов, он стал никем.

А по земле шла весна 1728 года... Впереди была дальняя неизведанная дорога. В Сибирь. Ну, а пока Меншиковым надо было добираться до Тобольска.

По мере того, как один день сменял другой, Князь все больше убеждался, что в жизни его произошел крутой поворот и возврата к прошлому больше уже не будет. Он вдруг почувствовал себя птицей с перебитыми крыльями. Да и жена, княгиня Дарья Михайловна, по дороге в Тобольск тяжело заболела и ослепла. Князь сидел подле, не выпуская ее руки из своей. Княгиня открыла глаза, попросила позвать старшую дочь Марию и оставить их. «Дочь моя, не оставляй отца. Он без меня будет совсем одинок! Не сердчай на отца, что он ПРОТИВ рода Долгоруковых. Я даю вам с князем Федором Долгоруковым свое благословение...».

Песня «ПЕРЫШКО»...

Это были последние слова княгини Дарьи Михайловны, жены и матери... Вдруг, будто с облаков, донесся благостный звон тобольских колоколов.

В Тобольске семейство опального князя устроили в остроге, более или менее, по-человечески. На три раза перемыли и выскоблили ножами полы в двух камерах. Но уснуть никто не смог. Полчища клопов повели такое отчаянное наступление, что семейство утром застали спящими на улице под телегами.

Взглянув на губернатора Тобольска Михаила Владимировича, княжна Мария Александровна, закрыла лицо руками. Ее Федор был очень похож на своего дядюшку. "Она! Федор не мог полюбить другую. — мелькнула мысль у губернатора. — Божественной чистоты дитя. — И на мгновение представил, что может статься с этой нежной красотой в далеком Березове... Пятиминутный визит к губернатору изменил все в Тобольском пребывании семейства светлейшего князя. Были закуплены проверенные в плавании по Оби дощаники, или как называли их в народе, — "осетрины". Их размеры позволяли устроить там постели, лавки, столы. Закупили провизию. «Богат сибирский край — подумалось Князю. — Вот куда надо глядеть. Да и я мог бы побывать здесь и умножить казну России, а ведь даже в голову такая мысль не приходила».

Звучит музыка

Княжна пришла в Тобольский Софийский храм к заутрене. Мария Александровна упала перед священником на колени. "Господь наделил меня любовью. Я умираю от любви".

— Кто твой избранник? — чуть слышно спросил духовник.

— Князь Федор Долгоруков. Племянник губернатора Тобольска. Я знаю, все на свете может измениться, неизменной была и будет только наша любовь. Услышит ли он мой зов из заснеженной Сибири?

Мария вспомнила их первую встречу с Федором.

Звучит музыка

Все случилось неожиданно-негаданно. Ноябрьским студеным днем Дарья Михайловна вместе с дочерьми из имения на Полтавщине возвращались в столицу. «Я слышу, маменька! Я слышу ЕГО голос! Это он, он здесь, рядом»!

С шумом распахнув дверцу кареты, Мария Александровна выпрыгнула, обежала вокруг берез и, охватив одну из них, медленно стала опускаться на колени. Ее лицо было белее березовой коры. Широко распахнутые голубые глаза, обрамленные густыми ресницами, пушистые, похожие на полумесяц брови, густые выбившиеся завитки волос — все это заставляло видеть красоту, которую зовут божественной.

— Что стряслось с вами? — спросил подбежавший офицер, подавая княжне руку. Машенька, посмотрев на него, вздрогнула. «Он!» — прошептала она, принимая руку.

— Бог мой, ваш вид ввел меня в полное смятение, — прикасаясь губами к холодным пальчикам княжны, проговорил молодой человек.

— Готов служить вашей светлости сколько угодно.

Они медленно шли по разноцветному ковру осенних листьев. У молодого офицера, князя Федора Долгорукова ликовала душа. Встретившись взглядом с княжной, офицер смолк. Ему показалось, что он никогда еще в жизни не видел столь прекрасного лица, на котором так живо отображалась бы святая невинность; глаз, в которых так светло горел бы огонь всех добродетелей. Неожиданно для всех князь бросился перед княжной на колени и стал целовать ее руки. Но наутро, когда проснулась Мария Александровна, князь уже отъехал.

— Не может этого быть! Я по его глазам видела, я в них ВСЁ прочитала!

Князь утром многократно подходил к избушке, да не осмелился потревожить сон княжны. Он торопился. Его ждала императрица.

— Папенька, мне послал его Господь! Я знаю, что он не забудет меня. Никогда! Знаю!!! — Я хочу, чтобы ты знал. Я люблю Князя Федора Долгорукова.

— Опомнись, Мария! Этому не бывать! — И когда Меншиков узнал о том, что Долгоруков собирается тайно уехать с Марией в Италию, по его ПРИКАЗУ князь Федор был схвачен и посажен в Шлиссельбургскую крепость.

— Сиди тихо! И молчи. Ты сидишь бесфамильно, без роду и племени. Можешь остаться тут навсегда. Много здесь князей таких!..

— Папенька, куда вы дели князя Федора? Я люблю его, больше жизни люблю!

Александр Данилович растерялся, схватил дочь в объятия, прижал к груди, замер, чувствуя, как вздрагивают ее плечи. На глаза светлейшего навернулись слезы. Он не мог понять, чье сердце стучит сильнее: его или дочери.

Звучит песня

Остался позади Тобольск с храмами и колокольным звоном, с кремлем и золотыми куполами. Впереди тысячеверстная дорога водой. Велики реки Сибири — Обь и Иртыш. Сколько воды они несут в океан. Сколько страха наводят на человека крутые волны. И все равно человек воздает им хвалу: поет песни, слагает былины, называет кормильцами. А сколько народу прошло по их берегам — с молитвами и слезами... Во всю необъятную ширь расстилалась РУССКАЯ ЗЕМЛЯ — СИБИРЬ-МАТУШКА...

Княжич Александр, один из всего семейства, был в полном восторге от плавания. После осторожных камер плавание доставляло удовольствие, но так продолжалось недолго. Сторона северная, студеная и дальнейшее плавание было тяжелым из-за непогоды: казалось, что солнечные лучи уже никогда не проникнут через громаду черных туч.

Звучит песня

Березов был заложен в 1593 году как крепость-острог для сбора ясака Московскому государству. Место это было выбрано не случайно: по березовскому тракту, который служил продолжением Верхотурского, шла бойкая торговля с горнозаводскими районами Урала. Торговали мехами и рыбой, получая взамен промышленные товары. На реке Сосьве, среди хвойного леса, разместился этот городок.

Весть о том, что в Березово прибыло семейство светлейшего князя Меншикова, никого не оставило равнодушным. Всякому хотелось посмотреть на человека, жившего в царских дворцах, на того, кто был одним из самых богатых людей в государстве. Возле избы Пряничникова, где остановилось семейство, валом валил народ.

— А куда семью-то с прислугой?

На воеводстве в ту пору сидел бывший поручик Преображенского полка Николай Степанович Шульгин. Ему в предписании было четко сказано: "определить в острог".

— Велено в острог!

— Токо он у черта на куличках, да в нем лет осемь никто не сидел. Сырь, поди.

— Придется его обихаживать.

— Пока-а-а там печки протопят.

Острог, построенный в 1724 году, незадолго до смерти Петра Первого, был с самого начала предназначен для содержания в нем государственных преступников. Березовские мещане не без любопытства глазели на семейство князя, поселившегося в остроге.

— Бают, старшая из княжон — царская невеста. Царь-то ей при обручении кольцо одевал.

— А потом, по дороге в ссылку, велел отобрать.

— Пособить бы чем, да боязно. — Сразу в Петербурге известно станет.

— В Петербурге не в Петербурге, а уж в Тобольске — точно узнают.

— А тогда попробуй оправдайся...

— А ещё бают, что испрашивает князь разрешения построить собственную избу возле острога, да еще есть намерение у него Божий храм там поставить. Храм, говорит, поставлю всем на загляденье.

— Грехов-то, чай, на душе много, денно и ночью замаливать надобно.

— Мария-то Александровна — экой красоты неопишущей! Блюсти ее надо пошибче опального князя. Мало ли какие перемены?!

— Всеж-таки царская невеста, хоть и бывшая ...

— Светлейшего стало беспокоить здоровье старшей дочери Марии. В остроге-то сыро, как в подполье. После хором да сразу в острог.

«А зима еще вся впереди, — думал Александр Данилович. — Избу-то ради детей строить надобно, да поскорее. Мне, грешному, в этом остроге гнить судьба распорядилась, а дочерям жить еще...».

Звучит песня

Княжна Мария Александровна проснулась и, вскочив с постели, ступая босыми ногами по промороженному полу, подбежала к двери и застучала в нее кулаками. Все знали: Мария Александровна опять увидела во сне князя Федора, будто скачет он на белом коне и погоняет, погоняет лошадь плеткой. Лошадь-то будто как подскачет над землей да как полетит!

Продолжение песни

Проваливаясь в снег, Мария Александровна побежала к берегу Сосьвы с отчаянным криком, ветер в ярости хлестал ей в лицо: «Федор! Федор! Я слышу твой голос! Моя любовь к тебе тоже вечная... Я тоже не забыла тебя! Я тоже печалюсь и горюю о тебе! Я слышу тебя!... Слышу...»

В келью острога Марию Александровну принес один из холопов. Два дня она лежала неподвижно, время от времени произнося помертвевшими губами имя князя Федора. У Марии Александровны начался сильный жар. В полутемной келье было душно от сырости, от продуваемых ветром бревенчатых стен, несло холодом. В углах на потолке появились белые «зайчики» — изморозь. Александр Данилович обернулся к светлому лику Божьей Матери: «Помоги, Матерь Божья, справиться детям моим с хворями. Пришли их душам успокоение».

Звучит музыка

Князь Долгоруков, как только узнал, что семейство Меншиковых отправлено в ссылку, в какой-то Березов, тут же, не откладывая, отправился в Сибирь, к Марии, к его дорогой Марии. «Бедная моя Мария, — шептал он. — Жду не дождусь, когда прижму тебя к своей груди. Видит бог, боюсь за твою жизнь». Он молился так горячо, как никогда не молился в жизни. «...В какое ледяное царство отправили тебя, бедная моя Мария! Тебя, безгрешную былинку!». Хрупка княжна, хрупка! Разве ей, этому цветку, жить в этом заброшенном краю?

И опять поплыли снега. Скрипели перемороженные ремни упряжки, блестели серебряные следы от нартового полоза. Уставшие олени, погоняемые редкими окриками, бежали по бездорожью к человеческому жилью. В Березов, над которым, как голодная волчица, выла метель, вбегали упряжки, а на них похожие на снежных истуканов — князь Федор Долгоруков со своим денщиком Мирном Скобелевым. Князь Федор, давно готовивший себя к встрече с Меншиковым, был готов ко всему.

Распахнулась дверь, и в горницу вошел светлейший князь в большом овчинном тулупе и обутый в меховые кисы, сшитые... В

первое мгновение Александру Даниловичу показалось, что князь Федор ему померещился.

— Здравия желаю, светлейший князь Александр Данилович! — услышал он и узнал голос князя Федора. Трудно было понять, какая буря чувств всколыхнулась в его душе. Все перепуталось, перемешалось, но князь Меншиков не потерял самообладания, хотя и стоило ему это немалых сил. Кровь стучала в висках, лицо пылало жаром. Князь Федор мгновенно преклонил колени и припал к княжеской руке.

Мария Александровна заметалась между отцом и князем Федором, вспомнив самые черные минуты их встреч.

— Ты взгляни на нашего батюшку, видишь, как он милостив. В нем нет прежней суеты и высокомерия. Он стал земным человеком. Это несчастье даровало нам отца.

— Здравствуй, сын мой, — с достоинством ответил Александр Данилович, не отнимая руки. И если бы кто-нибудь два года назад смел предсказать светлейшему князю, что он станет называть сыном кого-то из отпрысков долгоруковского рода! — Сын мой, — еще раз повторил Александр Данилович, — Нет больше злобы в моем сердце.

Образ князя Федора становился все светлее в его глазах. Но слишком хрупким казался мир счастья, создавшийся возле них. Стоит написать кому-нибудь только один донос — и князя Федора здесь не будет. А тогда, тогда... Светлейшему князю не хотелось думать, что будет потом.

Сейчас он точно знал, что именно Федор спас его от отчаяния. И как преобразилась его дочь! Сколько радости светилось в ее глазах, сколько силы в голосе. Он понимал, что без князя Федора еще большие страдания свалятся на его голову. Счастье дочери было таким зыбким, таким непрочным, что страшно было предположить, что с ней станет, не окажись рядом князя Федора. А то, что над ним сгущаются тучи, Александр Данилович не только догадывался, он чувствовал, что невидимая рука простирается над медвежьими березовскими углами.

Не один раз к нему приходила мысль отправить Марию Александровну с князем Федором куда-нибудь за границу. Никто и не будет об этом знать, покуда хватятся. Пройдет время — все образуется. Он поделился своими мыслями с дочерью и услышал ответ: «Я очень слаба, папенька». Это привело Александра Даниловича в полное уныние.

— Через неделю мне надобно плыть в Тобольск навестить дядюшку, — сказал князь Федор. Внутри у Александра Даниловича будто что-то оборвалось, почувствовалась нестерпимая боль, от которой он сощурил глаза. Заныло сердце — было трудно представить, что станет с Марией Александровной. Он готов был отговорить князя Федора от поездки, но понимал, что тому надо пови-

даться с дядюшкой, чтобы просить у него благословения — взять в жены дочь опального светлейшего князя Александра Даниловича Меншикова.

Мог ли Меншиков предположить, что дочь и князь Федор еще зимой тайно обвенчались в церкви и только ждали случая сказать ему об этом. Сейчас для молодых вроде бы был подходящий момент. Светлейший князь привык видеть рядом князя Федора и был бы не против, когда бы тот попросил руки княжны. Он даже был немало удивлен, что молодой Долгоруков об этом не ведет с ним разговора.

«Отчаянная твоя головушка, — мелькнула горестная мысль у светлейшего. — Как я противился вашим встречам! А ты был прав, когда собирался тайно бежать с Марией в Италию». Сколько же надо каяться, чтобы вымолить прощение грехов? Как воспримет княжна отъезд князя Федора? Как сказать ей об этом? Господи милостивый, помоги найти слова».

— Надобно князю Федору съездить в Тобольск. Попроведать своего дядюшку. А как воротится — мы и заживем!

«Конец. Всему конец!» — напрасно князь Федор пытался утешить Марию Александровну.

«Конец. Конец... — твердила княжна. «Не забывай меня, Федор! Не забывай!»

Звучит песня

Светлейший князь, шаркая ногами о грубые половицы, поспешил выйти за дверь острога. Но едва перешагнул через порог, как ощутил на губах солоноватый привкус крови. «Опять горлом пошла, — подумал он, обтирая рукавом лоб, орошенный капельками пота. Свежий ветер дул прямо в лицо, обдавая прохладой.

«Не сдюжит...» — думал князь о расставании княжны с князем Федором и понимал, что бессилен что-нибудь предпринять.

Собравшись с силами, он вышел за ограду, встал на берегу, откуда через распутившиеся деревья мог разглядеть стройку. — Скорей бы построить. О, Боже милостивый, ты еще не знаешь, как станет молиться твой раб Александр Данилович Меншиков, — сжалются над ним все святые.

Песня « Да исправится молитва моя...»

Жизнь шла своим чередом, время исправно отсчитывало день за днем, а вестей от князя Федора все не было. Мария Александровна на глазах у всех таяла. Только слепой мог не заметить ее страданий. Светлейший князь Александр Данилович, не мог встречаться взглядом с дочерью. Ни свет, ни заря, вставал и уходил на стройку, шепча по дороге молитвы и признаваясь себе в собственной вине перед дочерью.

Грешно и несправедливо называть эту Сибирскую землю проклятой Богом. Все, что отведено ей и ниспослано на нее высшими силами, она родит с такой щедростью, что могут позавидовать

многие обласканные солнцем земли. Яркое северное солнце манило на улицу.

Мария Александровна вышла на крутой выступ берега. Оглядевшись, уселась поудобнее на поваленную ветром березу. Внизу, ворочая волны, несла к Оби свои воды своенравная Сосьва. Мария Александровна, увидев возле кочки розоватый цветок ежевики, потянулась и ВДРУГ почувствовала, что внутри нее что-то трепыхнулось. Она приложила на живот ладонь. Жаром окатило все ее тело. Она догадалась, что в ней зародилась новая жизнь — плод любви князя Федора. "Боже, Боже!" — возбужденно прошептала Мария Александровна, прикладывая обе руки к груди. Затем стала прислушиваться к своему дыханию. Нет. Она не могла ошибиться. Она слышала, чувствовала.

Сотворилось счастье. Мы венчаны с князем Федором. Я жена его перед Богом.

Звучит песня

Александр Данилович, с недоумением глядя на Марию Александровну, вдруг отчетливо увидел, что дочь давным-давно стала взрослой. Впрочем, это ведь по его воле и желанию она, по сути, была лишена детства. Вся ее жизнь была под постоянным присмотром всевидящих посторонних глаз. Не наигралась, не насмеялась, не нарезвилась.

— Я один виноват в горестях моих детей!

Чувство вины с новой силой охватило Александра Даниловича. Это он, отец, виноват во всем. Ради своего блага, своей прихоти и желания оставаться на высоте власти использовал ее! Заставил стать царскую невестой...

Покров — первое зазимье. На этот праздник было назначено в Березове освящение церкви, выстроенной опальным светлейшим князем Александром Даниловичем Меншиковым. В Березове мало кто мог назвать и перечислить больше двух былых меншиковских титулов, но то, что он был когда-то на вершине власти и даже в опале оставался тем самым «светлейшим», от имени которого прежде трепетали в столицах, заставляло местных правителей и чиновников относиться к нему с должным уважением.

Иконостас весь светился позолотой, отливал дорогими камнями...

Душераздирающий крик дочери был внезапен и потому особенно страшен. Александру Даниловичу показалось, что от крика княжны вздрогнули не только монахи, специально прибывшие в Березов для обустройства иконостаса, но и висевшие на стенах иконы.

— Мария Александровна, доченька, — запричитал светлейший.

— Папенька, боязно мне тут, боязно.

— Не освящен храм — вот и боязно. Вот освятим, и все страхи, как рукой снимет.

Мария Александровна, цепко хватая отца за руку, поднималась с полу.

— Так она же беременна, — осененный неожиданной мыслью, поперхнулся светлейший. — Порушенная невеста! Порушенная невеста! Вот ведь до какого позора довел я свою дочь. А имел намерение, чтоб величали ее царской! И величали бы! А теперь предрешена ее судьба. Кто из высокого сословия станет брать ее в жены? Кто? Даже и князь Федор. Пока от ее красоты в угаре — на край света приехал. А как теперь будет? Уехал — и ни слуху ни духу. Разве хватит молитв выпросить у Творца прощение? — Александр Данилович почувствовал солоноватость во рту — у него снова пошла горлом кровь.

Песня «Пасхальная»...

Новоселье взбудрило семейство светлейшего князя. После низких потолков в остроге, прогнивших стен, полуразвалившегося пола, а главное, после сперттого, гнилостного запаха новая просторная изба показалась всем дворцом. Хлопали тяжелые двери в новой избе. Работные мужики и прислуга переносили в новую избу домашний скарб из острога.

— Мне бы только князя Федора вызволить, — подумал Александр Данилович и ужаснулся превратностям судьбы: разве он думал, что видеть подле себя одного из отпрысков рода Долгоруковых когда-то станет его единственным желанием. Через все бы переступил. Обвенчал бы, а потом — судите-рядите меня! А там, глядишь, и огонек спасения вдали засветился бы. Долгоруковы они всегда были Долгоруковы. Они всегда были важнейшими людьми в государстве, а потому и величаются.

Невообразимо пронзительный крик подбросил Александра Даниловича с постели. Босоногий, с взъерошенными волосами, в наспех наброшенном халате, он без стука распахнул дверь в комнату дочерей. Мария Александровна стояла на коленях подле кровати, нервными пальцами сгребая в кучу стеганое одеяло.

— Повитуху! Бегом за повитухой!

Мария Александровна казалась ему абсолютно безжизненной. Лицо стало восковым, маленький носик заострился. Он дрожащими руками обтирал орошенный потом лоб дочери, стонал в полном бессилии. Новый приступ схваток будто подбросил княжну. Она вскочила на ноги, встала во весь рост и в полном изнеможении плашмя повалилась на кровать.

— Доченька, потерпи...

Звучит песня

— С внуком тебя, Александр Данилович, с внуком. Мария Александровна, слава Богу, опросталась.

— Да нет, кажись, еще одного дитя бог посылает. Поднатужься, милая, а уж поле отдохнуть станешь. Вот радость-то будет. Вот ве-

селье-то у вас будет. Второго младенца на свет рождает такая хрупкая. Поднатужься!

И вдруг стало тихо. Так тихо, что слышно было только завывающий за стенами свист ураганного ветра, хлеставшего в слюдяные окна с такой силой, что прорвало их во многих местах. На лице обессилевшей Марии Александровны застыла блаженная улыбка, тайная и загадочная. Такой улыбкой женщину награждает высшая сила природы, ибо новая жизнь на земле предполагает радость.

— Два сыночка! Два ваших внука!

— Александр Данилович собрал в себе силы и, опираясь о стены, пошел к дочери, успокоить ее добрым словом и благословить. Однако в остановившихся глазах Марии Александровны он увидел...

— Машенька, — еле слышно произнес князь в полном бессилии, по-видимому собрав последние силы. — Доченька моя! — закричал Александр Данилович, падая на колени пред княжной.

— Папенька, мы обвенчались с Долгоруковым. Прости-и-и, — проговорила она холодеющими устами и сделала последний глубокий вздох.

— Господи, почему так жестоко? — зарыдал Меншиков, еще не до конца веря в случившееся. — Неужели так глух Господь? Я так его просил, так молил.

Неясный, испуганный шепот пролетел по комнате, и наступила мертвая тишина. Никто еще не верил в случившееся. Княжна с восковым, словно выточенным из слоновой кости, лицом лежала на кровати вытянувшись.

Александр Данилович пошатнулся, схватился за грудь, но тут же, закрыв лицо руками и встав на колени, в изнеможении, на четвереньках подполз к кровати княжны, взяв ее безжизненную руку, стал целовать, что-то причитая. Не было слез. Они высохли в его опаленных внутренним жаром глазах.

— Господи, или ты не видишь, закатилось мое солнышко. Умерла моя царица. Царица русского престола. Как бы сейчас должны звонить колокола! Как должна рыдать вся Россия!

— Бегите за звонарем, пусть звонит, не переставая!

Непреходящий плач стоял в новой светлой избе светлейшего князя.

Березовчане, на другой день, узнав о кончине молодой княжны, скорбно шли в церковь, оплакивая Марию Александровну Меншикову. Еще больше они опечалились, когда узнали, что Господь прибрал и обоих новорожденных.

Меншиков шел в сторону острога и шептал: «Долгорукова, Мария Долгорукова!» — осознавая, какая великая цепь борьбы была выстроена и как жестоко судьба разрубила тугой узел ненависти и любви. Александр Данилович понимал, что после смерти любимой

дочери он уже не оправится, что в душе у него все умерло, умер и он. Да он и не хотел возврата к жизни. Она была ему не нужна.

Тихо не стало и самого Александра Даниловича. Он подозвал своих детей: «Благословляю вас, дети мои. Не держите обиду на своего отца. И князя Федора благословляю. Завещаю вам жить в совете и любви...»

Звучит музыка

Неласково встретил князя Федора его дядюшка-губернатор Тобольска. Три дня прошло после доклада о прибытии из далекого Березова, а Михаил Владимирович все никак не мог принять племянника. «В аудиенции отказано».

Губернатор, которому, уже донесли о березовском пребывании князя Федора, демонстративно гневался. Долгоруков-старший знал, что при дворе прощенья отпрыску его фамилии за столь неожиданную выходку не будет. На четвертый день губернатор все же принял племянника.

— Ох, Федор, Федор, — сочувственно вымолвил дядюшка. Всю жизнь свою загубил, связавшись с этими Меншиковыми. А какова была карьера! — Одно твое спасение, Федор, — уехать за границу, иначе — кандалы. И не перечь мне! Не желаю слушать твоих объяснений, хотя не утаю: прелестная дочь светлейшего князя, сам видел, прелестная!

— А коли я вернусь в Березов? — с вызовом спросил молодой князь.

— Еще раз повторяю — не перечь мне! До столицы будешь доставлен под охраной! Михаил Васильевич подошел, обнял Федора и тихо-тихо сказал: — Покорись судьбе!

— Не могу, — так же тихо ответил князь.

— Все. Ступай с богом.

Когда тяжелая, резная дверь медленно и бесшумно закрылась за племянником, Михаил Васильевич смог наконец дать волю чувствам:

— Вернется в этот Березов! Вернется! Не послушает моего совета!

Столица гулом гудела, готовясь к предстоящей свадьбе молодого императора и Екатерины Долгоруковой. «Мне бы только с князем Иваном встретиться! Он — первый фаворит молодого императора! Он дела вершит. Уговорю выпросить свободу для детей светлейшего князя».

Вскороости соответствующий указ был подписан и князь Федор с огромной торопливостью поспешил в Березов, едва ли на крыльях летел.

Звучит песня

Уже стояли лютые холода, мели метели. Меняя коней на ямских станциях, он окольной дорогой миновал стольный город Тобольск.

— Скоро ли, скоро ли Березов? — беспрестанно тормозил он уставшего кучера.

Увидев купола церкви, построенной Меншиковым, возликовал, издали снял шапку, вскочил было из кибитки, но увяз по пояс в снегу.

— Мария, господи, я в ста шагах от тебя! Мы свободны! Мы можем возвращаться вместе домой!!! Любовь моя!

Звучит музыка

Печальная весть о кончине любимой Марии, ему Богом ниспосланных наследников и светлейшего князя в одночасье подкосила молодого офицера. Он сник лицом, ссутулился и многие слова говорил невпопад. Какое-то время ему казалось, что все это сон.

Понадобилась не одна неделя, когда он с помощью лекаря стал осознавать трагедию случившегося: — без Марии жизнь его не имеет смысла.

Царский указ о возвращении детей светлейшего князя выполнен незамедлительно. Был снаряжен экипаж. Княжич Александр еще по-настоящему не осознавал всего трагизма семьи, торопил всех оставить Березов, не думая, что это последнее прощание с отцом и старшей сестрой.

Князь же Федор, не скрывая печали, при всех, упал на могилу и зарыдал. «Здесь, с тобой, в этой леденящей сибирской земле, я оставил свое сердце, моя Мария!».

Так был оставлен далекий, глухой город Березов.

После возвращения князь Федор служил на Балтике, строил корабли, продолжая дело, начатое Великим Петром во славу процветания России, но в душе его никогда больше не было ни любви, ни восторга, ни ликования. Он просто жил.

Звучит музыка

Меншиковы. Долгоруковы. Петербург. Березов. История России. Историческая память Югры.

Звучит музыка.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ СОБЫТИЯ

Центральная городская библиотека Нижневартовска носит имя югорской писательницы Маргариты Кузьминичны Анисимковой. Присвоено Постановлением администрации г.Нижневартовска от 10 февраля за № 223 2014 года. Традиционно, вот уже в течение многих лет городское Литературное объединение «Замысел» собирается под ее сводами и проводит встречи, заседания, собрания, вечера. Здесь приветствуется чтение произведений русских классиков, югорских и местных нижевартовских авторов, презентации авторских книг, встречи с общественностью города, ветеранами, учащимися школ, проходят вечера писателей и поэтов. К обсуждению и разбору рабочих материалов, планов, литераторы относятся ответственно. Прежде всего — здесь рождается творчество, а благодаря консультационной помощи и работе над ошибками, редактированием материалов, будь-то стихи, рассказы, эссе, имеется возможность для новых произведений и издания их местными авторами.

2019 год особенный. Городское литературное объединение «Замысел» — встретило свой 25-летний юбилей. Отрадно рапортовать, что поставленные нами главные задачи, выполнены: это Торжественное открытие мемориальной доски имени М.К. Анисимковой, на доме по пр. Победы 3. Подготовлено собственными силами издание юбилейного литературно-художественного альманаха «Зори Само-тлора» №15 за 2019 год. Много сделано за эти годы, все перечислить невозможно. Каждый замысловец ведет портфолио, список проделанных работ, изданных авторских и коллективных книг. Общественная работа, коллективное обсуждение произведений, творческие встречи и презентации новых книг, — в удовольствие. Замысловцы, за что им огромное спасибо, легки на подъем и готовы по первому зову выехать в поселки Нижневартовского района, выступить перед жителями города и района, перед школьниками, побывать в библиотеках и учреждениях образования, — как говорится, мир посмотреть и себя показать. Каждый из них — личность.

Наша гордость — «Зори Само-тлора» — уникальное издание. Нам удаётся по возможности печатать на страницах альманаха интересные, захватывающие душу и сердце события и передавать их читателю и слушателю. К сожалению, чем дальше, тем становится сложнее издавать альманах ввиду финансовых трудностей, не теряем надежду, найдутся меценаты, понимающие значимость великого русского слова. Замечательно, что у поэтов Само-тлора есть возможность представить своё творчество широкой аудитории! Литераторы Нижневартовска получили в кругах отечественных литературоведов и критиков самые высокие оценки. «Литературный росток на ханты-мансийской земле», как писали когда-то об альманахе «Зори Само-тлора» в Союзе писателей России, «давно вырос в красивое и могучее дерево, которое оказывает существен-

ное влияние на культурное развитие общества, на духовный рост нового поколения». В век высоких цифровых технологий, действительно, трудно удержать книгочтение, однако, тем ценнее становится книга, ее бумажное издание. Замысловцы будут и дальше стремиться сеять доброе, вечное: писать вдохновенно, учить творчеству молодежь, любить Отечество и нести патриотическую составляющую, обучая подростков.

Коротко о том, что сделано за последние годы.

Литературное объединение «Замысел» совместно с городской Центральной библиотекой им. М.К. Анисимковой участвует во многих культурных мероприятиях:

— Городская Центральная библиотека им. М.К.Анисимковой и Литературное объединение «Замысел» провели торжественное открытие Мемориальной доски на доме М.К. Анисимковой.

— Первые Литературные «Анисимковские чтения» состоялись в МБОУ «СШ№18» г.Нижевартовска. Прошли на высоком уровне. Проведена презентация книги-поэмы «Сибирская жемчужина». Выступили с докладами, посвящениями, мини-сценками по произведениям писательницы. Жюри наградило лучших участников. Ответственный за «Анисимковские чтения» — зам директора, поэт ЛИТО «Замысел» Л. Абасова.

— В течение года: Участие в совместных мероприятиях городской Центральной библиотеки: — Творческие и юбилейные вечера, презентации новых авторских книг: Т.Зуева, В.Акимов, А.П.Дарьина, Л.Лексина, Л.Телегина, Л.Абасова. А.Голозубов, С.Трохименко. Они же — постоянные участники выступлений, творческих встреч, презентационных вечеров.

— Участие нижевартовских авторов в работе городской научно-практической конференции в рамках Рождественских Образовательных чтений в г. Нижевартовске; — Участие нижевартовских авторов в региональных этапах Международных Рождественских образовательных чтений, — в г. Ханты-Мансийске, Москве. — Участие в работе ежегодных окружных Кирилло-Мефодиевских образовательных чтений», г. Ханты-Мансийск.

— Участие и выступление на городских краеведческих конференциях «Шатиловские чтения». Доклады. Публикации в сборнике: «Шатиловские чтения: материалы краеведческой конференции» с 2016 г.

— Участие в городских и региональных конкурсах: в городских ежегодных творческих конкурсах «Мы из Нижевартовска...». Принимают участие в краеведческих чтениях «Западная Сибирь и современность». Произведения авторов печатаются в городском альманахе: «Зори Самотлора», окружном альманахе «Эринтур», региональном альманахе «Врата Сибири», литературно-художественном альманахе «НЛО», г. Новомосковска, Тульской области и др.

2015 г. — Проведение Международной экологической акции «Марш парков» в Городской Центральной библиотеке им.

М.К.Анисимковой. Участие замысловцев в жюри детского конкурса. Участие в Дне открытых дверей Природного парка «Сибирские увалы» на Визит — центре Хуторок. Участие в празднике «День охотника и оленевода» на Визит — центре Хуторок.

— Рождественские чтения. Православная гимназия, город Нижневартовск. Выступление с докладами.

— Май. Поэтические встречи со старшеклассниками в средней школе №2 пос. Излучинск. Проведение «Литературной пятницы» с любителями поэзии, поэтические встречи замысловцев в районной библиотеке пгт. Излучинска.

— Ноябрь. Участие в Московском литературном конкурсе в рамках фестиваля «И духом к Богу поднимись!», посвящённого памяти духовного наставника Института митрофорного протоиерея, поэта Бороздинова В. С.

— Декабрь. Участие в конкурсе «Рождество на 60 параллели». Легенды, сказки и мифы Югры. Город Сургут.

— Июнь. Туристский форум «Северные встречи». Встреча с директором Департамента ХМАО-Югры Н.М. Казначеевой за «круглым столом» городской Центральной библиотекой им. М.К.Анисимковой. Обращение писателей по поводу учреждения окружной литературной премии им. Маргариты Кузьминичны Анисимковой.

— Октябрь. Презентация авторской книги «Оплот любви Югорской Мыг» Т.Зуевой. ЦГБ им. М.К. Анисимковой город Нижневартовск.

— Декабрь. Участие в торжественном закрытии Года литературы. Дворец Искусств г. Нижневартовска.

— Декабрь. Участие в конференции, посвященной творчеству Маргариты Анисимковой. Нижневартовский строительный колледж.

2016 г. — Март. Заседание ЛИТО «Замысел». Рабочая встреча. Представление участникам «Метафоры в произведениях местных авторов», разбор произведений. «География священных мест в творчестве А. Кузьминой» в сборнике «Шатиловские чтения».

— Май. Встреча с учащимися школы № 14 с 5 «б» и 6 «А» классами. Знакомство с творчеством М.К.Анисимковой провели Кузьмина А. С., Зуева Т.Т., и др. Букреева Е. В., учитель русского языка. Классный час «Дыханье будущей строки...» г. Нижневартовск.

— Май. Творческая встреча со студентами строительного колледжа: Литературный час «Родник Югры и чистота» — экскурсия по творчеству М.К. Анисимковой. А.Кузьмина А.С., Зуева Т.Т. Куратор группы Троян О. в городской Центральной библиотеке им. М.К.Анисимковой.

— Июнь. Творческая поездка в п. Варьёган. Открытие Дома Музея Юрия Вэллы, презентована книга «Загадка Агана».

— Октябрь. Участие в Торжественном вечере, посвященном 80-летнему юбилею национального поэта Югры Андрея Семеновича

Тарханова и 50-летию его творческого пути. — г. Ханты-Мансийск (Центр искусств для одаренных детей Севера).

2017 г. — Июнь. Замысловцы побывали с выступлениями в Нижневартовском районе д. Вата. Посетили музей, окрестности деревни, узнали историю села.

— Август. Сотрудничество с поэтами Дагестана. Издание литературной страницы «Иван-чай». Книга «Две души одной поэзии», представленная двумя нижевартовскими поэтами. Встреча с жителями с. Тарумовка и поэтами Дагестана: с Хизри Дидойским, Лесей Прокопенко, народным поэтом Дагестана Косминой Исрапиловой. Центральная районная библиотека села Тарумовка. Путешествие в горы Сулакский каньон. Хасавюрт. Дубки. Статья «Кавказ — обитель для друзей» в газете «Новости Приобья». Литературная страница «Иван-чай» стихи Х.Дидойского. Вручено Благодарственное письмо главой Администрации Тарумовского района республики Дагестан «За укрепление дружбы между народами».

— Ноябрь. Участие в окружном творческом конкурсе «Моя судьба — Югорский край». Творческая работа: «Плоды трудов на благо родного города».

—Декабрь. Поездка в Нижневартовский район. Замысловцы побывали с выступлениями в д. Большетархово. Поэтическая встреча в доме культуры с жителями. Отв. А. Голозубов, С. Трохименко.

—Декабрь. Принята в Союз писателей России Т. Зуева. Вручение удостоверения.

2018 г. — Апрель. Участие в памятном вечере писательницы Маргариты Анисимковой к 90-летию со дня рождения.

— Л. Телегина награждена многими медалями православия, среди них: Медаль иконы Божией Матери «Отрада и Утешение» III степени «За труды по духовно-нравственному воспитанию».

— Сентябрь. Участие в региональной конференции «Почему я читаю Айпина». Литературоведческая статья «Писатель из рода бобра». Телемост Ханты-Мансийск — Излучинск.

— Поездка в Нижневартовский район. Замысловцы побывали с выступлениями в с.Покур. Отв. А. Голозубов.

2019 г. — Март. Теле-мост с Крымом: знакомство с поэтами Крыма, стихи о Крыме, Евпатории, рассказ о достопримечательностях Сибири, Нижневартовска. Городская Центральная библиотека им. М.К. Анисимковой.

— Декабрь. Выступление замысловцев в Литературно-музыкальной гостиной Центра национальных культур.

— Поездка в Нижневартовский район. Отв. А. Голозубов. Замысловцы побывали с выступлениями в Нижневартовском районе в п. Зайцева речка.

В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ МАСТЕРСКОЙ

Николай КУРАЧ

Член Союза дизайнеров России, Лауреат премии Ханты-Мансийского автономного округа — Югры «За развитие культуры малочисленных народов Севера», Заслуженный деятель культуры ХМАО-Югры, заместитель директора Детской школы искусств №2, г. Нижневартовск

«Югорский сувенир» — 20 лет творчества

Творческие работы художников-педагогов мастерской «Югорский сувенир» Детской школы искусств №2 известны далеко за пределами Нижневартовска. Они достойно представляют столицу Самотлора на конкурсах и выставках окружного и международного уровней. Лучшие работы мастерской украшают музейные и частные коллекции. Руководителем мастерской «Югорский сувенир» является Николай Гаврилович Курач. Увлечённость любимым делом, вдумчивость и основательность, свойственные его характеру, создают особую атмосферу, задают направление творческого поиска коллективу единомышленников. Деятельность мастерской по своему уникальна, поскольку осуществляется по двум важным направлениям: преподавательской и творческой. Это педагогический класс и художественная мастерская одновременно. Здесь работают молодые преподаватели — мастера высокого класса: Евгения Юрьевна Потёмкина, Екатерина Александровна Саликова, Жанна Ринатовна Гладий, Надежда Владимировна Сезенина, Руслан Маратович Арсланов.

За последние годы сложилась узнаваемая творческая манера, которая в той или иной степени присуща всем участникам коллектива. Её оригинальность заключается в найденном балансе сочетания принципов традиционной трактовки формы с приёмами стилизации, включением мотивов национальной орнаментики народов Севера. Данная манера стала свойственна, как профессиональным мастерам-наставникам, так и их подопечным. Материалы, из которых создают произведения мастера, это — глина, кожа, пряжа, краски, мех, ткань и дерево.

Керамика — основное направление мастерской. И именно здесь ярче всего раскрывается творческое своеобразие подходов к изготовлению глиняных изделий. Герой глиняной пластики — человек и обитатели лесов, озёр, рек сибирского края: олень, лось, белка,

заяц, сова, глухарь, гагара, утка. Активную роль играет цвет. Словно ковром покрывают красочные узоры поверхность керамической формы. Роспись производится ангобами — красками, в состав которых входит глина. Такие краски наилучшим образом соединяются с основным материалом, образуют с ним единое целое. Густой орнамент, порой спорит с формой, обволакивая её почти целиком. От этого образ получает яркую сказочную трактовку и запечатлённый в глине повелитель тайги одновременно напоминает медведя из русской сказки и главного героя священных обрядов народов Югры.

Своё триумфальное шествие мастерская «Югорский сувенир» начинает с презентации первой полномасштабной выставки «Сказочная Югра» в 2007 году в Нижневартовске. Благодаря поддержке администрации и управления культуры стало возможным участие мастеров в 6-ой Всероссийской выставке «Символы Отчизны» (г. Москва, ВДНХ, 2007 г.). В июле этого же года мастерская «Югорский сувенир» удостоивается гранта Президента Российской Федерации. В здании Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры представляется выставка «Сказочная Югра» (2007 г.), которая в 2008 году также демонстрируется в музее «Природа и человек». В мае 2008 года «Югорский сувенир» получает грант Губернатора Ханты-Мансийского автономного округа — Югры. И вновь мастерская принимает активное участие в 7-ой Всероссийской выставке «Символы отчизны» (г. Москва, ВДНХ, 2008 г.). При содействии департамента по внешним связям Ханты-Мансийского автономного округа — Югры мастерская «Югорский сувенир» открывает свою композицию в городе Рованиеми (Финляндия, 2008 г.). Мастерская принимает участие в самой значимой выставке декоративно-прикладного искусства России «Ладья» (г. Москва, Экспоцентр, 2009 г.). По приглашению Сибирского культурного центра города Омска мастерская участвует в Межрегиональном празднике традиционных ремёсел «Покровская ярмарка» (2009 г.). В здании Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры открывается новая экспозиция «Югорского сувенира» — «Югра сереброкрылая» (2010 г.). Формируются новые выставочные проекты мастерской в выставочном зале Дворца искусств города: демонстрируется экспозиция «Звенящей юности причал» (2012 г.); совместно с художественным отделением школы презентуются выставки «Здесь творчество кружит меж сосен вековых» (2013 г.) и «Северный край в ярких красках» (2016 г.). В апреле 2018 года в городе Мегционе «Югорский сувенир» проходит ретроспективную выставку декоративно-прикладного искусства «Рукотворный мир Югры».

Мастерская «Югорский сувенир» ежегодно принимает участие в организации и проведении городской выставки декоративно-прикладного искусства «Город мастеров», которая проходит в рамках

фестиваля искусств, труда и спорта «Самотлорские ночи». Благодаря сотрудничеству с Торгово-промышленной палатой города Нижневартовска, «Югорский сувенир» становится участником Международной промышленной выставки «ИННОПРОМ-2018». Эта выставка стала для мастерской ярким и запоминающимся событием.

С 2007 года мастерская «Югорский сувенир» становится постоянным участником региональной туристской этнографической выставки-ярмарки «Югра Тур» в Ханты-Мансийске. В 2018 году в составе делегации предпринимателей города Нижневартовска мастерская «Югорский сувенир» впервые приняла участие в выставке-форуме товаропроизводителей Югры «Товары земли Югорской», которая прошла в столице округа в Экспоцентре.

За плечами коллектива мастерской сотни проведённых мастер-классов в разных учреждениях города, округа, России по декоративно-прикладному искусству для детей и взрослых. В 2019 году мастерской «Югорский сувенир» исполняется 20 лет. За эти годы коллективом много сделано по развитию и популяризации ремесленного и декоративно-прикладного искусства среди горожан, общению подрастающего поколения к духовной и материальной культуре коренных народов Севера Югры, созданию привлекательного образа и имиджа города Нижневартовска как мастерового и культурного в пространстве России.

Сезенина Надежда
Сказочный мир Югры (гобелен)

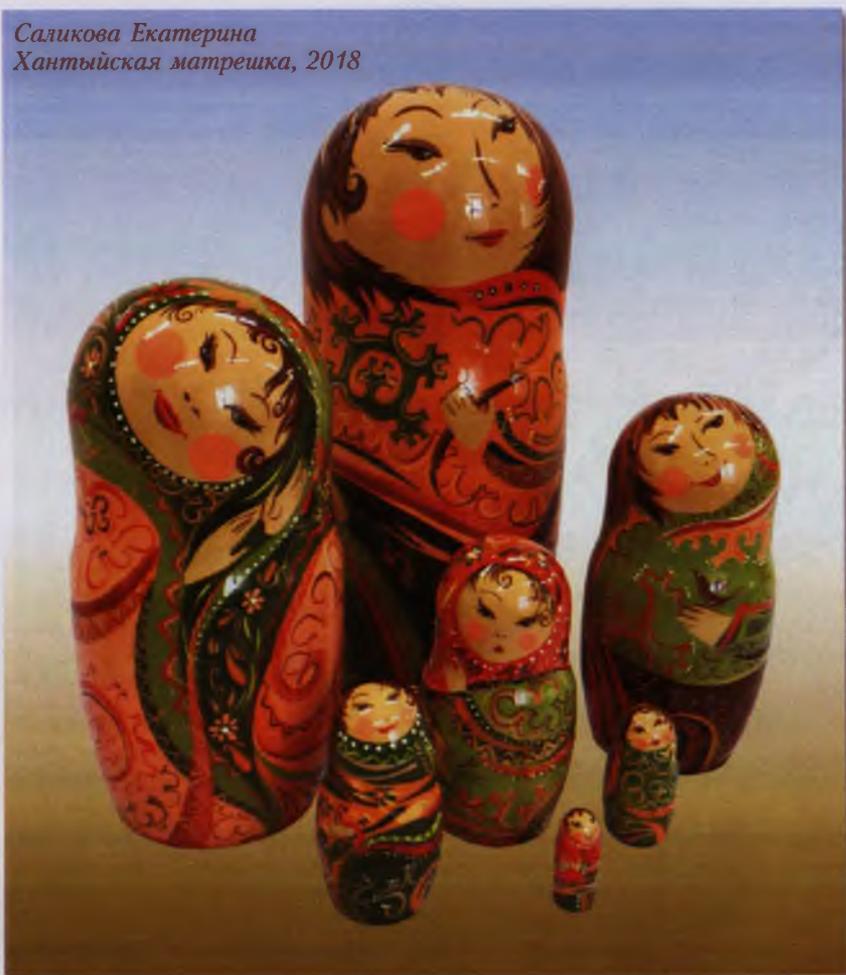
Сезенина Надежда
Югорская птица (гобелен)

Саликова Екатерина
Хантыйская мадонна, 2017

Саликова Екатерина
Сибирский ратнич-воин, 2018

Саликова Екатерина
Хантыйская матрешка, 2018

Саликова Екатерина
Лось, 2014

Потемкина Евгения
Северный олень, 2017

Потемкина Евгения
Мамонтенок, 2018

Потемкина Евгения
Золотая рыбка, 2016

Потемкина Евгения
Сова. Мудрость леса, 2017

ЗОРИ САМОТЛОРА № 15

2019

ГОРОДСКОЙ ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Альбина Кузьмина

Верстка: Евгений Борзов

Дизайн: Альберт Вахитов

Подписано в печать 25.11.2020 г.
Формат 70x108/16. Бумага офсетная.
Гарнитура Petersburg. Усл. печ. 12,7
Тираж 30 экз.

ИП Халилова Е.В.

Материалы от авторов принимаются в электронном и печатном виде. Рукописи не рецензируются и не возвращаются. Мнения авторов публикаций может не совпадать с точкой зрения редакции. При перепечатке ссылка на альманах обязательна

Издан юбилейный литературно-художественный альманах «Зори Самотлора»-2019, посвященный 25-летию городского Литературного объединения «Замысел» на собственные средства

Открытие мемориальной доски М. К. Анисимковой

